

ISSN0868-698x

СТОЛИЦА

№44 (154) 1993г.

иллюстрированный еженедельник

ПРИГЛАШЕНИЕ В МИР BMW

Пять причин, почему Вам стоит обратиться к нам:

1. Мы являемся единственным официальным представителем BMW в Москве.
2. Вам предоставляется возможность проехать за рулем последних моделей BMW. Вы получите исчерпывающую информацию о всех модификациях BMW. Гарантируется европейское качество обслуживания при покупке.

3. Вы приобретаете автомобиль по заводской цене из Германии. Ваш BMW будет изготовлен с учетом всех Ваших пожеланий.
4. Только у нас Вы получаете гарантии фирмы-производителя.
5. Если у Вас уже есть BMW, мы приглашаем Вас воспользоваться услугами нашего автосервиса.

Гевика Автосервис ГмбХ
115201, Москва, ул. Котляковская, 3А
Тел./факс (095) 113-38-48, 113-78-03

С УДОВОЛЬСТВИЕМ ЗА РУЛЕМ.

АУТСИДЕНТЫ

Михаил ПОЗДНЯЕВ

Иногда мне кажется, что не только я их всех, но и они меня давно в лицо знают, и кивни я кому из них на ходу — спросят: «Как дела?».

Мое и их место работы соседствуют: чтобы попасть в редакцию, на Петровку, мне надо пройти подземным ходом от «Метрополя», реконструированного варягами, до Малого театра, обновленного усердием сарацин, сквозь строй родных московских нищих.

Иду и думаю: кому подам сегодня? Этой ли, запьянцовской, в линялом сатиновом халате и в черном платке, один нос бульбочкой торчит? Этому ль, с орденскими планками на пиджаке? или бабушке с фанерной иконой? или двум пацанам-цыгантам с транспарантом «МЫ БЕЖЫНЦЫ?»

Подашь одному — другой обидится, а всех одаришь — впору самому на выход из туннеля пристраиваться.

Подам-ка нынче девушке — там, на выходе, играющей на флейте «Мелодию» Глюка.

Дорого не подаяние — внимание. Не милостыня — милосердие. Где-то у митрополита Сурожского Антония приводится замечательная история о человеке, остановившемся по пути на службу, чтобы подать гривенник нищему, — и с ужасом обнаружившем, что позабыл дома кошелек. Так что ему ничего другого не оставалось, как только попросить у нищего прощения. Нищий был профессионал и зарабатывал во много раз больше этого человека; род занятий воспитал в нем известный цинизм, но он был глубоко расстроган смущением прохожего, разговорился с ним, как со старым другом, а прощаясь — признался, что никто и никогда не проявлял к нему такой щедрости. Никто ни разу не увидел в нем человека.

И еще неизвестно, комментирует свой рассказ владыка Антоний, кого более обогатила эта встреча. Оба — как будто в зеркало посмотрелись, рассмотрелись — и увидели сквозь гри-

Аутизм — своеобразное течение мысли или представлений, наблюдающееся при некоторых психических заболеваниях... Течение мыслей и представлений при аутизме не подчиняется требованиям объективной действительности и не соответствует ей.

Из Энциклопедии

масу унижения и нужды прекрасной лик Христа...

Беда обществу, плодющему нищих. Беда горшая стократ — обществу, ставящему интересы нищих, интересы попрошаек, вроде Паниковского с его назойливим: «Дай миллион!», превыше всего. Такое общество уже не обиженных судьбой нищих плодит — но иждивенцев. Дармоедов. Только в таком обществе может стать государственным гимном разбойничья песня «Кто был ничем, тот станет всем». И распевают во всю головушку этот гимн, став по стойке смирно в бывших царских палатах, золото с бархатом, заплывшие салом «слуги народа», созерцающие нищих мимоходом из своих персональных авто, а пресловутую колбасу, краеугольный камень учения о социальной справедливости, покупающие в спецраспределителе.

И ведь ясно же: только в таком обществе вопрос о правах человека застит свет, все силушки отнимает в дискуссии между властью и оппозицией. В здоровом, нормальном обществе он даже не возникает, никто о нем не заикается, его попросту нет — как нет упоминания о нем в Евангелии. И в Евангелии, и в нормальном обществе дискутируется вопрос о Законе и Благодати, о пользе общественной и личном покаянии, персональном ответе каждого перед Богом и людьми.

В октябре сего года «Независимая газета» опубликовала, с разницей в две недели, тексты двух замечательных русских писателей-эмигрантов Юрия Милослав-

кого и Андрея Синявского.

Оба текста помещены в одной редакционной рубрике — «Идеи и люди»; тем любопытнее их сопоставить, увидеть во втором тексте убедительную иллюстрацию острых и горьких положений, заключенных в тексте первом.

Оба текста провоцируют на спор, мудроно отмолчатся. Тем паче, многочисленные «Почему?», заданные Милославским и Синявским, обращены не узкому кругу интеллектуалов — широкому общественному мнению. Позволять отвечать вслух. Беру на себя смелость.

Манифест Синявского с подзаголовком «Почему я сегодня против Ельцина» («НГ», 13.10.93) почти академичен. Это — именно Синявского, а не Абрама Терца сочинение, лекция профессора Сорбонны, а не кривлянье болтливое эзика. Никаких тебе «тоненьких эротических ножек», никакой «России-суки» — и однако в каждом слове и в самой интонации есть нечто чудно походящее на песни, пляски и пламенные речи профессиональных нищих из подземного перехода меж Малым театром и отелем «Метрополь».

«Мне сегодня тяжело: почти вся русская интеллигенция за Ельцина, а я — против. А это трудно и стыдно — быть одному...»

Не то реверанс, не то расшаркивание — да хоть бы что, все одно: диву даешься слышать такое — от Синявского, интеллигента-изгоя, литератора-отщепенца, за которого во дни суда над ним и покойным Даниэлем заступилось всего несколько десятков собратьев. А весь писательский Союз, начиная с Шолохова, с трибуны партсъезда требовал применить к ним чуть ли не высшую меру. И в эмиграции оказавшись, Синявский столкнулся с таким же повальным неприятием «Прогулок с Пушкиным», коллективным обвинением в русофобии. Чай, не мальчик — седобородый муж, «сам» свой высший суд, живи один» (по слову Александра Сергее-

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

В.Золотарев:

Кто заинтересован в «окультуривании» нашей политической жизни, должен давить на президентскую сторону, на Ельцина и требовать от него отказаться от повторной баллотировки. Я думаю, что это будет принципиальным вкладом в развитие демократии в России.

10

А.Мальгин:

Кто вы, Дмитрий Якубовский?

13

Д.Вронская:

За четыре дня до ареста Александровича из Англии было выслано 106 сотрудников КГБ, деятельность которых особенно раздражала английское правительство. Дело стало международным скандалом...

24

2 ЭКОНОМИКА

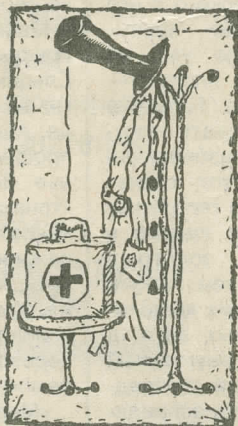
Ю.Данилов:

Мы разработали механизм, при котором, как только начинается отгрузка нефтепродуктов, поставщик сразу будет получать от нас деньги. Ни задолженностей, ни стрессов, ни ажиотажа. А Центробанк опирается, продолжает все проводить через регионы. И теряются большие средства.

28

А.Апазов:

Министр здравоохранения должен работать! Не демагогией заниматься, а ходить добиваться валюты, выбивать рубли. Бывать в Минфине, в Минэкономике...

31

3 ЖИЗНЬ

А.Терехов:

Наверное, живешь не там, где ешь, не там, где зачислен, не там, что читаешь. Живешь там, где твой огород, — и я еду туда...

36

Н.Попов:

Моего брата упекли в Бутырку. Произнесите, господа, последние пять слов каждый про себя, и тогда вы поймете мои ощущения.

38

Из беседы Е.Салиной с Н.:

— Вы не боитесь перейти какие-то допустимые морально-этические границы?

— ...для меня — чем больше компры накопишь о конкретном лице, тем лучше. Взятки берет — хорошо. Имеет пять любовниц — очень хорошо. Гомосексуалист — еще лучше.

40

4 КУЛЬТУРА

Л.Ахеджакова:

Жизнь проходит, а Чехов в ней так и не появился, почти. И Шекспир мимо меня прошел, и Достоевский, и Гоголь.

52

Н.Малинин:

Неужели симпатичные литературоведы, обратившие Розанова в диссертации, доклады, комментарии, в зарплатах и отпуска, забыли ту первую радость от соприкосновения с ним? Неужели они забыли, как тайком читали, как тащились и кайфовали?

56

Н.Климонтович:

Эта вечерняя идиллия всегда омрачалась, делалась хрупкой, едва мы вспоминали, что не знаем, сможем ли быть вместе этой ночью. После одиннадцати вечера ее зона В особенно тщательно охранялась...

58

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 ауп

Журнал «Столица» выходит еженедельно с августа 1990 г.

Зарегистрирован Министерством печати и информации Российской Федерации 25 октября 1993 г. (№ 0110344).

Учредитель: редакция журнала «Столица». Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефонам:

923-19-71, 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин
Заместители главного редактора: Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков

Директор издательства: Борис Рабкин

Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов

Главный художник: Владимир Петров

Отдел общественно-политической жизни: Александр Касатов

Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен

Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая

Отдел международной жизни: Консуэло Сегура

Отдел оперативной информации: Кирилл Рыбак

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан»

Номер подписан в печать 29.10.1993 г.

Тираж 92 000

Цена договорная

Над номером работали:

П.Смирнов, О.Проханов, Е.Дворецкова

© «Столица», 1993

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул. 1905 г., д.7. Зак. 4357

вича) — и поди ж ты:

«...Это трудно и стыдно — быть одному, и я бросаюсь к близкому другу, к доброй знакомой, к прохожему: ну как же так? Неужто вы не знаете, что не имеет права президент страны нарушать закон? И слышу в ответ: значит, вы за этот гнусный Верховный Совет, за омерзительного Хасбулатова, за коммунистов и красно-коричневых?»

Да нет, кричу я во сне, я сам всю жизнь ругался с этой мастью, но... не смеет Ельцин распускать Верховный Совет «...»

Я ненавижу газету «День», презирал «Правду» и брезговал «Литературной Россией» «...» Я много лет полужил на полемику с русским национализмом, с «Памятью», с Шафаревичем. Но сегодня я готов заступиться за своего врага, ибо в опасности моя самая любимая женщина — свобода слова. Неужели я больше христианин, чем все вы?»

Ищу ответа на вопрос — и вспоминаю письмо Лидии Чуковской — ее ответ Шолохову. В том историческом письме тоже шла речь о свободе слова, о праве писателя на высказывание, не стесненное цензурой, ибо цензура унижает равно для писателя и власти. Но ведь Чуковская говорила о слове писателя, Шолохова ли, Синаевского — но не графомана Шолохова-Синаевского (был такой прозаик) или, прости Господи, какого-нибудь Феликса Чуева, автора корявых стихов о русском раздолье, по первым буквам коих читалось «Сталин в сердце». Чуковская возвысила голос в защиту сидящих в тюрьме Синаевского и Даниэля — но не увенчанных премиями «силовых структур» за черносотенные пасквили Шевцова и Кочетова. Она обращалась к примеру и урокам Пушкина все же, не Булгарина. Наконец она усматривала в судилище над писателями рецидив ГУЛАГа — и по высокому счету преклалась о пользе общественной, а не только о правах человека — и есть, извините, есть разница между ее письмом (за которое она была исключена из Союза писателей и потом двадцать с лишним лет не могла ни буквы напечатать) и текстом Синаевского, без купюр, с колес и «на ура» напечатанным «Независимой газетой», органом лауреата Нобелевской премии мира М.С.Горбачева.

Горбачева я не всеу задел — ибо в тексте Андрея Синаевского имеет место панегирик Горби. Недоумевая, почему и с какой стати сегодня почти все сердца отданы Ельцину («За что? Какие за ним добрые дела?»), Синаевский сравнивает «узурпатора» с «Михаилом Благословенным»... пар-

дон, пардон: Благословенным именovali императора Александра I, Горбачев же, по мнению Синаевского, вылитый государь Александр II Освободитель:

«Войска из Афганистана убрал? — раз. Свободу слова подарил? — два! Восточной Европе освободиться позволил? Свободу Сахарову и другим политзаключенным вернул? С холодной войной покончил? — пять! В пределах, казалось бы, одной руки, но как это было много и важно.

Ни на Ельцина, ни на Горбачева, ни на судьбу России я, в отличие от любимого мною писателя Синаевского, не смотрю столь прямолинейно — и готов еще несколько пальцев загнуть. Горбачевскому правленью мы обязаны, как-никак, и армяно-азербайджанским кровопусканьем, и насилием в Средней Азии, и демаршами «командос» в Прибалтике, и сокрытием правды о Чернобыле, и обеспечением счастливой старости диктаторам вроде Цеденбала и Хонеккера, и триллионами, вбуханными в создание лазерного оружия и суперракеты «Энергия», и попечительством над КПСС — партией упырей и зомби (телом, грудью, Нобелевским дипломом заслонял до последнего!), и торможением экономических реформ, и еще, еще... Пальцы загибаем мы — а расхлебывает Ельцин.

Ну не мил Синаевскому наш теперешний президент, малосимпатичны ему в Ельцине замашки Ноздрева и Собакевича; но неужели Абраму Терцу, пронзительному исследователю Гоголя, так уж мил «предыдущий оратор» — вылитый Чичиков?

Неужели в самом деле Синаевский, автор объемного литературоведческого труда об Иване-дураке, до такой степени отождествляет его с пресловутым Иваном не помнящим родства, а Иоанна, Христа ради Юродивого, по прозвищу «Большой Колпак» (прототип пушкинского Николки из «Бориса Годунова») — с юродствующим в туннеле под Охотным рядом, б. проспектом Маркса, профессиональным нищим? «Неужто в самом деле, неужто не шутя?» Андрей Донатович спит и видит амнистию Руцкого и Хасбулатова, реанимацию их Верховного Совета, отставку и суд над Ельциным, смертную казнь всех, кто его поддерживает, разрешение «Дня» г-на Проханова и предоставление поборникам «русского порядка», выкорышам Шафаревича, права на погромы — и все ради «любимой женщины — свободы слова»? Оно конечно: ради любимой женщины во все тяжкие без зазрения совести пустишься... да ведь это будет какая-то странная свобода совести. Эксклю-

зивная. Нарочно для Андрея Донатовича.

Было бы проще всего усмотреть в манифесте Синаевского нечто «возрастное». Перефразируя гениальную Фаину Раневскую, ее крылатое: «Вас тут не стояло», уместно предположить: Синаевского тут, в России, «слишком долго не стояло»... А может, все дело в том, что русская интеллигенция сегодня — за Ельцина, а Синаевский — против, а одному быть — трудно и стыдно? А в обнимку с провокатором Анпиловым, на груди у теоретика (да уже и практика) красного террора Константинова — оно как-то полегче?..

Впрочем — к чему юродствовать: всего спустя два дня, 16 октября, на первой полосе «Независимой» снова появится имя Синаевского. «Надо бы доругаться»? Или что-то уточнить? Да ничуть: текст едва ли не слово в слово повторяет ранее сказанное — разве что еще рекомендуя, как практиковалось в России встарь, после незамедлительной отставки Ельцина заточить его... нет, не в «Лефортово». В монастырь. Так прямо и написано: «...Не перевыборы. Только отставка. Монастырь. Грехи замаливать».

Андрею Синаевскому не пришлось ждать, пока Ельцин разрешит выпуск «Правды», или «Дня», или той самой «Литературной России», которая совсем недавно призывала власти поступить с Абрамом Терцем, как поступил аятолла Хомейни с Салманом Рушди: приговорить щелкопера к «вышке» заочно, а как придет на историческую родину — тут же поганую башку и отсечь! Зачем «Литературная Россия»? Есть неподцензурная «Независимая»!

Но еще замечательнее — то, что Синаевскому не пришлось дожидаться, пока на его манифест откликнутся Константинов с Анпиловым (или Горбачев с Шафаревичем). Нашлись «заединчики» на месте постоянного проживания. Там вдали, за бугром. Персоны столь же колоритные и заметные, как и Синаевский. Прозаик и основатель журнала «Континент» Владимир Максимов и неисправимый большевик Петр Абовин-Егидес.

Что объединило их троих — по собственному признанию, «давних оппонентов, чтобы не сказать проще — многолетних врагов»? Что принудило «сесть за один стол»? Сели они, видите ли, «не потому, что похристиански простили другу», а все потому же, что любимая женщина у них одна. И она им, седовласым патриархам диссидентского движения в изгнании, «дороже самого себя, своих бессонных ночей, смертельных обид и отчаяний».

Это до того похоже на сбивчивые объяснения Юрия Власова, охотно занявшего почетное место в президиуме Фронта национального спасения меж генералом КГБ Стерлиговым и фашистом Баркашовым («у нас общая тревога, общая цель, она — выше личных убеждений»), это так близко и к самооправданию Станислава Говорухина, не брезговавшего сидеть в том же зале, только в партере, в компании боевиков-чернорубашечников, а после заявившего, что на «совет нечестивых» привела его любовь к Родине, — это так близко, так похоже, что я рискну назвать истинную причину перемирия Синявского, Максимова и Абовина, реальное обстоятельство, подтолкнувшее их к написанию коллективной «телеги» (несколькими днями ранее Максимов и Абовин в соавторстве с женой Эдуарда Лимонова мадам Медведевой и еще девятью совсем уж неизвестными «выходцами из России» послали ябеду в Европейский парламент: Ельцина — под суд!)...

Причина проста, как мычание. Страх съехать на обочину общественного процесса. Страх оказаться аутсайдерами. Страх потерять скандальную, какую-никакую, худую-бедную — славу. Страх — как при аутизме — перед «объективной реальностью».

Только и всего. «Быть одному», тем паче в эмиграции, не столько «трудно и стыдно», сколько — по-человечески — страшно...

Издесь — я обращаюсь к интервью Юрия Милославского, опубликованному в «Независимой газете» двумя неделями раньше. Не стану сравнивать Милославского с Синявским — ни их таланты, ни их судьбы, ни личные качества, вполне проявившиеся в этих двух (точнее, в трех) газетных текстах. Прочитую, без комментариев, суждения Милославского о диссидентах, эмигрантах «третьей волны», активно включившихся в последнее время в наши русские «разборки»:

«...Здесьняя суета по поводу приездов этих авторов, сопровождаемая заламыванием рук, испрашиванием наставления и подчеркиванием своей осиротелости, кажется мне довольно странной. Мыслящая часть русской публики страдает избытком экзальтации по отношению к визитирующим изгнанникам. Изгнанничество есть чистойшей воды притворство, разновидность бизнеса, моральная спекуляция и пенкоснимательство. Профессиональное изгнанничество всегда вызывало во мне активное неприятие. ... Я убежден, — продолжает Ю. Милославский, — что влияние диссидентства на русские судьбы ку-

да меньше, чем это пытаются представить. ... Люди, принимавшие диссидентское движение всерьез, погибли все до одного. Многие из них — за границей, и их гибель носит если не загадочный, то зловещий характер. ... Я не хочу сказать, что они стали жертвами тайной полиции той или иной страны. Но лишь констатирую факт: люди этого склада не выжили. ... Правозащитное движение базировалось на лжи. Эта ложь заключалась в известной формуле, выдвинутой еще в шестидесятые годы: «Уважайте собственную Конституцию!» О какой Конституции вообще идет речь?! Все это прекрасно понимали: и следователи КГБ, и сами диссиденты, твердящие эти фарисейские лозунги. ... Люди же истинно честные и мыслящие, пусть даже и не воцерковленные, сгорели на этом пепелище противоречий, они не выдержали этой очевидной и разьедающей душу лжи диссидентства...»

Юрий Милославский — человек верующий, православный. Как и Андрей Синявский, как и Владимир Максимов. Петр Абовин-Егидес — тоже верующий. В коммунизм. Он любит к месту и не к месту говорить, что коммунизм — то же христианство, сокрушаться, что-де никто не попрекает Христа кострами инквизиции, так зачем, братцы, на Маркса и Ильича вешать грехи «позднейших извращений».

И Синявский, и Максимов, и Абовин люди пожилые. В эмиграции по двадцать лет — а все равно большая часть жизни прожита здесь. Что такое ГУЛАГ, все трое знают не понаслышке. Знают, помнят, что три четверти века в Отечестве нашем не просто власть гнала оппозицию, не просто нарушалась Конституция, не просто свобода слова ущемлялась — Христос изо дня в день велся на Голгофу и распинался.

Они знают, должны помнить, что в Евангелии Христос обличает паче всего не узурпаторов власти, но законников, фарисеев. Не посмел бы коммунист Пилат распять Господа — кабы не фарисеи, заступники Римской Конституции, а отнюдь не Моисеева Закона.

Что же — если не фарисейство — их крестовый поход на Ельцина? Что — если не продудное лицемерие — их готовность превыше Царя Небесного, превыше совести и чести вознести горячо любимую ими дамочку, именуемую Свободой Слова?

Фарисеи, осудившие Христа на распятие, разумеется, делали ставку в первую голову на свободу слова, на «глас народа», на толпу — толпа и редела: «Иисуса — распять! Варавву — помиловать!» Но и о том, что скажет «прогрессивное человечество», Рим-

ский кесарь, — помышляли, бестии.

Синявский со товарищи в первую голову, ясно дело, заботятся о своей ангажированности в России. Но и во Франции рассчитывают аплодисмент сорвать. Их демарш совсем не случаен во дни, когда Францию посетил Солженицын. Его речь при открытии памятника в Вандее вызвала ярость левой прессы, либеральной общестственности, всех жрецов пресловутой Свободы Слова, любимой женщины наших трех первосвященников-диссидентов.

Было французам отчего яриться: «Французская революция, — сказал Солженицын, — текла во имя внутренне противоречивого и неисполнимого лозунга — «свобода, равенство, братство». ... А еще ж к этому тройному лозунгу... добавлялось «или смерть!», уничтожая уже и весь смысл его. ... И вот, открывая сегодня памятник вашей героической Вандее — я испытываю двойное взгляда: я... мысленно вижу и те памятники, которые когда-нибудь поднимутся и в России — как знаки нашего русского сопротивления накату зверского коммунизма».

Нельзя жить долгие годы в отрыве от родины, от своей земли обетованной — и сохранить неповрежденным видение ее. Солженицын — как Синявский, Максимов и Абовин-Егидес — не вполне свободен от иллюзий, говоря о нынешней России. Но одно дело — его «двойное взгляда», его прозрение в Вандее будущих памятников жертвам коммунизма в отечестве нашем; и совсем иное — косые глаза выходящего в тираж диссидента-женолюба, помышляющего единственно, как бы и рыбку на бульваре Распай съесть — и, скажем так, дружить с г-ном Лимоновым. Задача трудная, но разрешимая: удается же Лимонову сохранять голубой ореол вокруг имени и репутации своей — и возглавлять самую что ни на есть красно-коричневую национал-большевистскую партию. И питейскому митрополиту Иоанну — удается совмещать епископское служение и призвание христианина с обязанностями штатного борзописца «Советской России». Как-то удавалось до сих пор. До сего дня.

Сегодня — Синявский против Ельцина. А что будет завтра — Бог весть.

Я же сегодня, пожалуй, подам милостыню, горбушку из своей «потребительской корзины», уж не обессудьте, не юродствующему БЕЖЫНЦУ. А вон той девушке, играющей на флейте Глюка, на выходе из темного туннеля.

Открыта подписка на журнал «Столица»

на 1-е полугодие 1994 года!

Стоимость подписки, объявленная редакцией:
на три месяца — 2600 рублей,
на шесть месяцев — 5200 рублей.

К этой цене местные отделения связи приплюсовывают свою надбавку.

Стоимость подписки в Москве с учетом надбавки составляет:
на три месяца — 3166 рублей (для организаций — 3732 рубля);
на шесть месяцев — 6182 рубля (для организаций — 7164 рубля).

Сведения о подписке в приложении № 1 к каталогу «Роспечати», а также в Московском каталоге газет и журналов

Ф СП-1

«Роспечать»

АБОНЕМЕНТ на газету журнал **73746**
 «Столица» (индекс издания)
 (наименование издания) Количество комплектов:

на 19__ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
 (почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
 (фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ _____ место _____ литер _____ на газету журнал **73746**
 «Столица» (индекс издания)
 (наименование издания)

Стоимость	подписки	_____ руб.	_____ коп.	Количество комплектов:
	пере-адресовки	_____ руб.	_____ коп.	

на 19__ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
 (почтовый индекс) (адрес)

Кому _____

Рекламный центр еженедельника
«Столица» приглашает рекламных
агентов для работы по всем видам
рекламного обслуживания.
Вознаграждение от 10%.
Тел. 928-83-40.

е

Еженедельник «Столица»
приглашает распространителей
на выгодных условиях!
Контактные телефоны: 925-73-09,
928-27-69.
Редакция выдает
разрешение на распространение.

**ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ
АБОНЕМЕНТА!**

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки)

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати

**Уважаемые
московские
читатели
«Столицы»!**

Если вы имеете
возможность
приезжать за нашим
журналом в
редакцию,
мы подпишем вас
на первое полугодие
1994 года

по льготной цене:

3900 рублей

(на полгода),

1950 рублей

(на квартал),

650 рублей

(на один месяц)

Подписку можно
оформить в редакции

по адресу:

Петровка, 22

(вход с Рахмановского

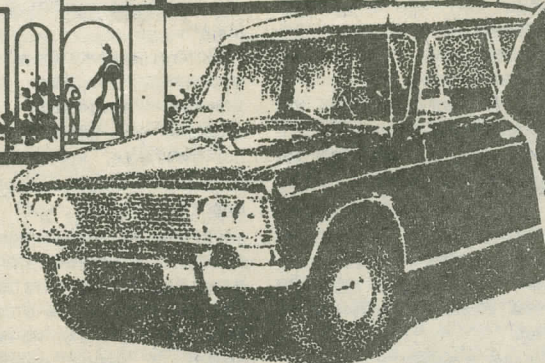
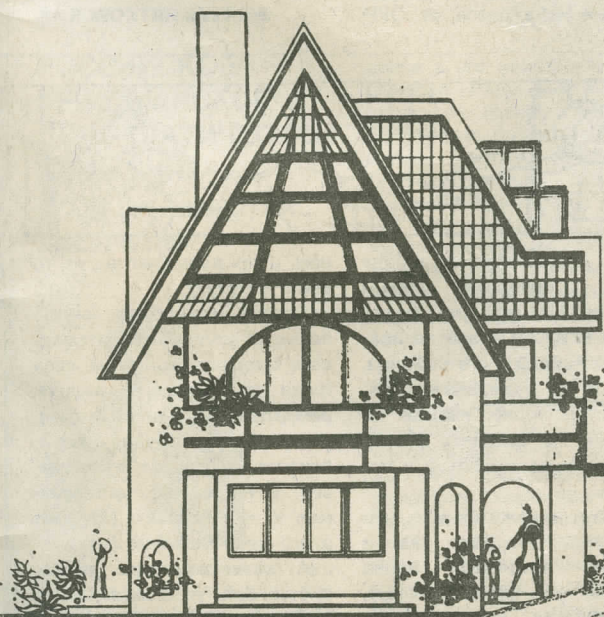
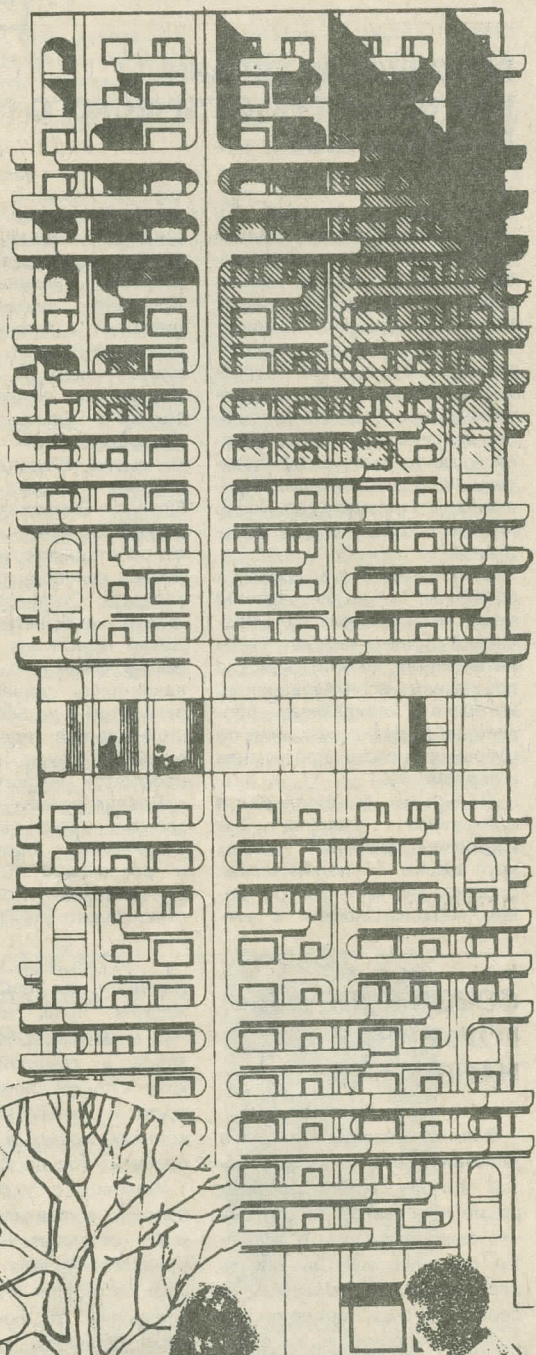
переулка),

комн. № 610.

Справки по телефону:
928-27-69

ВАШ ДОМ — ВАША КРЕПОСТЬ!

Фирма «СТОЛИЧНАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ» поможет Вам решить жилищную проблему и экономически грамотно распорядиться сбережениями. Вступив в члены жилищно-строительного кооператива «СТОЛИЧНАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ», Вы получаете реальную возможность стать владельцем квартиры в Москве или коттеджа в Подмосковье.

Наш адрес:
Москва,
пл. Революции, д. 2
(музей В.И.Ленина).

Тел.: 928-83-01, 921-43-37.

РОССИЙСКИЕ УКРАИНЦЫ КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОЖДЕЛЕНИЯ

На фоне охватившей Россию предвыборной горячки не потерялось и такое событие, как I конгресс украинцев Российской Федерации. Как утверждают его организаторы, учрежденное на конгрессе Объединение украинцев России (ОУР) представляет интересы шести миллионов россиян украинского происхождения, многие из которых либо уже оформили украинское гражданство, либо намерены сделать это в будущем.

С учетом этого фактора обширное представительство на мероприятии украинской политической элиты наталкивает на мысль о его возможном использовании в интересах набирающей обороты на Украине кампании по избранию нового президента и парламента.

С весьма благовидной и прозрачной миссией на конгрессе прибыли лидеры крупнейших политических организаций: министр по делам национальностей и миг-

рации Александр Емец (Объединение «Новая Украина») прочел приветствие от президента Украины Леонида Кравчука, Владимир Яворивский (Демократическая партия Украины) выступил с приветствием от президиума Верховного совета Украины, Михайло Горынь (Украинская республиканская партия) — от имени председателя Верховного совета Леонида Плюща, Вячеслав Чорновил («Рух») произнес приветствие от собственного имени. Один лишь руководитель секретариата Организации украинских националистов (ОУН) Петро Борсук не озаботился выполнением на конгрессе каких-либо почетных обязанностей и на все вопросы о цели своего пребывания в Москве отвечал, что приехал просто так — прогуляться.

Вполне естественно, что не забыли своих избирателей украинского происхождения и российские политические объединения. Кроме представлявшего Гражданский

союз Виктора Мироненко, конгресс почтил своим присутствием Сергей Шахрай, зачитавший приветствие президента России и выступавший на уверенном украинском Григорий Явлинский.

Следует сказать, что под влиянием произошедшей политизации заседания в проект устава учреждаемой организации была внесена поправка о возможности участия ОУР в федеральных выборах, вследствие чего на конгрессе сформировали Избирательную комиссию, в задачи которой вошло ведение переговоров о вхождении Объединения в один из избирательных блоков. И хотя по личной популярности Г.Явлинский был вне всякой конкуренции, но из-за наличия в его избирательном списке такой одиозной для украинцев фигуры, как Владимир Лукин, а также из-за отсутствия в предвыборной платформе чисто проукраинских положений было принято решение идти на переговоры с С.Шахраем.

Эти переговоры в кабине на Старой площади завершились успешно — вице-премьер не только взял в свой избирательный список пятерых кандидатов от ОУР,

но и согласился включить в свою программу четыре предложенных украинцами пункта.

Таким образом, ОУР стала первым общероссийским национальным объединением, рассматриваемым из Москвы как заслуживающая внимание политическая сила. Недаром на заседании только что избранного совета ОУР страсти по председателю креслу разгорелись до такой степени, что из комнаты пришлось выставлять всех нежелательных свидетелей. Впрочем, страсти вспыхнули напрасно: в итоге претендент № 2 на должность руководителя Объединения, он же космонавт № 3 Павел Попович получил несколько голосов «за» и был вынужден довольствоваться постом зама. А председателем ОУР стал его бесспорный лидер, бывший главный редактор журнала «Дружба народов», а ныне независимый издатель Александр Руденко-Десняк, которому, не исключено, в скором времени придется воплощать подрастерянные за последнее время идеалы «дружбы народов» и на скамье депутата Государственной Думы.

Алексей ПЯТКОВСКИЙ

СОВОК FOREVER. ГОЛУБИНАЯ НАИВНОСТЬ

Все, что граждане знают о действиях властей, получается потому, что работают радио и телевидение, потому что выходят газеты и журналы. Не знаю, как бы власть распространяла небыллицы о себе, не будь средств массовой информации, — с помощью герольдов или, может быть, голубиной почты? Это не дает, однако, основания нам считать, что власть чем-то обязана журналистам. Это они ей обязаны, что она, дорогая, им разрешает писать. Даже то, что она что-то запрещает, мы из тех же средств — радио, ТВ или прессы — и узнаем. Ну, может быть, не всегда отечественных, но ведь не привыкать же.

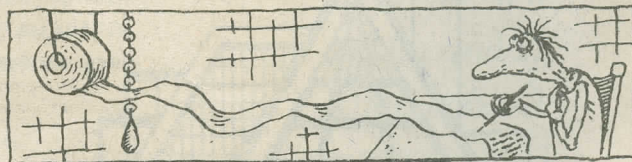
Тысячу раз солидарен с теми, кто в Доме журналиста на собрании по поводу создания «фонда защиты прессы»

говорил о необходимости защиты прав журналистов. Чем могу помочь тем, кто оказался в тяжелой ситуации, хотя по-прежнему особенно-то и нечем, кроме «нескольких строчек в газете». Но просить у государства?

Конечно, с удовольствием отдохну в пансионате, который оттяпают энергичные создатели фонда у сильных мира сего (верю в это мало), и апельсины от фонда (в это верю побольше) приму, если окажусь в больнице после нападения очередных «мракашовцев» (вот в это верю особенно сильно).

Но не могу понять эти микрофонно-чернильные сопля по поводу того, что государство ли, правительство ли, лично ли дорогой Борис Николаевич чего-то там то ли не дает (льгот ли, денег ли, бумаги ли), или дает, но то ли не тем, то ли не то. Да им не до нас!

Потому и кажется мне голубиной совковой наивностью просить у власти раз и нав-

сегда защитить свободу слова. Последним самым решительным из всех решений! А кому не нравится президент, Гайдар и его команда, пожалте в самиздат. Специалистов полно, навыки не потеряны. Но цыганить у власти, чтобы ее же потом и поносить...

Потому и кажется мне, что журналисты-то как раз и должны защищать права граждан — имущественные, политические, какие угодно. А те уже и будут избирать ту власть, которая этим интересам, а не выдуманной из головы партийным программам будет соответствовать. Эти вот граждане и отстегнут свои кровные на печать, и прямо, и через налоги. А власть, конечно, будет пока постреливать и по гражда-

нам, и по журналистам, на то она и власть.

Потому и надо не «выступать», а молча отработать свое прошлое молчание, свои грехи перед людьми нашими: репортажи о великой стране, о передовиках и ударниках, о покорениях целин и космосов, о наших полных закромах и «их нравах». Нет уже этого ничего, да и не было.

А есть погибшие журналисты, есть их семьи. О них нельзя забыть. Потому и прав был Алексей Симонов («Фонд защиты гласности»), который был против награды «проявившим особую самоотверженность», пока рядом есть вдовы и сироты других. Тех, кто все это уже проявил, но строки эти не прочтет и других не напишет.

Александр КАСАТОВ

КРАСАВИЦА ЖЕНА И СТЕКЛЯННЫЙ ГЛАЗ ПАРТИИ

Продолжается процесс внеочередных партийных съездов и создания на них предвыборных блоков. Свой съезд провела радикально-либеральная Свободная демократическая партия России, пользующаяся поддержкой преимущественно в Санкт-Петербурге и на Северо-Западе. Главной темой съезда стал вопрос образования предвыборной коалиции, в которую должен был войти Союз ветеранов Афганистана, созданная на его базе Народно-патриотическая партия, Общество купцов и промышленников и некоторые другие организации. На прошедшем накануне заседании руководства партии был определен и возможный вариант партийного федерального списка.

Но уже начало съезда показало, что намерениям этим сбыться не удастся: около девяноста прибывших на съезд делегатов уподобились, если так можно выразиться, витязю на распутье.

Первая надпись на камне утверждала: налево вместе с либерально-военизированным блоком пойдешь — свои пять процентов голосов найдешь. Вторая: направо вместе с «Выбором России» пойдешь — гарантированное место в региональном списке найдешь (санкт-петербургская организация СвДПР — одна из сильнейших в городе). Правда, до витязя доносились завывания: «ДемРоссия» — грязная организация», «Ельцин предал демократию!». Третья же надпись была примерно такова: ну и дураки же вы тут все, никуда не надо идти, налево пойдешь — неправильно другими либералами понят будешь. Направо пойдешь — себя потеряешь. Поэтому нужно пойти другим путем — проигнорировать эти недемократичные выборы. Раздавались и голоса идти на выборы самостоятельно (в подтверждение чего один делегат даже сказал: если бы я все время думал о своем левом стеклян-

ном глазе, у меня никогда не было бы красавицы жены), а также вместе с блоком Явлинского или с Российским движением демократических реформ.

Разрешилась коллизия принятием соломонова решения из четырех пунктов, которые дружно представили съезду все три сопредседателя: отказаться от участия в выборах по партийным федеральным спискам; членам СвДПР баллотироваться не от партии, а от имени организаций, их выдвинувших; представить региональным организациям СвДПР самим определить свое отношение к участию в выборах; оказать поддержку участвующим в выборах членам СвДПР.

Как сказала корреспонденту «Столицы» наиболее авторитетный лидер партии Марина Салье, «тем самым мы выразили свое презрение к этим выборам».

В связи с устраниением из повестки дня потенциально наиболее разрушительного для всех партий пункта о формировании федерального избирательного списка отодхнувшим в профилактории

делегатам осталось только принять партийную «предвыборную платформу», которую срочно переименовали в «предвыборную позицию». В ней СвДПР подтвердила свою традиционную ориентацию на дальнейшую легитимизацию системы президентской власти, на проведение последовательной либеральной политической и экономической реформы, на устранение неравенства прав субъектов Федерации.

Были также приняты три резолюции: с протестом против массового нарушения прав человека в ходе октябрьских событий и действия чрезвычайного положения в Москве и с требованием расследования каждого подобного случая; о необходимости объявления 7 ноября Днем скорби; о необходимости принятия новой Конституции Учредительным собранием и одобрения на референдуме лишь конституционного акта.

После чего довольные делегаты, досрочно завершив как съезд, так и свою предвыборную кампанию, разъехались по домам.

Алексей ЮРЬЕВ

ЕСТЬ ТАКИЕ ПАРТИИ!

РОССИЙСКОЕ ХРИСТИАНСКОЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ (РХДД) — «партия Аксючица»

Эта консервативная православная группировка возникла в 1990 году, зарегистрирована в Минюсте России 6 июня 1991 года. Поддерживало союзный договор в ново-огаревской редакции и продолжает выступать за союз территорий бывшего СССР. Резко выступала против президента Грузии Звиада Гамсахурдия в период конфликта в Южной Осетии, поддерживает Приднест-

ровье в его конфликте с Кишиневом. РХДД выступает за пересмотр границ между республиками бывшего СССР в пользу России, предъявляя территориальные претензии Украине и Казахстану.

В программе РХДД содержатся требования активного вмешательства в экономическую жизнь. Движение выступает против приватизации земли. При проведении приватизации промышленности предлагает опираться на управленческий персонал (номенклатуру), передав ему контрольный пакет акций. То же самое предлагается и для сельского хозяйства: реорганизовать колхозы так, чтобы основная часть стоимости земли сконцентрировалась в руках сельской номенклатуры — председателей колхозов и чиновничества.

РХДД в 1990 году входило в движение «Демократическая Россия», в 1991 году РХДД покинул «ДемРоссию». Лидер РХДД Виктор Аксючиц — активный соратник таких деятелей, как Сергей Бабурин, Илья Константинов (входит в РХДД), Николай Павлов.

ХРИСТИАНСКО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЮЗ РОССИИ (ХДСР) — «партия Огородникова»

Создан на основе редакционной самиздатской группы бывшего политзаключенного и участника правозащитного движения Александра Огородникова в 1989 году. Пережил несколько расколов, в частности из ХДСР выделилась группа сторонников православно-фундаментализма во главе с Виктором Аксючицем. ХДСР неоднократно пытался сотрудничать с движением «Демократическая Россия» и вступить в него — эти попытки блокировались конкурентами из Российского христианского демократического движения (РХДД), не желавшего терять монополию на представление христианского движения в политическом спектре России.

ХДСР активно занимается благотворительной дея-

тельностью, открыл несколько бесплатных столовых для неимущих. В 1992 году ХДСР вошел в блок «Новая Россия». Издает газету «Вестник Христианской демократии». 9 декабря 1991 года ХДСР зарегистрирован в Минюсте России.

Материал рубрики «Есть такие партии!» подготовлен по «Словарю новых политических партий и организаций России» В.Прибыловского.

ПОТЕРПЕВШИЕ ПОБЕДУ И ОДЕРЖАВШИЕ ПОРАЖЕНИЕ

Фото Э. Кудрявцового

Все перемешалось! Отставной генерал — штурмует телестудию; преподаватель марксистской политэкономии в бронезилете — «спикер» «парламента» при свечах; бабушки — с красными флагами, казаки — в камуфляже и с нагайками, тоже в камуфляже — русские фашисты из Свердловского исполкома совета народных депутатов (прочтите последнее медленно, чтобы понять всю жуть), летчик-штурмовик, ставший Героем Советского Союза за атаки на кишлаки в Афганистане, экстерном освоивший русскую идею, — просит гарантий своей жизни у Запада; калмыцкий миллиардер и ингушский генерал, мирящие русских... Бедняга Иероним Босх сошел бы с ума! А нам все мало! Вам хватит? Наверное, всем хватит! Но представляется, что еще долго будут говорить об осенних днях. Кто-то считает это поражением, кто-то победой. Странно и жутко... Это трагедия, когда россияне стреляют в россиян в столице России. О том, к чему мы пришли, как и куда пойдем дальше, размышляет Виктор ЗОЛОТАРЕВ, председатель Партии конституционных демократов. На будущих выборах эта партия выступит в блоке «Август» с Партией экономической свободы. Виктор Золотарев также является главным редактором независимого информационного агентства «Постфактум».

— Сейчас много говорят о том, как можно было избежать трагедии. Был ли такой сценарий?

— Подготовка шла давно. Я имею в виду не Верховный Совет, а те группировки, которые можно квалифицировать как экстремистские. Они ведь приходили с автоматчиками к начальнику управления Министерства безопасности по Москве Евгению Савостьянову, это были люди Станислава Терехова из Союза офицеров. Возникает вопрос: почему доблестные органы не могли их изолировать? Надо сказать, что фантастические ошибки, а в Уголовном кодексе это называется «преступная халатность, повлекшая тяжкие последствия», не поддаются критике. Так было много ошибок, что уже стало общим местом говорить о том, что прошедшее позор, а не победа.

Очевидно, что существует много способов предупреждений и массовых беспорядков, относительно, конечно, гуманных: как контролировать состояние толпы, как ее рассеивать, даже не входя в соприкосновение с ней.

— Были ли политологические прогнозы, которые предусматривали такой исход событий? Это произошло, потому что парламент ничего не делал или потому что Ельцин к этому подталкивал ситуацию?

— Я думаю, что в этой ситуации виноват конечно же Ельцин. С его стороны было вольное или невольное, реальное или мнимое, но провоцирование. Было это в виде попустительства, неподготовленности к последствиям — все это носило характер провокации. Так не я один считаю.

— Ситуация после запрета Верховного Совета и подавления мятежа стабилизировалась (если в России вообще так можно говорить). Каковы гарантии того, что она не ухудшится?

— Она стабильна, в эти дни, на сегодня. Но не на завтра. Но нет, однако, и ничего такого, что могло бы принципиально изменить конфигурацию обстоятельств. Я вообще был противником версии о «решающей роли регионов в российской истории». До 21 сентября такое было: они выступали средством торга, инструментом воздействия. Они давили сами, искали союзников и так далее. Когда же начался кризис после заявления Ельцина, для меня стало ясно, что все решается в Москве

ответом на вопрос: какую сторону поддержит армия и другие силовые структуры. А потом это до такой степени стало нелепо, что... Не надо забывать, что, пока есть управляемость армии из центра, до тех пор есть и управляемость регионов.

— У вас получается так просто: «Армия управляема...» Так ли вы в этом уверены?

— Она управляема была в той ситуации. Было видно, что она колеблется, было ясно, что ночь с 3 на 4 октября решающая. Я, помню, тогда написал заявление, которое распространили по каналам агентства, оно называлось «Завтра мы можем потерять все», название очень точно отражало ту ситуацию. Малейшее движение — и ситуация бы изменилась в диаметрально противоположную сторону. Почему ничего не сдвинулось — теперь неизвестно, пока неизвестно. Но, действуй заговорщики более слаженно, к ним бы начали примыкать новые силы. Миллиция разбежалась не случайно. И не случайно так долго не шли войска. Их просто не было.

Сейчас уже другое дело: армия действительно управляема.

— Это-то как раз нормально: она на стороне победивших. Но кто одержал победу — президент или его окружение?

— Я сказал бы, что у меня как человека и как политика есть сильные сомнения в порядочности этой команды. Более того, я не могу назвать, что называется, «без подготовки» человека, которому я стал бы доверять безусловно. Вот разве что Сергей Ковалев и Виктор Шейнис. Но их происхождение и нынешнее положение в команде другие. Что же касается непосредственного окружения, то у меня по отношению к нему большая настороженность.

Я думаю, что те, кто заинтересован в «окультуривании» нашей политической жизни, должны давить на президентскую сторону, на Ельцина и требовать от него отказаться от повторной баллотировки. Я думаю, что это будет принципиальным вкладом в развитие демократии в России. Появление же его на втором сроке почти автоматически означает то, что он превратится в марионетку своего окружения. Уже сейчас заметны некоторые симптомы. Он крайне слаб как самостоятельный

политик. Все его шаги, за исключением отдельных импульсивных жестов, есть действия человека, слабо разбирающегося в реальной жизни, а действует он по советам самых разных людей.

— **Какие модели политического поведения изберет оппозиция? Каков будет теперь характер общественно-политической деятельности этих партий, движений, лидеров? Что из себя будет представлять оппозиция теперь?**

— Оппозиция не всегда явление консолидированное. Хотя, конечно, оппозиция — явление, имманентное власти.

Я, скажем, не доверяю президенту, потому что меня настораживает его преступная бездеятельность в последние месяцы. Поэтому я буду в оппозиционном противостоянии ему. Но это тактический момент. В стратегическом же отношении, например, в дни кризиса, я вынужден был стать его партнером, потому что я знаю, что, если пришли бы «те ребята», нас бы повесили на одной осине, ну, может быть, на разных суках. Коммунисты же будут ему оппонировать с другой стороны — они наверняка будут считать, что развитие рынка — вообще преступление, тогда как мне кажется, что он развивается слишком медленно.

Что касается облика будущей оппозиции, то она будет представлена цивилизованной частью социалистов, это культурные люди, пусть с несколько искривленным представлением о реальности, но не настолько, чтобы искривить их деятельность, с ними можно говорить, общаться, они не приходят с автоматчиками.

— **Можно ли говорить, что последние годы или, точнее, то, что во время них происходило, чему-то научило россиян? Подвигнет ли это россиян к самоорганизации, к гражданскому обществу?**

— Я верю в то, что такие процессы идут. Но не на массовом уровне, а на индивидуальном, появляется все больше и больше людей, понимающих, из чего складывается их гражданская позиция, что происходит вокруг них, — то есть понемногу растет средний уровень политической культуры.

— **Приведет ли это к зарождению нормальной политической структуры, системы партий?**

— Процесс развития партий идет уже года три. Предстоящие выборы явятся итогом очередного этапа. Это даст партиям стимул для занятия нормальной деятельностью. Не митинги или заявления — главное содержание их работы, а парламентская деятельность.

— **Запрет партий и движений проходит безболезненно в странах демократических, там, где большинство населения является сторонниками демократических ценностей. Не то у нас. Здесь есть слои и группы, которые заинтересованы в старом укладе, строе — против перемен.**

Значит, президенту, видимо, нужно делать все, чтобы их было как можно

меньше, а других, ориентированных на путь рыночного хозяйства, как можно больше. Что для этого уже делают президент и правительство, что они должны делать, а что не делают?

— Достаточно много делается «для»: да все, что связано с развитием и поощрением рынка, может быть, конечно, несколько деформированного. Но все увидели, что есть товары, узнали, что деньги — это как раз то, на что эти товары можно купить. Стали забываться очереди. Увидели, что слабые слои хоть какую-то поддержку получают, пусть и недостаточную. С другой стороны, поддерживается слишком многое, и платят ведь за это другие — это простое перекалывание из одного кармана в другой. Слишком много иждивенцев потребляют часть бюджета, которая образуется за счет налогоплательщиков. Слишком слаб государственный контроль там, где он должен быть особенно силен, — за коррупцией, за злоупотреблениями, за процессами преобразования чиновников во владельцев собственности. Во многом мы видим непоследовательность, даже отходы назад.

Но вот что надо обязательно отметить. Все, что я говорю сейчас, — это с моей точки зрения, а не с позиции «человека с улицы». Средний гражданин не вникает в тонкости и оценивает по-другому: дешевые продукты — хорошо, дорогие — плохо! Не через абстрактные свободы личности, а через желудок. Этого ему не запретишь и не объяснишь.

Есть еще один фактор, который не часто вспоминают, а зря. Ежегодно в России, даже при нынешнем спаде рождаемости, появляется на свет около миллиона людей, около полутора миллионов переходит в сознательный возраст. Они вообще не жили в другой системе. Другого, того, старого, не видели и, кажется, вряд ли захотят увидеть. Добровольно они в систему, которая известна только их родителям, не вернутся. Они привыкли к тому, что надо бегать, вертеться. Урывая время на работу от учебы и на учебу от работы, они обретают свободу делать то, что хочется.

— **Если у них такую свободу будут забирать, а мы знаем, кто это стал бы делать, и известно уже, в каких формах это будет происходить — в очень жестких, — готовы ли они отстаивать неважно что: свои ваучеры, сникерсы или холдинги так же неистово, как Павка Корчагин — коммунию?**

— Несомненно! Хотя это и провоцирующий вопрос.

Ведь это будет уже не защита прежних абстрактных идеалов, а себя и своей жизни. Я уверен, что найдется достаточно людей, которым объяснять ничего не будет нужно. Это достоинство системы, при которой каждый чувствует себя самостоятельной единицей, имеет самостоятельность и свободу, при которой каждый человек моментально соотносит происходя-

щее с плюсами и минусами для себя.

Я вот сразу понял, и вы, наверное, тоже, если «эти» придут, то мы лишимся работы, нас арестуют, а другие, скажем, поняли, что они не смогут торговать.

— **Не мешает ли вам ваша «партийность» работать в независимом информационном агентстве?**

— У нас работают люди с разными воззрениями. Но есть кредо: информация есть данность, и никакой интерпретации мы не даем. Это и отличает информационное агентство от любого другого СМИ. Событие произошло — мы сообщаем о нем. Вот и все, что мы делаем!

— **Но можно увидеть одно и не увидеть другое, не сообщить о чем-то, «забыть», «не успеть» — много способов...**

— Агентство «Постфактум» в те драматические дни зарекомендовало себя как одно из многих, если не единственное, которое принципиально освещало события, происходящие на двух сторонах. Поэтому, кстати, у нас возникли проблемы уже тогда, поэтому они продолжают и по сей день.

Возникли они оттого, что некоторые телевизионные чиновники решили, что надо быть поближе к вождю, и не рисковали присутствием независимой информации. Поэтому использовали ТАСС и Интерфакс, который как-то так специфически развивался возле государственных структур и не смог удержаться на независимой позиции.

— **Есть перспектива, что телевидение становится пропрезидентским, однобоким?**

— Есть, но она не велика, потому что люди ценят свободу везде, в том числе и там. Появятся принципиальные разногласия, люди уйдут.

Все-таки при всех недостатках Ельцина и его слабости нужно признать, что он скорее смотрит в сторону демократии, чем оглядывается по сторонам и назад.

— **В чем гарантии того, что не сформируется авторитарный режим правления, а может быть, и диктатура? Можно ли говорить в таких условиях о свободных выборах?**

— Говорить-то можно, только вот гарантий мало. Это будут специфические выборы. Так всегда бывает в странах, где идет гражданский конфликт.

У нас он сейчас миновал горячую фазу. Но это не последние выборы, а, напротив, только начало цепочки. Следуя этому пути, мы придем к нормальному состоянию, если цепочку не оборвать.

Александр КАСАТОВ

БЕНДЕРЫ ИЗ КГБ

Незабвенный Остап Бендер, торговавший видом на малихитовую лужу, посрамлен! Его достойные потомки — нынешние дети лейтенанта Шмидта торгуют вещами — ныне дети лейтенанта Шмидта столь же эфемерными, но куда более дорогостоящими. Ни в одной таблице Менделеева не значатся такие элементы, как «российский осмий» или «российский скандий», но именно за них бывшие сотрудники КГБ, действующие ныне в качестве посредников по продаже компонентов для создания ядерного, химического и бактериологического оружия в

С МИРУ ПО НИТКЕ

страны третьего мира, выудили у легковых клиентов миллионы долларов. Об этом любопытном факте сообщила недавно газета «Таймс».

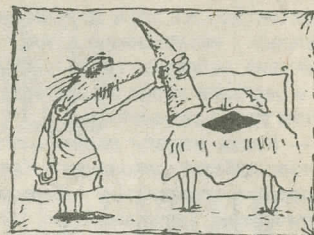
Западные разведслужбы потратили несколько месяцев на проверку сведений о том, что ядерное топливо и тактические ядерные боеголовки были контрабандным путем вывезены из России. Считалось, что три боеголовки были проданы иранцам. Все эти сведения оказались ложными. Разведслужбы сообщили, что сделки, осуществленные на черном рынке, были делом рук бывших агентов КГБ, ко-

торые использовали свое умение внушать доверие для обмана потенциальных покупателей. В числе жертв этих мошенников оказались и иранцы.

Некоторые трюки нынешних бендеров потрясли воображение западных спецслужб. Среди них был трюк с пресловутой «красной ртутью», который принес его организаторам наибольшую прибыль. Мошенники распустили слух о том, что у них имеется для продажи секретное ядерное топливо под названием «красная ртуть». Слух был так убедителен, что выступившие в роли покупателей сотрудники спецслужб приобрели образцы для проверки. Мошенники на поверку оказались честными ребятами: «красная ртуть» была именно тем, за что ее выдавали, — ртутью, смешанной с красной краской.

Сейчас «коммерсанты» переключились на торговлю в розницу «стратегическими» материалами, предназначенными для изготовления ядерных бомб. Особенно им полюбили два материала: осмий и скандий. Бывшие сотрудники КГБ предлагали для продажи осмий — твердый синевато-белый металл, используемый в наконечниках перьев для авторучек, в качестве специального «российского осмия», идеально пригодного, по их утверждению, для производства ядерных бомб. Известно, что доверчивые иранцы и на сей раз проявили интерес к «товару». Скандий — металл, похожий на алюминий и не имеющий никакой стратегической ценности, тоже оказался весьма популярным на черном рынке, где бывшие сотрудники КГБ продавали его под видом специального «российского скандия».

Таким образом, державшая долгое время весь мир в напряжении история о распродаже Россией стратегического сырья, похоже, оказалась обычной «дезой», столь милой сердцу наших доблестных гэбистов. Даже бывших.

ОТ ЛЮБВИ ДО СМЕРТИ — ОДИН ШАГ

Не королевское это дело — контрабанда. Но и на старуху, как говорится, бывает проруха. На сей раз в роли старухи выступила принцесса Декий Вангчук из королевской семьи Бутана. Она была арестована в международном аэропорту Тайбэя, столицы Тайваня, при попытке контрабандой ввезти в это островное государство 22 рога носорога. Об этом пикантном происшествии сообщило агентство ПТИ.

Контрабанда, обнаруженная в багаже принцессы, бывшей из Гонконга, оценивается в 740 тысяч долларов. Мошеница с голубой кровью взята под стражу. По тайваньским законам ей грозит тюремное заключение сроком до семи лет, и, если дело дойдет до суда, принцесса выйдет на свободу в год своего 50-летия.

Охота на исчезающих с лица земли носорогов строго запрещена во всех странах, где они еще сохранились, в том числе и в Бутане. Однако беда этого редкого животного в том, что его рог широко используется в китайской медицине и стоит огромных денег. Считается, что изготовленные на основе носорожьих рогов снадобья способны воскресить для любви даже самых дряхлых старцев. Поэтому толстокожие гиганты и становятся жертвами браконьеров.

На родине же китайской медицины среди ее представителей с недавнего времени воцарился траур. По решению Госсовета КНР с первого декабря запрещено применение целого ряда снадобий, для изготовления которых требуются рога носорога, кости и печень тигра и им подобные «препараты».

Принятый на заседании кабинета министров после весьма жарких дебатов драконовский указ вызван тем, что сейчас в Китае осталось в живых всего 5 тысяч тигров и 10 тысяч носорогов.

ЗАПОВЕДНИК ТОТАЛИТАРИЗМА

На окраине Будапешта на четырех гектарах земли разбит новый парк, где собраны памятники ушедшего режима. Задача этого парка, по утверждению его создателей, — сохранить скульптуры, представляющие собой художественную ценность, несмотря на то, что они являются воплощением коммунистической идеологии.

Еще летом 1992 года столичная ассамблея постановила, что с улиц и площадей Будапешта должны быть удалены символизирующие коммунизм произведения. Большинство из них — это скульптуры и мемориальные доски, установленные в честь завершения второй мировой войны и победы Советской Армии над Германией. Есть среди них и памятники, связанные с историей венгерского коммунистического движения. И вот теперь все они нашли свое место в парке.

— У входа в новый парк — огромная, построенная с учетом античных пропорций декоративная стена. В одной из ее ниш — скульптура Ленина, в другой — памятники Марксу и Энгельсу. Далее — памятники освобождению, скульптуры деятелей рабо-

чего движения, композиции, воплощающие коммунистические идеи.

В глубь парка ведет аллея, по обе стороны которой стоят памятники капитанам Советской Армии Штейнемцу и Остапенко — парламентариям, погибшим смертью героев при осаде венгерской столицы. В центре парка — цветочная клумба в виде пятиконечной звезды. Как отметил проектировщик парка архитектор Арпад Элд, при строительстве этого заповедника тоталитарной эпохи и речи не было о восвалении коммунистов. Парк — документ определенной эпохи, художественное произведение, которое для каждого является воплощением его собственных чувств и переживаний.

Парк обошелся его создателям примерно в 720 тысяч долларов. Но это не окончательная цифра расходов. Предполагается построить мемориальный комплекс, привлекательный и для иностранных туристов. Перед парком будет создана площадь Свидетеля, здесь будет открыт художественный центр с галереей, магазином по продаже произведений искусства, видеозалом. Планируется также строительство ресторана, где названия блюд будут напоминать о прошедшей эпохе.

Андрей МАЛЬГИН

«ПРИКАЗЫВАЮ ИСЧЕЗНУТЬ»

Мудрый наш народ давно заметил, что не стоит особенно завидовать выскочкам, сделавшим головокружительную карьеру. Народная поговорка гласит: высоко залетел — больно падать будет. Тридцатилетнему Дмитрию Якубовскому приходилось падать с такой высоты, что, казалось, костей не соберешь. Ан нет, жив, здоров, в телевизионных передачах принимает участие... А то, что боится вернуться в Россию (хотя очень хочет), что заперся затворником в своем превращенном в крепость доме в Торонто, что вынужден круглосуточно жить под зорким оком телохранителей и что все это, однако, не спасает от пуль, летящих через щель ворот, — это, в общем-то, детали, а потому оставим их за скобками нашего повествования.

Итак, Дмитрий Олегович Якубовский. Родился 5 сентября 1963 года в подмосковном городе Болшево в семье военного инженера. Отец Димы, кандидат наук, подполковник, старший научный сотрудник НИИ № 4 Министерства обороны, облучился на работе и умер в 42 года. Диме было 16 лет, его брату Стасу — 13 (ныне проживает в г.Цюрихе), младшему, Саше, — 10 (ныне проживает в г.Торонто). Мне довелось познакомиться и общаться со всеми тремя братцами, а также с их мамой Инной Александровной, и должен сказать, что это не просто дружная семья, а семья, отличающаяся исключительной способностью к самопожертвованию ради ближнего, к взаимовыручке. В трудные минуты, переживаемые одним, на помощь немедленно устремляются все остальные. В данный момент семья морально поддерживает Дмитрия.

После смерти отца Дима решил пойти по его стопам и, окончив десятый класс, попробовал поступить в ленинградский Институт военных инженеров, куда не попал, несмотря на успешно сданные экзамены, по вполне прозаической причине: у матери не все в порядке с «пятым пунктом». Тогда однокашники отца помогли мальчишке устроиться в Пермское высшее военно-командное училище ракетных войск стратегического назначения. Несмотря на свое пышное название, училище готовило не инженеров, а строевых командиров, оттого и начальство там было весьма специфическое. Смышленный юноша пришелся не ко двору, и к концу первого курса его уже выгнали. А когда выгоняют из военного училища, чтоб вы знали, отправляют не домой, а в действующую армию, рядовым. Так что пришлось Дмитрию Якубовскому, несмотря на молодость лет, служить рядовым в сухопутных войсках в славном городе Златоусте,

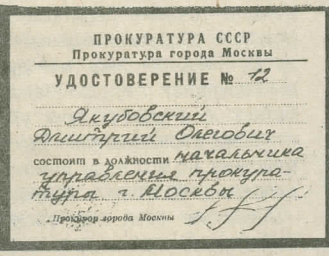
что под Челябинском. Демобилизовался он восемнадцатилетним, когда сверстники его только-только отправлялись служить.

Приехал Дима домой, а там мать с двумя несовершеннолетними пацанами. И не осталось ему ничего другого, кроме как устроиться грузчиком, разгружать вагоны, что он и делал все лето 1982 года. А осенью решил поступать во Всесоюзный юридический заочный институт. Для этого нужно было работать по специальности, вот и пришлось сменить прибыльную профессию грузчика на низкооплачиваемую должность мелкого клерка в прокуратуре, правда, Генеральной прокуратуре СССР.

Считается, что для того, чтобы устроиться работать в прокуратуру, надо взятку давать. Устройство в прокуратуру Союза обошлось Дмитрию в 5 руб. 80 коп. Именно столько стоил справочник Московской городской телефонной сети, откуда выписал он телефоны всех организаций, имеющих отношение к юриспруденции. «Алло, это справочная? Как позвонить к вам в отдел кадров? Ах, у вас это называется отдел штатов? А как зовут начальника отдела штатов?» «Алло, это отдел штатов? А Егор Иосифович у себя?.. Здравствуйте, Егор Иосифович. Меня зовут Якубовский Дмитрий Олегович, закончил срочную службу, хочу работать в прокуратуре... Я понимаю, что только на технической должности... Хорошо, я позвоню... Записываю: Чудаков Матвей Владимирович, он занимается техническим персоналом. Спасибо...» «Матвей Владимирович, здравствуйте, мне к вам рекомендовал обратиться Горошанский Егор Иосифович...» Ну и так далее.

Дмитрий Якубовский обладает одним важным качеством, определившим, без преувеличения, его судьбу. Он умеет разговаривать по телефону. Он может запросто позвонить министру, генеральному прокурору, кому угодно, и разговаривать с ними так, что они никогда не бросят трубку. Наконец, он умеет во время телефонного разговора добиться желаемого. Его жена Марина шутит: «Гербом нашей семьи должен быть телефон».

И когда сейчас «Московский комсомолец» и некоторые другие неразборчивые газеты опубликовали записи его телефонных разговоров, чем немало подпортили ему репутацию (мало у кого может вызвать симпатию человек, подбивающий собеседника на откровенность, а потом публикующий эти беседы, — все почему-то убеждены, что в газеты эти записи передал сам Якубовский; зачем это, интересно, было ему нужно?), ко-

роче, когда сейчас появились в печати эти записи, можно оценить, насколько гибок был Якубовский, разговаривая с тем или иным собеседником...

Начальник отдела союзной прокуратуры посылает подальше наглого молодого человека, перебрасывает к рядовому сотруднику, а рядовой сотрудник уверен, что молодого человека начальник не просто к нему послал, а тем самым как бы протезирует ему. В общем, Якубовского в прокуратуру взяли. А через три месяца, естественно, выгнали. За то же самое, за что взяли: за рвение, за большие организаторские способности.

Поскольку его еще не раз будут гнать — и с работы, и из страны, я каждый раз в таких случаях буду предоставлять слово самому герою повествования. Такой, знаете, литературный прием.

— Профком поручил мне заниматься билетами в театр. Я взялся за это дело, но для меня было унизительно ходить вылянчивать билеты, шоколадки кассиршам дарить, губную помаду. Я же не себе прошу билеты, это же общественное поручение. Короче, я решил поставить дело на регулярную основу. Взял письмо у зам. генерального прокурора; с этим письмом пошел к зам. министра культуры, чтобы дали прокуратуре бронь. И все театры дали, кроме Большого. Тогда я взял у зам. министра, Иванов его была фамилия, специальное письмо на Большой театр, мы с помощником его туда поехали, нас снова послали подальше. И я сделал так, что это стало делом чести для Иванова пробить для прокуратуры бронь в Большой театр. И он пробил... И все было бы хорошо, но в кассах Большого театра работал отставной полковник Левко Владимир Григорьевич, Герой Советского Союза, горевший под Москвой и где только не горевший. И он, оказывается, прятельствовал с нашим Героем Советского Союза, из прокуратуры, Акуличевым. Этот Акуличев получил свою Звезду героя еще в 1941 году и с тех пор ничего не делал, а только с другом своим Левко водку пил. И вот пришел однажды Акуличев к Левко за билетами, а тот ему и говорит: «Ничего я тебе не дам, пока не выгонишь одного своего болсно шустрого сотрудника. А пока не выгнал, у него билеты и проси». Короче, не поленился Акуличев пойти к генеральному прокурору и рассказать, как нехорошо я себя веду в Большом театре.

Пришлось Дмитрию Якубовскому снова воспользоваться телефонным справочником. После прокуратуры его внимание привлекло магическое словосочетание: «Госснаб СССР». И хотя устроился он работать не в сам Госснаб, а на центральную базу его хозяйственного управления, новая работа открывала определенные перспективы, особенно в отношении полезных знакомств. Воспользовавшись знакомством с заместителем директора Лобненского завода стройфаянса (уважаемый человек, на всю Москву унитазы делал) и по его рекомендации, Дмитрий Якубовский перешел на работу в Главмосремонт, где, преодолевая ступеньку за ступенькой и демонстрируя недюжинные организаторские способности, дослужился до начальника отдела снабжения Ленинского ремстройтреста. И тут Дмитрий заскучал — потянуло его опять в область юриспруденции (тем более что к тому времени он вовсе учился в юридическом институте, хотелось применить знания).

Что он сделал? Правильно: открыл телефонную книгу. И попал на совершенно легендарного в юридической области человека, в течение десятков лет руководившего Московской городской коллегией адвокатов (и защищавшего чуть ли не Пауэрса), К.Н.Апраксина, между прочим, отчима нынешнего борца с коррупцией Андрея Макарова. Услышав, что звонивший работает в строительном управлении, Константин Николаевич страшно обрадовался: «Вы знаете, нам Моссовет выделил помещение, но его надо ремонтировать, а там еще и жильцы неотселенные. Не взяли бы вы за эту работу?»

Апраксин взял Якубовского своим помощником с испытательным сроком в два месяца. За это время 21-летний Якубовский не только добился от Моссовета квартир для отселе-

ния жильцов, но и включил дом в план работ Главмоспромстроя, элитной строительной организации. А еще через два года четырехэтажное здание Московской коллегии адвокатов, что на Пушкинской улице, 9, было уже закончено. На гребне такого успеха Д.Якубовский получил несколько лестных предложений, на одно из которых откликнулся. Летом 1987 года Ельцин назначил московским прокурором Льва Баранова, и Баранов пригласил Якубовского стать начальником хозяйственного отдела.

В московской прокуратуре Якубовский первым делом превратил свой отдел в управление, состоящее из нескольких отделов. Одно из достижений Якубовского, о котором до сих пор вспоминают московские прокуроры, — система факсимильной связи, связавшая между собой все районные прокуратуры. Тогда это была новинка, и от нечего делать прокуроры друг другу передавали по факсу червонцы, но начальство эффективное нововведение запомнило и одобрило. Особенно когда выяснилось, что оно и в самом деле существенно облегчило работу. Две недели провел Якубовский в приемной Сайкина, пока не добился закрытого решения Мосгорисполкома, где прокуратуре выделялись квартиры, автотранспорт и прочие блага. Такие вещи долго не забываются... И прокуроры об этом помнят.

А потом между Якубовским и Барановым пробежала кошка, и, когда после снятия Ельцина из московских секретарей под городскую прокуратуру стали копать, в том числе и под Якубовского, Лев Баранов его защищать не стал.

— Поссорили нас со Львом Петровичем женщины... Пришла ко мне в управление устраиваться моя будущая жена Светка. И так она мне страшно понравилась, что я затеял с ней длинную беседу. Сижу, соловьем заливаюсь, перед ней красуюсь. А в этот момент этажом выше у Баранова, оказывается, тоже сидела дама, и он тоже перед ней выдрючивался. И вот он нажимает кнопку и говорит: «Дим, сейчас к тебе спустится Марья Ивановна, ты ее отправь на машине» (а я в прокуратуре, в частности, за транспорт отвечал). Я говорю: «Хорошо, Лев Петрович». А сам со Светкой беседу продолжаю. Тут Марья Ивановна заходит, открывает дверь ногой: «Вам велели меня отправить». А Светка на это дело смотрит. Я говорю: «Вы дверь закройте, посидите, и я вас отправлю». А она к Баранову: «Он меня не отправляет». Лев мне по селектору: «Я ж тебе сказал отправить!» Я тоже захожусь: «Да отправлю я!» Она опять ко мне. Я опять говорю: «Посидите». Ну так пару раз сбежала, наконец, ко мне врывается разъяренный Лев. Я говорю: «Лев Петрович, нет машины». Он говорит: «Свою отдай». А я: «Сам свою отдай». Вот так, выкаблучиваясь перед своими дамами, мы с ним пооссорились. Стал он ко мне очень холодно относиться... Баранов рассуждал так: раз меня взял Ельцин, я человек Ельцина, и со всякими инструкторами горкома общаться не должен. А когда Ельцина сняли, инструкторы и стали его доставать, по всякому поводу жаловаться Зайкову. Стали копать и против меня. Состряпали дело, будто я кого-то сбил на машине. А я за рулем не ездил, даже прав не имел, а машину купил для своего приятеля гаишника (им в милиции новых машин не давали, а нам в прокуратуре дали). Короче, вызвал меня Лев Петрович и говорит: «Уходи по-хорошему». Я ответил ему словами Штирлица из «Семнадцати мгновений весны»: «Я, конечно, могу уйти, но тогда, мой фюрер, вы останетесь один на один с очень многими врагами в этом здании». Так и случилось: я ушел, и они его схарчили...

Якубовскому было куда уходить. Его звал к себе Г.А. Воскресенский, сначала сменивший в коллегии адвокатов скончавшегося Апраксина, а потом создавший Союз адвокатов СССР и ставший председателем его правления. Якубовский ушел из прокуратуры к Воскресенскому, стал секретарем Союза адвокатов СССР, и в этой должности проработал вплоть до 1990 года, когда волей судьбы (и с помощью телефонной книги, разумеется) вознесся еще выше по номенклатурной лестнице. Правда, и книга была необычная, номенклатурная.

Егор Яковлев рассказывал мне как-то, что году примерно в 1989-м, когда он искал коммерческого директора в «Московские новости», к нему пришел Якубовский предложить свои услуги. Яковлева тогда удивило наличие в визитной карточке молодого секретаря Союза адвокатов номера «вертушки». Поскольку из всех адвокатов он знал только Андрея Макарова, Яковлев позвонил ему и спросил совета, стоит ли брать в газету Якубовского. Макаров отсоветовал.

Случай этот, в частности, показывает, что к концу своей службы в Союзе адвокатов Якубовский заскучал, его деятельная натура требовала расширения горизонта.

И вот сидел он как-то в своем кабинете в Потаповском переулке, скучал, глядел через окно на мутную октябрьскую погоду. Была суббота. Стал просматривать почту и обнаружил, что с фельдъегерской почтой прибыл новый справочник «вертушечных» телефонов. Взгляд уперся почему-то в служебный телефон министра обороны маршала Д.Т.Язова. А вот интересно, подумал Якубовский, он сам трубку снимает или адъютант? Набрал номер. В трубке прозвучало: «Язов». От неожиданности бросил трубку на рычаг. Первая мысль: вдруг еще узнает, откуда я звоню, да еще и трубку бросаю. Вторая мысль: а ведь это хорошо, что он сам по телефону отвечает, значит, с ним можно и поговорить, и познакомиться.

Короче, после десятиминутных интенсивных размышлений Якубовский перезвонил Язову: «Дмитрий Тимофеевич, здравствуйте, это секретарь Союза адвокатов Якубовский Дмитрий Олегович. Я хочу с вами посоветоваться. Вот вы сейчас имеете проблемы со статусом нашей собственности при объединении Германии, а у нас есть идеи, передовые методики...» Язову в тот день, видимо, тоже делать было нечего. «Ну что ж, говорит, приезжайте, поговорим».

Такой случай упускать было нельзя. Знакомство с членом Политбюро, министром обороны — это вам не знакомство с директором завода по выпуску унитазов. Это был уже иной уровень, на котором открывались перспективы, от которых дух захватывало. Но ехать с пустыми руками было нельзя. Как опытный человек, Якубовский понимал, что одно дело — поговорили и разошлись, а другое — явиться с бумагой и закрепить на ней резолюцию.

Что ж, бумага появилась: молодой секретарь Союза адвокатов предлагал свои услуги по оценке и юридически грамотной передаче собственности уходящих из объединенной Германии советских войск. Письмо, кстати говоря, несмотря на спешку, получилось дельное, по-военному четкое, содержащее точные юридические формулировки и знание предмета (например, предлагалось завершить всю работу по передаче имущества до начала земельных выборов, запланированных на 15 декабря и могущих «изменить отношение к советской собственности не в нашу пользу»).

Язов принял Якубовского, напоил чаем, поговорили о том о сем. Потом спрашивает: «А что тебе, собственно, нужно-то?» «Да вот я написал свои соображения на бумаге. К кому бы вы могли меня переадресовать?» Ему и в голову не могло прийти, что министр обороны будет лично читать две машинописные странички. Язов начертал: «Генералу армии Моисееву М.А. Прошу рассмотреть. Язов».

Опыт хождения по моссобсоветским кабинетам подсказал Дмитрию, что резолюция Язов написал нехорошую, уклончивую. Положение надо спасать: «Дмитрий Тимофеевич, а вот ваше-то какое мнение? Ведь это правильно, что мы должны защитить нашу собственность?» Это ловушка: какой же дурак скажет, что мы нашу собственность не должны защищать! «Правильно», — отвечает Язов. «Вы согласны со мной?» — наирает Якубовский. «Согласен», — отвечает Язов. «Вот и напишите, что согласны». Язов дописывает: «Я согласен». Это уже резолюция хорошая, даже очень хорошая. Но Якубовскому и этого мало: «Дмитрий Тимофеевич, а где сидит Моисеев?» — «А вот тут по коридору...» — «А вы не позвоните ему, не скажете, что я сейчас приду?» Язов нажимает кнопку на пульте: «Михаил Алексеевич, сейчас к тебе зайдет товарищ Якубовский из

Дмитрий Якубовский с женой Мариной
1993 год

Союза адвокатов...» Вот тут надо простиаться как можно быстрее, пока Моисеев не забыл, кто и от кого к нему идет.

Не успел Якубовский выйти из приемной Язова, а к нему навстречу по коридору уже бежит генерал армии Моисеев: как же, министр поручил принять. Приводит в кабинет, Якубовский, вторично сосредоточившись, рассказывает ему существо вопроса. Моисеев сначала начинает отнекиваться: да не нужно нам никакой помощи, но, увидев резолюцию министра, как человек военный, говорит: «А что ее рассматривать, записку твою. Раз министр говорит, что согласен, значит, принимается к исполнению». И он расписал бумагу Якубовского всем своим замам, начальнику тыла Вооруженных Сил, командующему Западной группы войск и прочим военачальникам. А еще через неделю Якубовский уже летел в Германию оказывать помощь в оценке и передаче имущества.

Дни перед отъездом он потратил не зря. Во-первых, изучил предмет, которым ему предстояло заниматься. Во-вторых, лично обошел всех военных начальников, которым было поручено это дело. Наконец, в-третьих, сумел поставить в известность о предстоящей миссии самого Анатолия Ивановича Лукьянова.

Поскольку в дальнейшем Лукьянову предстоит сыграть значительную роль в судьбе Дмитрия Якубовского, сделаем небольшое отступление.

Семью Лукьянова Якубовский знал с 1986 года. Второй женой Якубовского была некая Лена Муравьева, а папа у нее был номенклатурный, зампред Моссоблисполкома, курировавший дачи. И там, на номенклатурных этих дачах, в Барвихе, познакомился Дмитрий с дочерью Лукьянова Леной и с ее мужем (а Лукьяновским, соответственно, зятем) Костей. Он и сейчас с ними поддерживает добрые отношения. В день взятия «Белого дома», 4 октября, я следил за происходящим по телевизору, сидя в Торонто дома у Якубовского. И Дмитрий попеременно звонил из Торонто по прямому телефону то начальнику московской милиции Владимиру Панкратову, то Лене Лукьяновой, бывшей у оппозиционеров чем-то вроде координатора, и таким образом имел информацию параллельно от двух противоборствующих сторон. Самое удивительное, что и Панкратов, и младшая Лукьянова от разговора не уклонялись, подробно рассказывали заморскому Якубовскому о том, что творится в Москве.

Лукьянов знал, что Лена с Костей дружат с молодым юристом Якубовским. Поэтому он не удивился, когда к нему пришел Костя и рассказал, что на днях в Германию вылетает Якубовский с такой-то и такой-то важной миссией, «по поручению Язова».

**СЕКРЕТАРЬ
ПРАВЛЕНИЯ**
Союза адвокатов СССР

Министру обороны СССР
товарищу Язову Д.Т.

101000, Москва-Центр,
Потаповский пер., 12,
Помещение 1.
телефон 923-14-00
923-88-33
телефакс 923-16-01

№ 33 от 12.10.1990 г.
на № _____ от _____ 199__ г.

О советском военном
имуществе в странах
Восточной Европы

*г.г. Мосисевы и др.
Прошу рассмотреть
срочно. 13.10.90.*

*г.г. Гусевы Е.У.
Сидоровы П.В.
С.В. Соколовы Е.У.
г.г. Мосисевы и др.
13.10.90.*

Уважаемый Дмитрий Тимофеевич!

В связи со сложившемся в Восточной Европе положением, обуславливающим вывод советских войск, что влечет за собой решение вопроса

«Что ж, — сказал председатель Верховного Совета СССР, — дело важное, приедет — пусть ко мне придет, поделиться впечатлениями».

Тут нельзя не рассказать об одном случае, который я лично считал бы анекдотом, если бы, уже после того, как мне о нем рассказали братья Якубовские, я не услышал косвенное подтверждение из уст самого Анатолия Ивановича (он дал интервью американскому журналисту Э.Тополу, а я эту кассету слушал). Произошло описываемое событие в кулуарах съезда народных депутатов.

Дмитрий в то время был секретарем Союза адвокатов СССР, а его младший брат Стас — секретарем Союза юристов СССР (был и такой союз). Как представитель общественной организации, Стас был гостем съезда, сидел в ложе с пародистом Владимиром Винокуром (уж и не знаю, какую организацию на съезде представлявшим), а в перерыве вышли они с Винокуром прогуляться в фойе. В вестибюле встречают Раису Максимовну. Стаса она, разумеется, не знает, а к Винокуру обращается: «Ой, Володя, что вы здесь делаете?» Винокур нашелся: «А я всегда там, где смешно». Слово за слово. «Познакомьтесь, Раиса Максимовна, это мой друг, Станислав Якубовский, молодой секретарь Союза юристов». Дмитрий бы в такой ситуации не растерялся, но и Стас парень не промах: «Раиса Максимовна, как же так получается, Михаил Сергеевич — юрист, а почему-то не состоит в нашем Союзе юристов». «В самом деле...» — задумалась Раиса Максимовна и, поскольку как раз прозвенел звонок, пригласила Стаса к себе в ложу поговорить о Союзе юристов.

И вот сидят они, разговаривают. Попутно Стас объясняет ей, что происходит на съезде, кто выступает, о чем говорит (Раиса Максимовна неожиданно оказалась и подслеповата, и глуховата). И так они сидят вдвоем и, наклонившись друг к другу, шепчутся.

А далее было вот что. Горбачев пишет записку сидевшему рядом Лукьянову: «Толя, кто этот нахал рядом с Раисой? М.» Лукьянов знал всех народных депутатов, почти всех гостей, а Стаса не знал. Дает поручение разобраться, а сам Горбачева успокаивает такой запиской: «Не волнуйся, не отвлекайся, я контролирую ситуацию. Толя».

А тем временем Стас перешел к проблемам насущным. Рассказал Раисе Максимовне, что Союз юристов существует уже полгода, но до сих пор не имеет своего здания, что все решения на сей счет остаются на бумаге... Вечером она позвонила на дачу Лукьянову, когда все семейство сидело за ужином: «Анатолий, я познакомилась на съезде с одним перспективным молодым юристом, ты же и сам юрист, а у Союза юристов СССР до сих пор нет здания, что ж вы им не помогаете...» Лукьянов, говорят, спустился после этого разговора в столовую разъяренный: «Да что себе думает твой идиот Якубовский! Да соображает он, с кем знакомства заводит?» Большого труда

стоило объяснить Анатолию Ивановичу, что проштрафился другой Якубовский, не Дмитрий, а брат его... Важно другое: фамилию Якубовский с того дня запомнил не только Лукьянов, но и Горбачев. И не знал Дмитрий, что к тому времени между спикером парламента и президентом уже разворачивалась политическая борьба...

В Германии Якубовский проявил себя лучше некуда. Во-первых, он обнаружил, что у командующего Западной группой войск даже нет переведенных на русский язык новых немецких законов, регулирующих права собственности. Во-вторых, о существовании многих юридических документов командования даже не имело ни малейшего понятия. Немецкое законодательство, регулирующее отношения собственности после объединения Германии, было, в общем-то, выгодным для советской стороны. Там был заложен простой принцип: то, что было реквизировано у преступных организаций, признанных таковыми Нюрнбергским процессом, признается за собственником, владеющим имуществом на момент воссоединения Германии. А так как наша армия, по праву оккупанта, забирала лучшие особняки и земли, а эти лучшие особняки принадлежали, как правило, фашистским организациям, почти на все имущество права были подтверждены. По земельным книгам выискивались прежние владельцы, и в магистратах производилась перерегистрация собственности. В квартирном-эксплуатационном управлении Западной группы войск Якубовский взял сведения о недвижимости, а в штабе 16 воздушной армии — о балансовой стоимости наших аэродромов. И по всем подсчетам, советской военной собственности в Германии набралось от 20 до 30 миллиардов немецких марок.

С этими сведениями по приезду Якубовский пришел к Лукьянову. Тот его внимательно выслушал, прочитал все бумаги и из своего кабинета позвонил Язову: сделано большое дело, надо довести до конца. И за подписью министра обороны вышла директива, адресованная заместителям министра, командующему ЗГВ, командующим армиями ЗГВ, командующим родов войск и т.д. И директивой этой предписывалось «образовать рабочую группу из генералов, офицеров Вооруженных Сил СССР и юристов, представляемых Союзом юристов СССР и Союзом адвокатов СССР, для организации реализации и использования движимого и недвижимого имущества советских войск на территории бывшей ГДР физическим и юридическим лицам». У группы — два руководителя: заместитель начальника штаба тыла Вооруженных Сил СССР Ю.А.Беликов и секретарь Правления Союза адвокатов СССР Д.О.Якубовский. Самым интересным мне представляется пункт 3 этой директивы: согласно ему, все контракты и договоры, подписываемые от имени Вооруженных Сил, должны в обязательном порядке предварительно согласовываться с Якубовским. Вот такие полномочия.

Директива была подписана 5 ноября. В связи с праздниками вылет этой группы был назначен на 10-е. За этот период Лукьянов должен был переговорить с Горбачевым, который, как выяснилось, лично курировал все, что связано с Германией.

Язов, подхлестнутый звонком Лукьянова, решил не просто послать в Германию группу, а послать на своем личном самолете с шеф-пилотом в чине полковника. И вот на подлете к польской границе в салон выбегает этот шеф-пилот и говорит, обращаясь к Якубовскому: «Товарищ генерал (он и вообразить не мог, что в самолете министра может лететь кто-то ниже рангом), приказано вернуться». Тут, поскольку мы приближаемся к очередной кульминации нашего рассказа, предоставляем слово самому Дмитрию Якубовскому:

— Когда бледный шеф-пилот мне это сказал, я сразу понял, что дело пахнет керосином. И я ему говорю: «Товарищ полковник, вы, как военный человек, должны понимать, что если мне директивой министра обороны приказано убыть, отменить эту директиву могут только два человека — сам министр или верховный главнокомандующий. Если вы считаете, что необходимо вернуться, возвращайтесь, если нет — летите дальше, но вы будете нести ответственность за исполнение или неисполне-

ние этой директивы». Полковник аж присел: «Я не знаю, говорит, чей приказ, мне его прапорщик, телеграфист из центра управления воздушным движением, передал». «Прапорщик, говорю, ну-ну...» Решили лететь дальше. А на земле, видимо, подумали, что я вознамерился угнать самолет и чуть ли не воздушный бой завязался над Польшей. Когда я потом приехал к Лукьянову, он так сказал: «Действовали по-военному прямолинейно».

Короче, самолет принудительно вернули. Садимся на Чкаловском аэродроме, я думаю: наверное, выведет в наручниках. У трапа меня встречает генерал-майор, командир 67-й Чкаловской дивизии, оказывает знаки внимания (по принципу: дали личный самолет министра, потом отобрали, значит, может случиться, завтра снова дадут): вот вам чай, вот вам кофе. «Нет, говорю, мне только телефон нужен спецсвязи». И по прямому проводу звоню Язову, докладываю ситуацию. «Не может быть, — говорит Язов. — Перезвони мне через пятнадцать минут». Через пятнадцать минут уже совсем другим тоном он мне говорит: «Я вас очень прошу, поезжайте к Архипову, это он самолет вернул, он вас ждет в три часа, вы обо всем договоритесь». А я разгоряченный был и почему-то заорал на Язова: «А мне с Архиповым не о чем говорить». И трубку брякнул. И тут же испугался: я же на министра обороны наорал. И со страху прямо с аэродрома поехал к Лукьянову.

(Архипов, поясню для читателей, был начальником тыла Вооруженных Сил СССР, то есть Министерств обороны и внутренних дел и КГБ, поэтому он подчинялся не только Язову, но и лично Горбачеву.)

— Лукьянов сказал мне следующее. Когда он первый раз пытался поговорить с Горбачевым по поводу моей миссии, Горбачев его не принял, но дал команду Архипову самолет с комиссией в Германию не пускать. Когда же я примчался с аэродрома к Лукьянову, он сказал: «Я, конечно, слишком крупнокалиберная артиллерия, но я включаюсь». И пошел на прямой разговор с Горбачевым. Тот ему сказал: «Толя, ты в это дело не лезь, я сам с этими германскими делами разберусь. А этого мудака Якубовского надо убрать куда-нибудь».

Это сейчас только Лукьянов признался, что имел такой разговор с Горбачевым. А тогда он просто сообщил мне: «Дмитрий, вы попали на периферию крупной политической игры. Вы должны исчезнуть, причем совершенно».

Прошло совсем немного времени, и я понял, почему наш самолет вернули, и сообразил, какая опасность мне угрожала. Дело в том, что вскоре Горбачев подписал с немцами соглашение, и по нему мы не 30, и даже не 20 миллиардов марок от них получали за оставляемую собственность, а лишь 13 миллиардов. Горбачев был лично заинтересован в том, чтобы эти деньги мы не затребовали с немцев.

Любопытно, что по сведениям А.И.Лукьянова, наша страна не получила и этих денег. Все в том же интервью Э.Тополю бывший спикер парламента сообщил: «Горбачев отдал собственность, которая стоит тридцать миллиардов марок, а получил взамен кредиты на восемь миллиардов марок». Кредиты, добавлю, полагаются не только брать, но позже и возвращать...

В числе «полезных знакомых» Якубовского был, в частности, председатель государственной ассоциации «Агрохим», бывший министр минеральных удобрений Н.М.Ольшанский. За месяц до описываемых событий Якубовский оказал ему услугу по, так сказать, адвокатской линии. И вот, узнав о переплете, в какой попал Якубовский, тот ему предложил поехать в Базель, где у «Агрохима» была открыта дочерняя швейцарская фирма «Ферсам». Уезжая, точнее убегая из страны, Дмитрий Якубовский никак не думал, что в ближайшее время в Россию вернется. Крах коммунистического режима и крах Горбачева предвидеть было невозможно.

Кстати, именно Якубовский познакомил Николая Ольшанского с Борисом Бирштейном...

точно постоянно в России жить не будет, за границей родившаяся дочь... Я перечитал опубликованные «Московским комсомольцем» разговоры Якубовского со Степанковым, Баранниковым, Бирштейном. Главный вопрос, который его интересует, независимо от того, с кем, когда, откуда он говорит: возможность вернуться. А собеседники не хотят, чтобы он вернулся (почему, об этом ниже). И к тому же совершенно искренне изумляются: человеку повезло, в загранке сидит, что еще ему надо?

«БАРАННИКОВ. Сюда-то ты рвешься... Что рвешься-то сюда?»

«ЯКУБОВСКИЙ. ...Я вчера летал в Галифакс, а там визит был советских кораблей».

СТЕПАНКОВ. Так.

ЯКУБОВСКИЙ. ...Или я сентиментальным становлюсь, да? — это меня так как-то морально подшатнуло вчера; хочу вернуться».

СТЕПАНКОВ. Ха-ха, что-то быстро, только недавно отсюда.

ЯКУБОВСКИЙ. Валь, клянусь тебе, знаешь вот, чисто морально-этически... Причем их принимали на ура, да, ну, наших вообще везде... И я что-то так подумал, думаю: ептыть, ну что ж такое получается?

СТЕПАНКОВ. Ну, всему свое время».

Вот так же точно во время первого вынужденного отъезда (а всего их будет три) Якубовскому разные люди, со смешками («ха-ха») и с ухмылками говорили: да брось ты дурочку валять, плохо, что ли, в городе Базеле...

Но были и такие, что пугали его: вернешься, а Горбачев уже приказ отдал. Тебя арестуют, четвертуют, колесуют. Причем говорили люди вполне ответственные. Так что непонятно было, то ли искренне переживают, советуя не возвращаться, то ли преследуют какую-то свою цель.

После путча 1991 года, а особенно после ухода Горбачева с президентского поста, Якубовский понял, что час настал. Сначала через верных людей в МВД и прокуратуре прощупал, не заведено ли какое-нибудь дело, нет ли санкции на арест...

Ему ответили: нет.

А тут подвернулся удобный случай. Позвонил генерал армии Константин Кобец, который после разгрома путча был в фаворе, стал советником Ельцина и сколачивал вокруг себя команду инициативных, молодых сотрудников. О Якубовском он вспомнил потому, что тот в свое время ошутито помог ему в проведении избирательной кампании. «Я могу приехать только под вашу личную гарантию», — ответил ему Якубовский. «Что тебе нужно?» — «Мне нужно, чтобы вы лично прилетели в Цюрих, взяли меня за руку и привезли в Москву». Ничего себе просьба! А знаете, что ответил Кобец? «Вылетаю», — ответил он. И вылетел.

7 марта 1992 года в сопровождении генерала армии Кобеца Дмитрий Якубовский прибыл в Москву. Кобец отдал ему свой

Д.Якубовский и адмирал О.Ерофеев во время визита российских военных кораблей в Галифакс (Канада). Май, 1993 г.

Мало кто понимал и понимает Дмитрия Якубовского, всеми силами рвущегося в Россию. На внешний взгляд, живет в достатке, красавица жена, канадка, которая уж

кабинет государственного советника в «Белом доме» (у него еще были кабинеты в Кремле и в Министерстве обороны). И вместе с Кобецом Якубовский, засучив рукава, начал готовить военную реформу. Мне доводилось разговаривать с разными людьми, работавшими в то время в аппарате государственных советников, — Якубовский всех поражал своей работоспособностью, истовым отношением к делу. Многие относили это за счет молодости. «Молодой еще, переберется...»

Именно тогда, попав в номенклатуру «Белого дома», познакомился Дмитрий Якубовский и с Шумейко, и со Степанковым, и с Баранниковым. Наконец, настали времена, когда К.Кобец попал в опалу, а Шумейко, напротив, ушел в правительство, стал первым вице-премьером. Шумейко предложил Якубовскому должность советника правительства. Тот, будучи человеком щепетильным, пришел к Кобецу. «Иди, — сказал Кобец, — и для дела, и для тебя самого это будет полезно».

И Якубовский ушел к Шумейко, ничуть не предполагая, разумеется, что этот шаг вскоре приведет его к еще одному экстремному бегству из страны... В функции Якубовского входила координация работы правоохранительных органов (которые курировал первый вице-премьер).

Координация координацией, но, в силу свойств своего характера и определенного обаяния, Якубовский быстро сходиллся с людьми, переводя формальные, служебные отношения в неформальные. Вспоминая спустя три года о встрече с Якубовским, А.И.Лукьянов заметил: «Что я могу сказать о Якубовском, какое впечатление у меня осталось... Я в день принимал очень много людей, и у меня больше запечатлевается образ поведения, чем сам вопрос, который ставился. Он из тех людей, с которыми я встречался в то время, — самый яркий. Это был человек, во-первых, раскованный, потому что обычно люди, которые ко мне приходили, были немножко скованными. Во-вторых, человек искренне заинтересованный в том, чтобы наша собственность не пропала, и говорили мы бурно, чего обычно со мной не случается, я человек спокойный. Это я запомнил, он был искренне заинтересованный человек». К этому стоит добавить еще чувство юмора, о котором упоминают все, кто пересекался с Якубовским по службе, а также умение и желание помочь даже в тех ситуациях, когда это требовало от него немалых усилий. Так что новыми друзьями Дмитрий Якубовский обзаводился легко, играючи. Зачастую это были достаточно высокопоставленные друзья. С одной стороны, это очень помогало по работе, с другой — облегчало решение многих личных проблем. Я, кстати, совершенно не уверен, что если бы у Якубовского не было его друзей — остался бы он вообще жив до сегодняшнего дня? Но это так, к слову...

Многие отказывались верить, что молодой парень, не достигший еще тридцати лет, может запросто общаться, например, с самим шефом безопасности Баранниковым. Сосед Якубовского по даче в Жуковке академик А.В.Старовойтов, глава Федерального агентства правительственной связи, поверил в это только когда собственными глазами увидел, как к Якубовскому на дачу приехал Баранников с супругой обмывать новые звания (в один день Якубовскому присвоили звание полковника, а Баранникову — генерала армии).

Любопытный штришок. О рождении своей дочери Дмитрий узнал от Баранникова. Первый звонок ранним утром 1 августа 1992 года раздался от него: «Старик, поздравляю, у тебя дочь».

И последовало приглашение. Якубовский поехал на дачу к Баранникову (напротив — дача Степанкова, чуть далее — Дунаева, замминистра внутренних дел), где обнаружил всю троицу у костра. Баранников в тренировочном костюме жарил шашлык из осетрины. Степанков в домашнем. Посидели, выпили. Идиллия!.. Пройдет совсем немного времени, и Степанков подпишет ордер на арест молодого папаша, а Баранников пустит по его следу убийц.

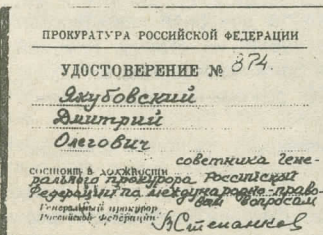
— Дмитрий, как же получилось, что ты в очередной раз оказался в опале?

— Моя задача, когда я пришел в правительство, была простой: я должен был ориентировать силовые структуры на работу в одном направлении, заняться, так сказать, идеологией их функционирования. И очень быстро я обнаружил, что есть силы, которые пытаются перетянуть эти ведомства на свою сторону. Я имел широкий круг общения, огромную информацию из разных структур и пришел к выводу, что уже летом 1992 года секретарь Совета безопасности Ю.Скоков пытался ориентировать силовые структуры на себя, с тем чтобы перейдя в коммунистическо-фашистскую оппозицию, увести их за собой. Я стал внимательно присматриваться к кадровым назначениям Скокова и четко увидел, что он ведет свою игру. Человека выгоняют с компрометирующими обстоятельствами из КГБ, а Скоков тут же назначает его в МВД — свой человек. Человек работает полковником, завтра он уже генерал-лейтенант, и до гробовой доски предан Скокову. И так далее. Я увидел, что силовые структуры раздваиваются. Часть остается за президентом, а часть — и значительная — начинает понемногу работать против него. Я, разумеется, докладывал о своих наблюдениях и выводах, и за это быстро поплатился.

Поначалу от меня решили избавиться тихо: 8 июля подсунили Гайдару на подпись распоряжение правительства, согласно которому все советники правительства сокращались (причем совершенно не скрывалось, что ради меня одного формально упразднили всех советников — они, разумеется, остались, но стали называться иначе). Тогда у Шумейко возникла идея создать новую должность: полномочный представитель правоохранительных органов в правительстве. Должность ввели, меня на нее зачислили, причем одновременно я состоял в так называемом действующем резерве Федерального агентства правительственной связи и информации при президенте. Моя должность полномочного представителя соотноствовалась рангу первого заместителя министра Российской Федерации.

Короче, я продолжал изучать расстановку сил в силовых ведомствах, не только не растеряв своих полномочий, но и приобрел новые. А процесс развивался. Если в июне 1992-го произошло сближение Скокова и Руцкого (они вместе выбивали Бурбулиса), то в августе сблизились Руцкой и Баранников (они сошлись на Бирштейне и на Молдавии, куда вместе — втроем — летали урегулировать приднестровский конфликт)*.

* Б.Бирштейн купил бывшие интуристские гостиницы в Кишиневе. Из-за военных действий в Приднестровье он нес большие убытки. Тогда он прилетел в Москву, погрузил в свой личный самолет с надписью «Сибаево» на борту вице-президента Руцкого и министра Баранникова и привез их сначала в Кишинев, затем в Тирасполь, на переговоры. Война была прекращена, а деньги Бирштейна спасены. Это история, которая достойна отдельного рассказа.

Это было уже опасно. И я открыто стал с этим бороться.

Тогда стали бороться со мной. Начался настоящий детектив: мне отключили связь, блокировали на даче, арестовывали машины. Они не хотели открыто со мной расправляться. Хотели, чтобы я испугался их давления и уехал сам. Но я не испугался и пришел к Баранникову за разъяснениями. Баранников, разумеется, не стал признаваться, что пять минут назад он сам этим концертом дирижировал. Он сказал мне: «Немедленно вылетай в Вашингтон, где твой шеф Шумейко в Международном валютном фонде находится. Прилетишь вместе с ним. А я за эти три дня в своем ведомстве наведу порядок, твой вопрос утрясу. Вернешься с Шумейко — пойдём к Борису Николаевичу». Это было логично: Шумейко обо мне и моих изысканиях Ельцину уже докладывал, и тот против встречи не возражал.

Короче, прилетаю я к Шумейко. А по пути в аэропорт, кстати, вся комедия продолжалась. Дунаев меня вез в Шереметьево в багажнике своей машины. Милиция блокировала, Дунаева хотели отсечь, сделали вид, что пытаются арестовать меня в самолете. Но я улетел. Докладываю Шумейко обстановку. Решительно настроенный, Шумейко летит в Москву, приказав мне ждать указаний... Первое, что сделал Баранников, когда увидел Шумейко в Москве, — сообщил ему, что я канадский шпион. Я потратил два месяца на то, чтобы заставить Владимира Филипповича заглянуть в Большую советскую энциклопедию и убедиться, что в Канаде нет шпионской организации. Не создали. Может быть, напрасно, но чего нет, того нет. Причем ссылались даже на некую записку Примакова Ельцину насчет меня, которой, как позже выяснилось, не существовало в природе.

И вот тут начались знаменитые звонки Якубовского Степанову, Дунаеву, Баранникову. Мы еще вернемся к вопросу о том, кому было выгодно использовать падкий на сенсации «Московский комсомолец» для «утечки» этой информации. Но если сейчас прочесть опубликованное в этой газете, складывается интересная картина. Во-первых, собеседники явно не хотят видеть Якубовского в России, всячески уговаривают его отказаться от мысли приехать. Во-вторых, и ссориться с ним, озлоблять тоже не желают. В-третьих, избегают ссылаться друг на друга (валят на Ерина — «вот Ерин против тебя что-то имеет», — единственного силового министра, которого Якубовский не знал лично, а потому не мог с ним из-за границы связаться). Побаивался Якубовского и Шумейко, под которым вскоре тоже земля закачалась.

Однако вся компания продолжала общаться с Димой! Он даже выполнял их некоторые поручения. В мае Баранников просит Якубовского переговорить со Степанковым, чтобы он не снимал своего первого зама Землянушина, и 5 июня Якубовский сообщает Баранникову, что со Степанковым он об этом договорился (см. «Московский комсомолец»)! Уже после отъезда Якубовского у него за границей побывали в гостях Степанков (дважды), Дунаев, наконец, Шумейко (дважды), не говоря уже о сошках помельче.

Наконец, в июне 1993 г. Якубовский понадобился прокуратуре. Он был нужен Степанкову и Баранникову для того, чтобы убраться Шумейко. Сначала по телефону «сдать» Шумейко его уговаривал Бирштейн («Он продал тебя», — наускивал он Якубовского на бывшего шефа). Затем Степанков выступил гарантом безопасного приезда и даже дал письменное указание на-

Козыбинку Игоревичу
Игорю 240 РФ
Примаковичу Николаевичу В.Ф.

Рапорт.

14.06.93г. в 14¹⁵ч на приеме в министерстве Безопасности Российской Федерации. Баранникову В.П. был приглашен господином Якубовским Дмитрий Олегович. При входе на осмотре г-на Якубовского после выслушания привлекла откровенность по речи и уд. куртаж. По поводу вопроса, где там находится посетитель Москва или Питер, который был оставлен на столе, ушел. Сразу некоторое время посетитель вышел из кабинета и пошел водителем принести дипломат. При осмотре дипломата в нем был обнаружен 16-дюймовый итальянский авиационный самолет «BERETTA» с 3-мя ракетными двигателями. Дипломат в оружии и патронами более не удет. Документы, которые находились посетителем Дима слу. причины, они находятся там же в дипломате (дипломат изданы по линии прачки отарибов Варакаш). Это был злом было доложено министру.

О посетителя ушли за 10 минут до приезда, куда не достатки времени ОТО не могли действовать.

В окрестности по угрозы оружие были обнаружены офицер прикладывает ст. л-т Крайнов С.В. и старш. офицер Виталий отряд ст. л-т Федотов С.И.

Старший офицер Виталий отряд

чалнику московской милиции Панкратову обеспечить охрану Якубовского (правда, в документе этом содержалось довольно странное указание: «любое общение Якубовского с гражданскими или военными властями разрешается с санкции генерального прокурора и с разрешения начальника ГУВД» — это скорее не охрана, а конвой!). Якубовский согласился на все условия и прилетел в Москву.

Первым Якубовского в Москве посетил Дунаев. Он сообщил Дмитрию, полагая, что тот играет в их игру, о плане убраться Шумейко — с использованием счетов, якобы открытых вице-премьером в иностранных банках. Якубовский прекрасно знал, что материал поступил к ним от Бирштейна, и знал, что он полностью сфальсифицирован. И он предупредил сначала Дунаева, потом Баранникова, что они имеют дело с фальшивкой.

Сейчас, задним числом анализируя события, Якубовский жалеет, что предупредил их об этом. Надо было, считает он, промолчать, а они, использовав фальшивку, которую легко было разоблачить, сами бы попались и несомненно на этом проиграли.

Однако, не до конца разобравшись в ситуации, он сообщил Дунаеву о фальшивке. Утром бодрый звонок от Баранникова: «Дима, полковник, революционер! Приезжай срочно ко мне». Якубовского не насторожило даже то, что у кабинета Баранникова его дважды обыскали (см. публикуемый на этой странице рапорт). Он честно рассказал министру безопасности

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 0145

ЯКУБОВСКИЙ
Дмитрий Олегович

является полномочным представителем
правоохранительных органов, специальных
информационных служб
Министерства Российской Федерации

Выдано 15 сентября 1992 г.
г. Москва

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
по 2. апреля 1993

ПРОДЛЕНО
по 19 г.

Начальник Главного управления охраны общественного порядка

МВД СССР
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

РАЗРЕШЕНИЕ № 355
Выдано Якубовскому Д.А.
на право хранения и ношения огнестрельного оружия пистолет «Беретма» 92Ф
№ 2 34 513 З.

Начальник Главного управления охраны общественного порядка

все, что знал по этому делу (любопытна, например, такая деталь, свидетельствующая о том, насколько грубо сфабрикован был «уличающий» Шумейко документ: по трастовому договору первый вице-премьер поручал управлять своим счетом... скромному билетному кассиру, который никогда не имел дело с банковскими операциями). Бараников крепко задумался. В результате объявленный на 17 июня 1993 г. доклад первого заместителя генерального прокурора Н.Макарова был снят с повестки дня сессии Верховного Совета без объяснения причин. Доклад состоялся только 24 июня, и в нем отсутствовали упоминания о «счетах», хотя и поднимался вопрос о закупках детского питания (от чего Шумейко пришлось отбиваться на протяжении трех месяцев).

Якубовский не помог сожрать Шумейко. Результат не замедлил себя ждать. 22 июня Степанков пригласил Якубовского к себе на дачу, и там в неофициальной обстановке, на идиллическом фоне пропалывающего на соседнем участке картошку Василия Ивановича Казакова, сообщил ему: «Дима, я должен возбудить уголовное дело. Но ты не волнуйся, ситуация абсолютно управляемая. Я назначу вести дело того следователя, какого ты порекомендуешь, чтоб ты знал, что я тебя не обманываю». И Якубовский назвал ему нескольких следователей (о чем теперь крупно сожалеет: подвел людей).

Дело, кстати, действительно было возбуждено — «по фактам внешнеэкономической деятельности компании ВАМО» (помните, детское питание для Московской области?), и по нему пытались притянуть и Шумейко, и Якубовского.

Сразу после выступления Н.Макарова раздалось два звонка. Первый — от Степанкова, подлинного автора доклада: «Жду тебя завтра в три часа». Второй — от Шумейко, главного героя доклада: «Приезжай в три». Поскольку в три уже договорились со Степанковым, с Шумейко встреча произошла 25-го ранним утром.

Шумейко был в растерянности: «Что делать?» Было ясно, что на него двинулась вся прокурорско-гэбистская машина, за которой просматривался Руцкой. Якубовский посоветовал создать антикомиссию, которая должна была бы действовать по принципу: вы мне рубль, я вам два. (Такая комиссия действительно была создана во главе с другим Макаровым, Андреем. После того как Руцкой и компания оказались за решеткой, работу комиссии, конечно же, спускают на тормозах; по всей видимости, вскоре она будет ликвидирована.)

Степанков был краток: «Дима, когда я тебя звал в Москву, я давал тебе гарантию безопасности. Так вот она истекает сегодня в двенадцать часов ночи». Объяснение было такое: «Позавчера я встретился с Бараниковым, министерство безопасности стало против тебя открыто работать, они пытаются обходить меня. Так что уезжай». «Это невозможно, — ответил Якубовский. — Да и Бараников меня завтра к десяти утра приглашал к себе на дачу». «Вот телефон, — сказал Степанков. — Можешь ему позвонить».

«Виктор Павлович, — сказал Якубовский, набрав в кабинете Степанкова номер Бараникова. — Вот тут мне рекомендуют немедленно уехать. Как быть?» «Чушь», — сказал Бараников и, как в свое время Язов, попросил перезвонить через пятнадцать минут.

Через пятнадцать минут Бараников спросил: «Ты еще здесь?» И, вслед за Степанковым, дал срок до полуночи... Якубовский на всех парах бросился к своему другу Панкратову, которому, если помните, было поручено его охранять. К счастью, тот оказался в кабинете. От него позвонил Шумейко: «Владимир Филиппович, я только что говорил с Виктором Павловичем. В общем, мне рекомендуют уехать».

Шумейко ответил: «Мне тоже».

И они разлетелись. Шумейко в Сочи — по указанию президента, «в отпуск». Якубовский в сопровождении Панкратова — первым же рейсом в Лондон, поскольку в паспорте была открытая английская виза. А оттуда в ставший уже родным Цюрих.

Главному редактору
газеты
«Московский
Комсомолец»
Гусеву Л. Н.

Уважаемый Павел Николаевич

Намеренчески промешуто
прошлов неоднократно пуб-
ликаций на страницах Ва-
шей газеты моих газет-
ных телефонных разговоров.

Траншу довести до сведения
читателей Вашей газеты
мой промеш; в противном
случае...

С уважением

(В. О. Якубовский)

08 октября 1993 г. Тарасово.

Как только Якубовский отбыл из Москвы, Степанков выдал постановление о задержании и приводе для допроса. Такая формулировка могла бы изумить кого угодно (ведь Якубовский только что провел неделю в беседах со Степанковым и его замом Макаровым, что за нужда в новом допросе), но Якубовский понял эту информацию правильно: тем самым Степанков запрещал ему возвращаться в страну.

И если бы не журналист Андрей Караулов, разыскавший в июле в Цюрихе друга своего детства Якубовского (их отцы работали вместе, а семьи жили на одной улице в Болшево), неизвестно, как сложилась бы судьба его дальше. Возможно, он снова занялся бы бизнесом. Возможно, возобновил бы свои телефонные звонки, требуя гарантий безопасности и немедленного возвращения. А возможно, он разделит бы судьбу Артема Тарасова — метался бы по миру, преследуемый российскими спецслужбами. Но Андрей сделал из Дмитрия Якубовского фигуру не только политическую (каковой он уже был, возможно, не отдавая себе в этом полного отчета), но фигуру общественную. Телезрители увидели его в передаче «Момент истины», где он поведал, как неназванное доверенное лицо Руцкого (Бирштейн) шантажировало его, требуя «сдать» Шумейко. Якубовского узнала страна.

Образованная Ельциным специально для сбора компромата на Руцкого комиссия Андрея Макарова немедленно начала работу с материалами, которые либо были в распоряжении Якубовского, либо были с его помощью отысканы. Иногда Макаров передавал журналисту Александру Минкину те или иные документы, которые время от времени публиковались в «Московском комсомольце», в зависимости от требований момента и политической конъюнктуры. Причем ни Минкина, ни Макарова, судя по всему, не волновал вопрос, как отразятся на репутации самого Якубовского эти публикации.

Скандальные коррупционные разоблачения сыпали на голову друг друга обе противоборствующие стороны. Стороны полагали, что они делают большую политику, а добились только

одного: народ наш теперь свято убежден, что воруют в верхах все — и те и другие. И это народное убеждение скоро, я думаю, отразится на результатах выборов.

Читатели, должно быть, не забыли и последнее таинственное появление Дмитрия Якубовского в Москве. Если верить Александру Руцкому, выступившему в «Парламентском часе» (и запись эта без конца повторялась, настолько ей придавалось важное значение): Якубовский прилетел 23 июля президентским самолетом, в аэропорту «девятка» оттеснила пограничников, посадила Дмитрия в бронированный автомобиль и увезла его, вместе с какими-то важными документами, в неизвестное министру Бараникову место. Хотя бойцы министра Бараникова уже стояли возле самолета с ордером на арест, выписанным Валентином Степанковым. Жил Якубовский, по сведениям одних газет, дома у Андрея Караулова. А по сведениям других, в Кремле (чему я лично больше верю). Сразу по приезде против него было возбуждено уголовное дело по факту незаконного пересечения границы, так что арест можно было бы облечь в законные рамки.

Но мало кто знает, каким образом уезжал тогда из России Дмитрий Якубовский. Известно только, что из Москвы он убыл 30 июля, а до Торонто добрался только 4 августа. Сам он говорить на эту тему отказывается. Потому предоставим слово начальнику государственного правового управления президента Александру Котенкову (спасибо еще раз Эдуарду Тополу, записавшему, с разрешения генерал-майора А.Котенкова, его рассказ):

— Мы понимали, что руководители всех трех правоохранительных органов (Степанков, Бараников и Дунаев — Ерин был в отпуске) кровно заинтересованы не только в том, чтобы задержать Якубовского, но и в том, чтобы он замолчал навсегда. Поэтому были предприняты все меры безопасности, когда было решено вывезти его из страны. Однако первая попытка выехать поездом с Казанского вокзала окончилась неудачей: на перроне возникли группа омоновцев и почему-то телевизионная группа (очевидно, с провокационной целью снять задержание Якубовского). Поэтому, не выходя из машин, Якубовский и сопровождающие развернулись и уехали обратно.

На следующий день мы тщательно проанализировали все варианты. Остановились на таком: выехать из Москвы на автомашине, доехать до любого аэропорта, откуда можно вылететь за границу без проверки документов российскими пограничниками (подчиняющимися Бараникову). Мы даже не исключали возможности, что в самолет могли пропустить, потом заставили бы его сделать вынужденную посадку и арестовали в любом другом городе. Так что вылет из России исключался. По договоренности с армянскими коллегами было решено вылетать из Еревана. Дмитрий в обсуждении не участвовал. Хотя я думаю, что, если бы участвовал, мы нашли бы более простой и быстрый способ его отправки. В разработке операции принял участие ограниченный круг лиц, только пять человек.

Было принято решение ехать не на служебных машинах, а с использованием двух мощных БМВ одной из частных фирм, которая дала согласие нам помочь. Руководитель фирмы из нашего кабинета вызвал по радиотелефону обе машины в определенную точку, велел заправиться и не задавать лишних вопросов. Уже через полчаса он доложил, что все готово к выезду. Вот вам преимущество частной собственности перед государственной системой — мы так быстро не собрались бы.

В 23.00 мы заехали за Димой и его двумя телохранителями, разными дорогами на разных машинах добрались до условленного места на кольцевой автодороге, где нас ждали БМВ. Перегрузили бензин, сменили на БМВ номера (тут пришлось позвониться, так как поставить «волговские» номера на иномарку оказалось сложно — отверстия не совпадали). Начался дождь, что мы сочли благим предзнаменованием, способствующим скрытности нашего отъезда, и мы отправились.

Мы договорились с одним из членов правительства, что он будет нас сопровождать на протяжении первых ста километ-

ров. Около Каширы он поморгал фарами, показывая, что все чисто, и развернулся обратно. Я ехал в машине с Дмитрием и представителем фирмы, предоставившей автомобили. Во второй машине — Виталик и Саша (телохранители Якубовского, имел честь познакомиться с ними в Торонто. — А.М.) и еще один охранник. Как только мы тронулись, Дима просит представителя фирмы: «Дай мне пистолет». Тот отвечает: «Он не мой, дать не могу, сам его держу незаконно». Тогда я отдал ему свой: «Бери, только, ради бога, ни за что не дергай». Он положил пистолет себе на колени и так его держал более 2000 километров.

Не буду говорить о нравах нашей милиции, но, сами понимаете, два мчащихся на бешеной скорости БМВ с московскими номерами — лакомый кусок для гаишников, так что неоднократно нас останавливали. Однако у нас был специальный талон без права досмотра, и это нас здорово выручало. Каждый раз Дима судорожно хватался за пистолет, и я так и не уговорил его выпустить пистолет из рук. (Добавлю от себя, что даже в собственном доме, под прикрытием телохранителей, Дима не расстается с оружием: под каждой подмышкой висит «беретта». — А.М.)

Нам надо было добраться до Сочи, где нас ждали. Честно говоря, выезжая, мы даже не обсудили маршрут. На полпути Дмитрий стал задавать вопросы: ведь если ехать через Харьков, значит, надо дважды пересекать украинскую границу. А вдруг там сейчас паспортный контроль? Я на этот счет ничего не знал. И чтобы не рисковать, через три часа движения мы перешли с благоустроенной дороги Москва—Харьков на другую, веронезскую, трассу.

Под утро произошел неприятный эпизод. В предрассветных сумерках наш водитель прозевал необозначенный железнодорожный переезд, поздно затормозил (а ведь мы шли со скоростью 140 км в час), машина совершила мощный прыжок, следующая за нами — также. В результате оба БМВ тут же сели на днище. У нашей машины — трещина на картере и небольшая поломка двигателя, у второй — картер лопнул, стало течь масло, оказалась повреждена задняя правая подвеска и почему-то спустило колесо. К 8 утра дотянули до какого-то маленького городка, где оказалась станция техобслуживания, где нас каким-то чудом починили, мы дозаправились и двинули дальше. Мы с Дмитрием во время ремонта, задревнев, из машины не выходили.

Далее мы двигались через Воронеж и Ростов. Останавливались на три-четыре минуты, перекусывали прямо в машине, въехали в Краснодарский край, где был еще один прокол, смена колеса, и до Сочи добрались без хлопот. В Дагомыс мы въехали в половине двенадцатого ночи. Нас уже ждали с восьми вечера.

На площадке возле цирка нас должен был встретить человек из Армении, чтобы сопроводить в Ереван. Поскольку у цирка никого не обнаружилось, мы отогнали машины в тупичок, я пересадил Дмитрия во вторую машину, а сам один вернулся к цирку. Наконец, ко мне подъехал «Мерседес», из которого вышел человек, которого я знал в лицо. Все вместе мы прибыли на дачу, где стали решать, как поедем в аэропорт, где ждал самолет. Решили не пользоваться машинами, на которых приехали, попрощались с водителями и уже минут через пятнадцать на «рафике» отправились в Адлер. Въехали прямо на летное поле, где уже ждал «ЯК-40» с поднятым трапом. Как только «рафик» подъехал, трап опустили, мы поднялись в самолет, и он тут же взлетел. Все было очень четко. Неудивительно: самолет тоже был частный. Через полтора часа нас встречали в Ереване.

Вернувшись назад, скажу, что в Москве мы просчитывали разные варианты, как улететь из Еревана. Оттуда рейсов в Европу крайне мало, а в Швейцарию нет совсем. Можно было лететь в Париж, но ближайший рейс был только через несколько дней. Провести несколько дней в Ереване — эта перспектива нам как-то не улыбалась. Тогда одна частная московская фирма согласилась оплатить коммерческий рейс из Еревана

в Швейцарию. Когда мы приземлились в Ереване, то увидели стоявший на соседней полосе арендованный самолет. Тут мы совершенно успокоились, а зря.

Мы поднялись в самолет, познакомились с экипажем, тут же армянские пограничники поставили нам отметки в паспорта. Но выяснилось, что командир экипажа, хоть и знал, что нужно взять пассажиров в Ереване, но не был поставлен в известность, куда лететь.

Я с командиром самолета уединился и спрашиваю, когда взлетаем. Он говорит: «Сначала скажите, куда. Я могу лететь хоть до Монреаля. Все оплачено». «Хорошо, — отвечаю, — Цюрих». «А теперь, — он говорит, — мы должны подать заявку, согласовать маршрут...» «И сколько это займет времени?» — спрашиваю. Он говорит: «Обычно день-два...» Меня удивило, что самолету, присланному из Москвы в Ереван, не была поставлена конкретная задача и не был оформлен маршрут до Швейцарии. Дмитрий сразу занервничал, я попросил всех оставаться в самолете, а сам с командиром пошел в диспетчерскую. Маршрут, конечно же, надо было утверждать с Москвой, так как все воздушное пространство над СНГ контролируется Москвой, тем более что самолет был российский, а не армянский. Командир связался с диспетчером авиаотряда, тот подтвердил, что, по его сведениям, в Ереване должно быть определено, куда лететь самолету, и заверил, что сейчас же займется решением вопросов с маршрутом в Цюрих, коридорами, пролетом и т.п. Услышав это, мы как-то успокоились. Если мне не изменяет память, Диминой дочке в тот день исполнился год, и он предложил нам отметить это дело. Стюардесса принесла коньяк, но не успели мы выпить по рюмке, как в салоне обозначился российский пограничник, прапорщик, и потребовал наши документы.

«Что такое? — спрашиваем. — Наши документы уже оформлены армянскими пограничниками. Документы на вылет самолета также оформлены». Но он настаивал на своем. Все паспорта были у меня, я ему их отдал. У Димы паспорт советский, даже, как это у нас часто бывает, несколько паспортов. И он по ошибке предъявил пограничнику тот из них, где не было швейцарской визы. За что тот сразу же ухватился. (Самое смешное, что у телохранителей вообще не было никаких виз, кроме канадских, как позже выяснилось, но к ним вопросов не было.) «Я не могу вас пропустить, — говорит пограничник Якубовскому. — У вас нет швейцарской визы». «А вам что за дело? — спрашиваю. — Это проблема швейцарских властей». Дмитрий тут же вынимает другой паспорт — с визой. «Вас это устраивает?» Пограничник не ожидал такого развития событий, ему поставили задачу придираться хоть к чему-нибудь. Он ушел из самолета, но, как я заметил, у трапа остались вооруженные люди в пограничной форме. Нас рассекретили. Бесспорно, команда уже прошла, мы были на крючке.

Я выбрался из самолета, пограничники меня не остановили, добрался до аэропорта, позвонил в Москву одному из руководителей, который обеспечивал все наши передвижения, доложил о сложившейся ситуации, попросил немедленно дать команду пограничникам, чтобы не чинили никаких препятствий, и, кроме того, ускорить вопрос с пролетом самолета. Не буду рассказывать подробно, это долгая история. Мы просидели почти двое суток. Улетали только в понедельник во второй половине дня. Первый день ушел на переговоры с Москвой. Причем обстановка накалялась. Я звонил из аэропорта по открытой связи, все равно же нас рассекретили. Без конца дергали командира самолета, однажды его даже вызвал для переговоров командующий пограничным округом. Я ему велел не ходить. Он был в полной растерянности от всей этой заварухи. Я пошел на переговоры сам. Из диспетчерской связался с этим командующим, представился и спрашиваю: «Товарищ полковник, у вас есть претензии к пассажирам, экипажу или самолету?» Он несколько минут молчал, потом говорит: «Я звоню как раз для того, чтобы сообщить, что претензий никаких нет». После этого пограничники растворились, но вопрос вылета так и не был решен. В воскресенье вечером пришел начальник аэропор-

та, мы перебазировались к нему в кабинет. Там, наконец, была нормальная связь. Дмитрий смог связаться с Канадой. Я неоднократно связывался с Москвой, откуда мне сообщили, что идет мощнейшее противодействие нашему вылету. Но ордер на арест нам предъявить не могли, т.к. мы находились все же на территории Армении. Мы стали обсуждать возможность перебраться в Тбилиси или Баку. Баку отпал сразу же — туда из Армении прилететь, понятное дело, было никак невозможно. С Тбилиси связаться просто не удалось, там война. Тогда Дмитрий связался с Канадой и решил вызвать самолет оттуда. Из Канады сообщили, что самолет может быть в 00.00. Я дал команду отдышаться, но в 22.00 быть на месте. В свои планы мы посвящать никого не стали. Нас отвезли в гостиницу; мы помылись, поужинали, отдохнули. И тут Дмитрий проявил самостоятельность, которую я ему простить не могу.

Он, не поставив в известность даже собственную охрану, вместе с армянскими охранниками поехал в аэропорт, чтобы лишний раз связаться со Швейцарией и Канадой и проверить, как там наш самолет. Когда мы хвятились, обнаружилось, что его в комнате нет, машины у нас нет, гостиница далеко, телефонов в номерах нет. В общем, понервничали. А он, видите ли, решил нас не беспокоить, не будить... Наконец, в аэропорту нас встречает, говорит, что самолет из Канады прибудет только к 12.00 дня.

Тут выходит командир из нашего самолета и говорит, что есть «добро». Не знаю, почему они дали «добро». То ли поняли, что мы все равно улетим частным канадским самолетом, так что пусть лучше полетим этим. То ли это была очередная ловушка. Начинаем прогнозировать. Предположим, что дают разрешение на вылет этого самолета, летит он все-таки нашими коридорами: из Еревана на Сочи, а потом вдоль побережья, через Украину, Крым, Венгрию... Практически весь этот коридор контролируется российскими ПВО. Командир поясняет: «Если мне в этом коридоре дадут команду сесть, я обязан сесть». Дмитрий сразу занервничал и говорит: «Этим самолетом я не полечу». Посовещавшись наедине, мы решили, что в любом случае этим самолетом лететь нельзя.

Тут командир как раз сообщил, что разрешение есть только на взлет, а разрешение на посадку в Цюрихе пока не получено. Я воспользовался этим предлогом и попросил начальника аэропорта, даже если придет разрешение на посадку, экипажу российского самолета его не показывать, а дать мне. К сожалению, в 12.00 частный самолет за нами еще не прибыл, хотя поступила информация, что он уже сел в Тегеране на дозаправку. В Ереване мы ожидали его в 14.00.

Примерно в час дня пришло разрешение на посадку в Цюрихе, но, как и было условлено, начальник аэропорта его показал мне и спрятал в карман. Когда в 14.00 приземлился шестиместный самолет, вызванный Якубовским, по моей просьбе его загнали за угол, чтобы российский экипаж не увидел (лишняя подстраховка), дозаправили. Зарубежный самолет, к счастью, не вызвал интереса у российских пограничников, поэтому, когда мы бегом в него перебежали и тут же взмыли, им оставалось только глазами хлопать. Маршрут этого самолета был запрошен из Тегерана, поэтому мы должны были лететь через Иран, затем через Турцию на Грецию. Преодолев границу Ирана, мы с Дмитрием чокнулись, выпили. И снова сглазили. Уже на территории Турции (мы видели в иллюминаторы озеро Ван) самолет сделал крутой вираж на 180 градусов, к нам вышел командир и говорит по-английски: «Приходится возвращаться. Турки неожиданно закрыли нам коридор и поставили жесткое условие: если мы немедленно не покинем воздушное пространство Турции, они примут меры. Поэтому я вынужден был сначала развернуться, а потом уж докладывать вам».

Командир предложил такой вариант: «Летим в Тегеран. Фирма покупает вам билеты на ближайший рейс в любую европейскую страну». Дмитрий согласился, он был готов лететь куда угодно, лишь бы выбраться из этого региона. Пилот связался с Тегераном, оттуда запросили, есть ли у нас иранские визы.

У нас их, естественно, не было. Вариант Тегерана отпал. Все остальные пути вели через Турцию, которая, не знаю уж с чьей подсказки, нас категорически не пропускала. Единственное, что оставалось: сесть в Объединенных Арабских Эмиратах, в Дубаи. Что мы и сделали.

Вы знаете, я впервые попал в Эмираты. Представьте мое состояние: на мне шерстяной спортивный костюм, в котором я выехал из Москвы, а в Дубаи 43 градуса жары и 90 процентов влажности. Было полное ощущение, что ты находишься в сауне... Короче, из Дубаи мы полетели во Франкфурт, через полтора часа пересели на самолет до Цюриха. Там выяснилось, что у Виталия и Саши нет швейцарских виз, их не хотят выпускать из аэропорта, мы два часа утрясали этот вопрос. Но это все семечки по сравнению с тем, что могло ждать нас в России. Переночевали мы в Швейцарии и утром вылетели в Торонто. Там и закончилась моя миссия.

Да, чуть не забыл. Когда мы взлетали в Ереване, я нехорошо так пошутил: плохо, говорю, что у нас нет тепловых ловушек, а то «стингеры» бьют по тепловому излучению, в хвост, так что радоваться рано, пока не наберем высоту. Как только высоту набрали, Дима пригласил стюардессу и говорит: «Накрывайте!»

А потом к Якубовскому в Торонто приезжали члены межведомственной комиссии по борьбе с коррупцией А.М.Макаров и А.Н.Ильющенко. Им долго не давало визу канадское посольство. На обратном пути, приземлившись во Внукове, они затребовали бронетранспортер и так на бронетранспортере въехали в Кремль, привезя оригинал трастового договора, по которому А.В.Рущкой управлял своими счетами в швейцарских банках. А еще через пять дней Б.Н.Ельцин распустил парламент. А еще через две недели сами знаете, что произошло.

И теперь, когда все его основные противники либо сняты с работы, либо сидят в тюрьме, Дмитрий Якубовский снова рвется на родину. Но вот что удивительно: уже новые люди говорят ему: «Ха-ха, ну что тебе не сидится в Канаде». А то и пугают: «А ведь дело-то уголовное никто пока не закрыл, санкцию на арест не отменял». Может, он действительно слишком много знает? Слишком много для того, чтобы вернуться?

А мне он симпатичен. Симпатична даже его манера переходить на дружескую ногу с самым толстокожим бюрократом. Симпатичен его юношеский романтизм, странным образом сочетающийся с жесткой деловой хваткой. Наконец, симпатично его стремление к правдоискательству, которое, увы, ничего, кроме шишек, ему не принесло. Он сделал свою жизнь своими собственными руками. И то, что он попал в самый водоворот политических событий, навряд ли можно считать случайностью. Как говорится, за что боролся — на то и напоролся.

А вот относительно его будущего ничего не могу сказать. Не знаю. Рад бы предположить лучшее, да не могу. Почему? Да потому, что ничего не могу сказать насчет будущего нашей с вами страны. Оно темно и загадочно.

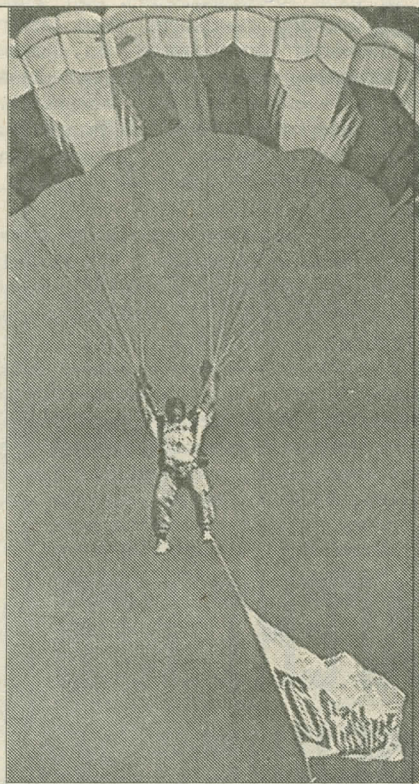
Лондон—Торонто—Москва

САМАЯ НЕОБЫЧНАЯ РЕКЛАМА

- Воздушные шоу
- съемка клипов в свободном падении
- услуги воздушных операторов

Звоните сейчас, и Вы на высоте!

Тел. 923-19-71.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
НОВОЕ ВРЕМЯ
 ПРОВОДИТ ПОДПИСКУ
НА СВОИ ИЗДАНИЯ

"Новое время"—
 политический
 еженедельник

**ЭЛИТАРНЫЙ ЖУРНАЛ
 ДЛЯ ВСЕХ**

Индекс в подписном каталоге 70621.
 Цена подписки на первое полугодие
 1994 года 4680 руб. без учета
 стоимости почтовых услуг.

**НОВОЕ
 ВРЕМЯ**

Антон Александрович, сын украинского эмигранта, стал участником ограбления. Во время ограбления была ранена женщина. По английским законам максимальный срок, положенный за подобного рода преступление, — десять лет. Александрович вышел на свободу... двадцать два года спустя.

Дело украинского эмигранта напрямую связано с «делом о 106 агентах КГБ», высланных из Великобритании консервативным правительством Эдварда Хита в мае 1971 года.

В 1971 году Александровичу было всего 18 лет. Где и при каких обстоятельствах он попал в криминальную компанию, неизвестно. Но известно, что эмиграция из Советского Союза всегда на всех уровнях и на всех кон-

штаб-квартирой по разработке операций КГБ, многие из которых были направлены против эмиграции. Я полагаю, что за «дедушку и бабушку» Александровичу не дали бы дополнительного срока в двенадцать лет. Кто в действительности был Антон Александрович и что он делал для КГБ, остается загадкой и сегодня, поскольку и сегодня Александрович отказывается говорить. Но кто-то из ста шести высланных офицеров КГБ завербовал молодого украинца и знает его историю. Если, как утверждает Александрович, он не состоял на службе КГБ, то почему он оставался в тюрьме почти четверть века?

Ниже впервые на русском языке приводится список высланных офицеров КГБ, которые своей деятель-

1960—1964 гг.

19. Гамов Прокопий Иванович, до этого работал в Дании в 1960—1966 гг.

20. Генералов Всеволод Николаевич, ГРУ, до этого вел операции в Вашингтоне.

21. Голубев Сергей Михайлович, работал в Нью-Йорке в 1961 году, затем в Вашингтоне в 1963—1964 гг. и в Каире, в 1967—1969 гг.

22. Голяков Анатолий С.

23. Гордеев Борис Степанович.

24. Горленко Евгений Яковлевич.

25. Гречко Александр А.

26. Дудин Владимир Н.

27. Жернов Леонид Андреевич, ГРУ, до этого работал на Цейлоне в 1966—1967 гг.

28. Журавлев Геннадий А., до этого работал на Таиланде в 1956—1959, 1962—1967 гг.

29. Заворин Иван Панфилович, до этого работал в Аргентине в 1959 гг.

30. Зеленов Владимир Александрович.

31. Золотарев Артур.

32. Зотов Константин И., до этого работал в Вашингтоне в 1963—1966 гг.

33. Зотов Виктор Никитович, ГРУ.

34. Иванов Анатолий Н.

35. Кабатов Юрий Б., до этого работал в Новой Зеландии в 1964—1967 гг.

36. Карелин Владислав Б.

37. Карягин Виктор Васильевич, до этого работал в Западной Германии в 1954—1958 гг.

38. Кашлев Юрий Б., работал в Австрии в 1958—1960 гг.

39. Климов Игорь К.

40. Колодяжный Борис Г.

41. Колычев Юрий Константинович.

42. Кондратенко Юрий Александрович, до этого проводил операции в Дании в 1961—1965 гг.

43. Константинов Игорь Константинович.

44. Копейкин Геннадий Николаевич, ГРУ.

45. Корниенко Юрий Федорович, ГРУ.

46. Коробов Владимир И.

47. Котусов Александр И.

48. Крикунов Николай Константинович.

49. Куликов Иван Александрович, до этого работал в Париже в 1957 году.

50. Кутузов Евгений И.

51. Кузин Евгений Ф.

52. Кузьмин Лорий Т.

53. Кузнецов Георгий Александрович, до этого работал в Нью-Йорке в 1962—1965 гг.

54. Кузнецов Юрий Александрович, ГРУ, до этого работал в Пакистане в 1960—1965 гг.

55. Квардаков А.П.

56. Лапшин Анатолий И., до этого работал в Дании в 1958—1960 гг., за-

АГЕНТ КГБ ВЫШЕЛ НА СВОБОДУ...

тинентах была пронизана агентами КГБ. Кто-то из офицеров КГБ, видимо, был знаком с биографией молодого Александровича и попытался его завербовать. Но английская контрразведка обратила внимание на молодого парня, родившегося в Англии, который крутился около советского посольства в Лондоне и часто появлялся в компании офицеров КГБ. Одним из них был Игорь Лаптев, первый секретарь посольства СССР в Великобритании в 1971 году. Это в его обществе чаще всего видели Александровича. За четыре дня до его ареста из Англии было выслано 106 сотрудников КГБ, деятельность которых особенно раздражала английское правительство. Дело стало международным скандалом. Высылка такого количества сотрудников советских учреждений никогда не имела места ни в одной стране мира. Александрович на допросах отрицал, что был завербован КГБ и выполнял их поручения в эмиграции. В свое оправдание он заявил, что встречался с Лаптевым, пытаясь разыскать через него своего деда и бабушку на Украине. Нужно быть очень наивным, чтобы разыскивать родственников в советском посольстве, которое в те времена — при Брежнев — было

ностью на территории Великобритании особенно раздражали английское правительство:

1. Акимов Анатолий И., до этого работал в Нью-Йорке в 1962—1965 гг.

2. Аксенов Александр Павлович.

3. Александров Николай Ф., до этого работал в Индии, 1963—1966 гг.

4. Артишевский Евгений Иванович.

5. Айказян Эдуард, офицер ГРУ.

6. Азаров Иван Павлович, до этого работал в Вашингтоне в 1951—1955 и в 1961—1962 гг.

7. Барабанов Иван И.

8. Барынин Василий Федорович.

9. Бирюков Игорь Д.

10. Бобарыкин Николай Б.

11. Брейтигам Михаил Флорентьевич.

12. Буданов Виктор Георгиевич.

13. Бунин Владислав.

14. Васичев Геннадий Никитович.

15. Вайгаускас Ричардас Константинович, до этого работал в Нью-Йорке в 1960—1962 гг., затем в Канаде на Всемирной выставке в 1967 г. Появился в Англии в 1968 году.

16. Векленко Виктор Т., после высылки из Англии работал в Таиланде в 1972 году.

17. Висков.

18. Воронин Юрий Николаевич, работал в Финляндии в 1954—1958,

тем в Индии в 1963—1965 гг.

57. Лаптев Игорь К., до этого работал в Канаде в 1967—1970 гг.

За связь с Лаптевым молодой Антон Александрович получил двадцать два года тюрьмы. Возможно, Лаптев его завербовал.

58. Лавровский Юрий Иванович, ГРУ, после провала и высылки из Англии работал в Индонезии в 1972—1973 гг.

59. Лавров Валерий Алексеевич, ГРУ.

60. Леонов Владимир Алексеевич, ГРУ.

61. Леонтьев Леонид А.

62. Макаренко Борис В.

63. Макаревич Игорь Владимирович, ГРУ, до этого работал в Пакистане в 1963—1966 гг.

64. Мельник Владимир И.

65. Мешков Борис П.

66. Морозов Юрий В.

67. Оробинский Анатолий П.

68. Панин Юрий И., ГРУ.

69. Панковский Виктор М.

70. Павлов Лев Александрович, ГРУ.

71. Перебилло Борис Дмитриевич, ГРУ.

72. Петровичев Леонид, до этого работал в Вашингтоне в 1962—1966 гг.

73. Петровичева Эмилия А., жена.

74. Постникова Людмила А.

75. Пронин Василий И.

76. Прошин Дмитрий.

77. Пушкин Владимир А.

78. Рагозин Иван Петрович, ГРУ.

79. Рогов Леонид Алексеевич, резидент КГБ в Лондоне.

80. Рунков Александр, до этого вел операции в Иране в 1964—1966 гг.

81. Саков Владимир Ермолаевич.

82. Семенов Станислав Н., до этого вел операции в Новой Зеландии в 1964—1967 гг.

83. Сепелев Юрий Ф.

84. Симбирцева Людмила Серафимовна.

85. Скобцов Юрий В.

86. Слепов Александр Владимирович, до этого вел операции в Аргентине в 1956—1959 г, затем в Западной Германии в 1961—1964 гг.

87. Сойдра Иво-Айят.

88. Соколов Сергей Никифорович.

89. Сорокин Дмитрий Иванович, до этого работал в Вашингтоне в 1961—1964 гг.

90. Тер-Саркисов Юрий М.

91. Троицкий Анатолий Петрович

92. Устенко Эдуард В., до этого работал в Австралии в 1964—1967 гг., после высылки из Англии — на Цейлоне в 1972 г.

93. Филатов Владимир Герасимович, до этого работал на Конференции по разоружению в 1962 году, затем во

Франции в 1962—1965 гг., в Нью-Йорке в 1966 г.

94. Филипов Анатолий Васильевич, ГРУ.

95. Филоненко Виктор, ГРУ.

96. Хмыз Василий П.

97. Ходжаев Юрий Т., работал под прикрытием руководителя Совэкспортфильма в Лондоне.

98. Цуцков Николай. До этого работал в Швеции в 1961—1965 гг.

99. Черемухин Юрий С.

100. Чернецов Юрий Евгеньевич.

101. Четвертухин Александр Николаевич.

102. Чусовитин Валерий С.

103. Шерстнев Лев Николаевич, до этого работал в Канаде в 1952—1953 гг., затем в Норвегии в 1959—1963 гг.

104. Юрасов Виктор Владимирович.

105. Ясаков Вячеслав Александрович, работал в Корнеллском университете, штат Нью-Йорк, в 1965—1966 гг., появился в Англии в 1968 г.

106. Яценко Анатолий А., работал в Нью-Йорке в 1962—1965 гг.

Олег Гордиевский, бывший офицер КГБ, ставший перебежчиком в 1985 году и живущий в Великобритании, по нашей просьбе так прокомментировал этот список:

«Восемь человек из этого списка я знал лично. Это Акимов Анатолий, в списке под номером 1, Александр Павлович Аксенов под номером 2, Буданов Виктор Георгиевич, в списке под номером 12, в мае 1985 года лично допрашивал меня с применением наркотиков, чтобы выбить нужные ему показания. Воронин Юрий Николаевич, под номером 18. Гамов Проконий Иванович, в списке под номером 19. Владимир Дудин, под номером 26. Лапшин Анатолий Иванович, под номером 56. Лапшин специализировался на вербовке шифровальщиков. Генерал Голубев Сергей Михайлович (в списке он под номером 21) — человек из Первого главного Управления КГБ — К — лично повез яд, который был заложен в острие специального зонтика. Этим зонтиком на мосту среди бела дня около здания Буш Хауза Би-би-си был убит болгарский журналист-антикоммунист Георгий Марков, работавший в лондонском бюро радио «Свободная Европа». Голубев вел с болгарским КГБ все переговоры и полностью подготовил убийство».

Джин БРОНСКАЯ

**АГЕНТСТВО
НЕДВИЖИМОСТИ
«КАТРИН МАМЭ»
ПРЕДЛАГАЕТ:**

«Новые одно-, двух- и четырехкомнатные квартиры в 22-этажном доме повышенной комфортности на юго-западе Москвы по цене от 1000 до 1100 долларов США за 1 кв.м. Оптовым покупателям предоставляется скидка.»

Трехкомнатную квартиру на Тверской улице, отремонтированную по европейскому стандарту. 7-й этаж 7-этажного кирпичного дома с охраняемым подъездом и автостоянкой. Площадь 77 кв.м (22, 20, 10, кухня 9 кв.м). 110 тысяч долларов США.»

Четырехкомнатную квартиру (107 кв.м.) в Кунцеве на Малой Филевской улице. 12-й этаж 13-этажного дома с прекрасным видом на парк. 275 тысяч долларов США.»

Трехкомнатную квартиру в сталинском доме на проспекте Мира площадью 90 кв.м (21, 20, 16, кухня 12 кв.м). 85 тысяч долларов США.»

Владельцам элитных квартир и офисных помещений в центре Москвы: «Катрин Мамэ» поможет Вам выгодно и надежно распорядиться Вашей недвижимостью, сделает ее источником стабильного и высокого дохода.»

«Катрин Мамэ» предложит Вам первоклассную недвижимость в России и во Франции.»

Однажды Самуил Яковлевич Маршак поставил в тупик лондонского полицейского. Страж порядка не знал, что перед ним стоит будущий друг детей Советского Союза, а еще не забронзовевший поэт не подозревал, что английским он пока владеет не в совершенстве.

— Сколько времени, сэр? — любопытно спросил гость из России, опустив в короткой фразе определенный артикль.

— О, сэр, это очень сложный философский вопрос, — раздумчиво вступил в диалог бобби.

Дело в том, что лишенная необходимого атрибута фраза звучала так: «Что есть время?» Боюсь, что дать исчерпывающий ответ на этот глубокомысленный вопрос смогут немногие политики и экономисты. Не претендую на анализ и я. Вынеся в заголовок название произведения еще одного любимого детьми поэта, я хотел провести воображаемую демаркационную линию между благими приметами нынешних быстротекущих дней и их антиподами.

Приятную услугу, связанную с определением точного времени, стало оказывать клиентам малое предприятие «Престиж», входящее в большую фирму — Петродворцовый часовой завод. Скажем, если вы хотите совместить прозаический процесс наблюдения за минутной и часовой стрелками с созерцанием собственной персоны, не тушуйтесь — гоните деньги, и ваш портрет изобразят на циферблате. Да что там фас или профиль! По желанию заказчиков петродворцовые мастера украсят популярные некогда часы «Ракета» любимым знаком, символом, гербом и флагом, нанесут любой текст или цветное изображение, сообщает ИТАР—ТАСС. Первый заказ уже выполнен. Партия часов, украшенная изображением популярного эстрадного актера Ефима Шифрина, вручена заказчику.

Город на Неве, вернувший себе прежнее название, предлагает жителям разнообразные ретро-услуги. Хотите вообразить себя кавалергардом — спешите в магазин раритетов, который открылся в музее артиллерии и инженерных войск напротив Петропавловского собора. Там вам предложат оригинал или копию шашек, сабель, мундиров, старинного ору-

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО И ЧТО ТАКОЕ ПЛОХО

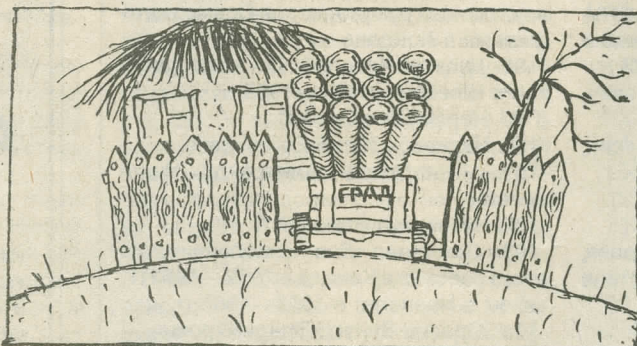

Рис. А. Зайца

жия. Открытие этого магазина стало возможным благодаря воссозданию Гвардейского экономического общества, сообщает РИА. До Октябрьской революции ему принадлежало известное всем петербуржцам здание нынешнего Дома ленинградской торговли. Общество занималось отчасти тем, чем и современный военторг, однако и участвовало в финансовых проектах российской армии.

В Петербурге смотрят не только в прошлое, но зрят и в грядущее. Через несколько лет тем автомобилистам, которые захотят за три-четыре часа домчаться из Санкт-Петербурга до Хельсинки, придется платить за скорость и комфорт. Популярная дорога Е-18 между этими городами станет не только сверхскоростной, уверяет ИТАР—ТАСС, но и платной. Преобразить ее решили российские и финские предприниматели. Что ж, туда им, как говорится, и дорога.

Продолжая селекцию фактов «за здравие», не премину отметить, что бизнесмены не Герцен. Про них не скажешь, что они страшно далеки от народа. Скажем, малое предприятие «Омега» организовало все в том же Санкт-Петербурге специализированную выставку «Охрана и безопасность—93». Краткий перечень ее разделов потрясает своей жизненной необходимостью: «Средства противодействия промышленному шпионажу», «Охрана общественного порядка и частной собственности граждан», «Автомашин-

ны для перевозки ценных грузов» и т.д. Наибольшим интересом у посетителей, как вы уже догадались, пользуются образцы технических систем и приборов, обеспечивающих безопасность автомобилей на стоянках.

А в далекой Ингушетии вам помогут не сохранить добро, а избавиться от того, что ислам считает лишним у мужчины. Всего за 5 тысяч рублей вам в бытовых условиях произведут обрезание. Для того чтобы платная ритуальная услуга оказывалась в точном соответствии с шариатом, министр здравоохранения распорядился направлять хирургов, назначенных для производства таких операций, к местным имамам для обмена опытом.

Народ, действительно, не проведешь. Он разбирается, что к чему. Произведя несложные филологические исследования, жители Перми пришли к выводу, что слова «град» и «ограда» вроде бы однокоренные. Может быть, поэтому работники объединения имени Кирова списанные трубы-стволы для установок «Град» стали использовать для строительства заборов на садовых участках. Узнавшее про это агентство ЕАН уверяет, что нет лучшей защиты от налетчиков.

Народная интеллигенция тоже стремится не ударить в грязь лицом. Департамент сельского хозяйства Чили решил закупить нижегородскую облепиху. Две тысячи саженцев, в том числе сортов «Приокская» и «Нижегородская сладкая», отправятся на родину Пиночета, чтобы по-

мочь оздоровить чилийскую экономику и самих чилийцев. Нет, не зря едят свой хлеб в Нижегородском сельскохозяйственном институте. Как, впрочем, и в ростовском институте «Теплопроект». Там, сообщает «Постфактум», разработали проект солнечных электростанций, не имеющих аналогов в СНГ. Теперь дело за ясной погодой. А то будет лить дождь, как нынешним летом.

Теперь — «за упокой». Тяжелые времена переживают, оказывается, не только пенсионеры, но и карточные шулеры. Один из них, недавно задержанный за бандитизм и хулиганство, пожаловался правоохранительным органам на невыносимость бытия. Промышляя карточной игрой (очко, бура, сека и др.) и не занимаясь никакой другой деятельностью, он в последние месяцы был вынужден изменить род занятий, так как клиентов стало невозможно найти. Богатые предпочитают казино, а бедные думают о хлебе, да и что с них взять.

Компанию шулеру, который не назвал корреспонденту «Постфактума» свою фамилию, составят люди должностные. Их фамилии агентство не скрывает. Изобличен во взяточничестве заместитель супрефекта управления муниципальным московским округом «Преображенское» А. Королев — брал мзду с директора ТОО «Веор» А. Латкина за продление договора аренды помещения. Изобличен в совершении аналогичного преступления декан вечернего отделения факультета Московского стоматологического института им. Семашко В. Литвинчук, который получил взятку в 150 долларов от студентки, хотевшей пройти повторный курс обучения. 71 правонарушение в сфере экономики выявили областные и столичные милиционеры только за одну неделю. И пусть тем, кто честно жить не хочет, будет плохо.

Закончу все же на браваурной ноте. В Иваново, городе невест, прошел праздник предпринимателей, который почтил своим присутствием сам Константин Боровой. Обо всяких праздниках слыхивали. Но этот...

Александр АГОПОВ

НЕСБЫТОЧНАЯ МЕЧТА ДОМОХОЗЯЙКИ

Как известно, почти каждая из них в свое время мечтала управлять государством. И смутная уверенность, что любой и любая (или любой) могут дать совет на какую угодно тему, так и осталась в психологии бесчисленного количества советских людей.

Теперь у них появляются новые соблазны, о чем свидетельствует выставка «Информатика — 93», проведенная Комитетом информатизации России совместно с АО «Экспоцентр». В начале экспозиции посетителя сразу встречает компьютер с сенсорным дисплеем Украинского компьютерного клуба, который не требует от пользователя даже знания клавиатуры. Стоит коснуться любого квадрата с картинкой на дисплее ноготком — и моментально выскакивает расширенная информация по интересующему вопросу. Хочешь — путеводитель по выставке, хочешь — «живая» карта города. Чего еще изволите?

Есть здесь компьютеры и для ленивцев, не желающих изучать иностранные языки. Компьютерный словарь срабатывает за вас. Возможны включения в компьютерную библиотечную систему и многое другое. Пользуйся на здоровье, особых знаний не нужно. Экономь время, если, конечно, деньги лишние есть. Можно тогда и бесплатные советы окружающим раздавать, слывя человеком знающим.

Между тем в российском госкомитете информатизации считают, что экономический прогресс в США до недавнего времени на четверть достигался за счет информатизационного развития. И мечтают в этом госкомитете о том, чтобы всю сеть управленческих структур по-

крыть сетью компьютерно-информационной. А то сейчас кое-где у нас порой накапливается излишний информационно-научно-технический потенциал, выпадающий из сферы внимания государственных управленческих структур.

Хотя упомянутый госкомитет информатизации в своей программе намерен поддерживать средний и малый бизнес и ориентируется на создание локальных сетей с последующим их подключением к глобальным, поскольку необходимо уравновешивать конкуренцию, возможную монополизацию и в то же время не душить перспективных одиночек на широких просторах России, приходится признать, что задача эта не из простых.

Марина МУЛИНА

ЗАПАДНЫЕ СЛАДОСТИ

Отечественный рынок все чаще оборачивается «лицом к потребителю». Вот и на этот раз — на ВВЦ демонстрировали не «станки и технологии», а самые что ни на есть продукты. Съестные. Выставка называлась «Intersweets—93», что в переводе значит «Международные сладости». «Марсов», «Баунти» и «Сникерсов» не было — демонстрировался только приличный товар. Среди участников выставки — фирма «Fergero», производитель знаменитой шоколадной пасты «Nutella», фирма «Fruitella» (чудесная жвачка и карамель), фабрика «Red October», проща говоря — «Красный октябрь».

Но большинство участников были представлены готовым товаром — шоколадными конфетами, печеньем, жевательной резинкой. На этом фоне резко

выделялась фирма «Loders Croklaan», которая «выбросила» на российский рынок что называется «первоисточник». Голландские кондитеры предлагают заменить какао-масло более дешевым продуктом — кондитерскими жирами растительного происхождения. В случае разумного использования резервов этих самых жиров стоимость конечного продукта можно снизить примерно на тридцать-сорок процентов.

Справедливости ради заметим, что нынешняя выставка — отнюдь не первая «вылазка» «Loders Croklaan» в Россию. Более двадцати лет фирма поддерживала дружеские (и не только) отношения с объединением «Союзплодмпорт». В результате «коренной перестройки экономики страны» от него остались только рожки да ножки, поэтому приходится крутиться самим. По словам коммерческого директора «Loders Croklaan» господина Ханса Ван Ри, продукция фирмы пользуется большим спросом в России. Впрочем, это видно и невооруженным глазом — к стенду «голландцев» выстроилась целая очередь. Некоторые, впрочем, хотели только «продегустировать».

На вопрос о том, какая кондитерская фабрика в Москве ему нравится больше, господин Ри отвечает отказался: «Все они — мои партнеры». Но вот львовскую фабрику «Светоч» очень хвалил. Конечно, если не брать в расчет упаковку». «Вообще же, — сказал господин Ри, — я не перестаю восхищаться мужеством российских кондитеров. Несмотря на экономический спад, продолжают закупать самое высококачественное, самое дорогое сырье».

Эдуард ДОРОЖКИН

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

КАК ВОЙНА ПО ГУРМАНАМ УДАРИЛА

Казалось бы, какая связь между войной в бывшей Югославии, французскими гурманами и марокканской экономикой? И все-таки она есть. Французы питают к улиткам, как известно, далеко не платоническую любовь. А главными поставщиками этого лакомства до недавнего времени были, в частности, Босния и Герцеговина. Улитки — мирные и аполитичные существа, в условиях войны они теряют аппетит к жизни и перестают плодиться. Гурманы мира западничили. Сигналы о помощи были подхвачены в Марокко. На днях в Рабате состоялась международная конференция улитководов и улитководов, сообщает Би-би-си. Некоторые марокканские специалисты-фермеры сообщили, что план по снижению гурманов во всем мире выполнен и перевыполнен.

«ХАЛЯВА» ДЛЯ КУРИЛЬЩИКОВ

Английская фирма, производящая сигареты «555», решила компенсировать курильщикам материальный и физический ущерб. Она организовала для российских курильщиков беспроигрышную лотерею. Чтобы принять в ней участие, не нужно платить деньги. Достаточно собрать не менее пяти лицевых сторон пачек сигарет упомянутой марки. Выполнив это условие, можно смело идти в пункты приема новой лотерейной валюты, сообщает «Постфактум». За 20 пачек вам причитается бейсбольная кепка, за 10 — солнечный фильтр на лобовое стекло автомобиля, за 5 — брелок для ключей. Вот только стоят «555» недорого — от 800 до 1000 рублей. И тем не менее в среднем ежедневно в каждый пункт приема сдается по 150—200 пустых пачек.

ВЫГОДНО И ВЫПУСКАТЬ, И ВОРОВАТЬ

Производство переносных телефонов является одним из самых прибыльных в Великобритании, а воровство этих аппаратов, в основном из машин, также стало выгодным бизнесом, но уже в преступном мире. В Британии 1,5 миллиона владельцев переносных телефонов, а в месяц похищается 10 тысяч аппаратов. Преступники проникают внутрь нехитрым способом — разбив окно машины. Иногда дело доходит до прямого нападения — вас лишают телефона во время разговора. Кража таких аппаратов — очень прибыльный бизнес, сообщает Би-би-си. Если преступнику удастся продать только десять телефонных аппаратов, то чистая прибыль — 2 тысячи фунтов. Есть из-за чего рисковать.

ВНИМАНИЕ!

В районе кинотеатра «Байкал» оставлены в машине документы:

два паспорта, доверенность, техпаспорт и др.

Убедительная просьба вернуть.

Тел.: 285-01-79, 954-55-36.

Было, было время, когда бензин у нас стоил — вопреки законам экономики и природы — немногим дороже водопроводной воды, а словосочетание «мировые цены» звучало почти ругательно. У них — «мировые», а у нас — «общедоступные». Правда, цен у нас было несколько: совсем бросовая для гостранспорта, по талонам с печатью, повыше — для «частников» за рубли и «договорная», по которой водители государственных машин сливали бензинчик тем же «частникам» — эта цена держалась где-то посередине между первыми двумя. С общедоступностью тоже возникали проблемы, бензин

исчезал то в одном, то в другом регионе, несмотря на лимитирование и прочий административный волюнтаризм. (Впрочем, подобное происходит и сегодня.) Командовал бензиновым хозяйством страны союзный Госкомнефтепродукт, затем в силу известных исторических катаклизмов главным распределителем и координатором стал «Роснефтепродукт», потом входившие в него региональные объединения приобрели значительную самостоятельность, то есть им дали право самим выбираться из стихий перехода к рынку, чехарды цен и хронической неплатежеспособности

потребителей. Главная задача сейчас, пожалуй, — удержать расползающиеся связи. В том числе и связи финансовые. О том, что происходит в отрасли, рассказывают председатель правления коммерческого банка «Нефтепродукт» Юрий ДАНИЛОВ, а также начальник главного экономического управления концерна «Роснефть» Нина СМАГИНА; член Совета банка «Нефтепродукт» генеральный директор объединения «Нижегороднефтепродукт» Фарид ВАГАПОВ и генеральный директор объединения «Псковнефтепродукт» Владимир ИСАКОВ.

ПЛАТИТЬ НИКТО НЕ ЛЮБИТ, ДАЖЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Завести свой «нефтепродуктовый» банк было решено три с небольшим года назад. Почему именно тогда, а не годом раньше или позже?

Ю.Данилов: Потому что как раз в то время в отрасли было введено лимитирование ресурсов по регионам — чисто волюнтаристское решение Госбанка СССР. Скажем, в Красноярском крае появились свободные ресурсы, а в Иркутске средств не хватает, но перебросить их из одного региона в другой было нельзя. Чтобы преодолеть этот барьер, мы решили создать свой банк. И в дальнейшем это помогло сохранить уникальную отраслевую структуру, даже при всей нынешней самостоятельности наших объединений. Все они (их 74 по России) стали учредителями банка, а вместе с ними — восемь предприятий трубопроводного транспорта, несколько заводов и коммерческих структур. Сегодня мы даем им льготные кредиты, можем поддержать тех, кто оказался в трудном положении, расширяем инвестиции в отрасль.

— А это не попытка возродить былой монополизм Госкомнефтепродукта?

Ю.Данилов: Но система и так осталась единственной в сфере сбыта нефтепродуктов. Никто, кроме нее, не обладает базами для хранения продукции, сбытовой сетью и т.д. И возникающие малые предприятия, посреднические фирмы и даже такие крупные структуры, как «Гермес», все равно приходят в объединения, просят разместить их нефтепродукты на наших базах или воспользоваться нашими АЗС для продажи свое-

НАДЕЖНОЕ ДЕЛО

го бензина. Ничего другого пока нет.

В.Исаков: Многие региональные объединения отрасли сейчас оказались в разных структурах. «Псковнефтепродукт», например, вошел в компанию «Сургутнефтегаз» вместе с нефтедобытчиками и переработчиками шести регионов. А отраслевой коммерческий банк позволяет нам, бытовикам, снова объединиться на новой основе. Какие у нас раньше были проблемы? Ресурсы, цистерны, что-то еще в этом роде. Сегодня главное — деньги, кредиты. И защитить нас перед Центробанком и Минфином некому, хотя 70% наших издержек связаны именно с расчетами за кредиты.

Ф.Вагапов: У нас в Нижнем Новгороде работает один из двух филиалов банка «Нефтепродукт» (второй действует на Камчатке), а надо иметь их по всей России, хотя бы межрегиональные. Тогда можно было бы заметно облегчить проблемы с расчетами, вообще с финансами в отрасли.

Ю.Данилов: Мы давно этого добиваемся, но местные власти сопротивляются изо всех сил: боятся, что деньги из их регионов «уплывут» в Москву. Они не имеют никакого права препятствовать открытию наших филиалов, однако Центробанк России и не думает следить за соблюдением закона, хотя это его прямая обязанность. И наши объединения часто оказываются в роли заложников. Им, допустим, говорят: везите побольше бензина, топлива, а пройдет уборочная, продадим урожай и расплатимся с вами.

— Расплачиваются?

Н.Смагина: За восемь месяцев этого года потребители задолжали не-

фтеперерабатывающим заводам 280 млрд рублей, дебиторская задолженность составила 250 млрд, причем половина приходится на долги грузополучателей грузоотправителям — то, что называется внутрисистемной задолженностью.

Странно все-таки бредем мы к рынку. Все всем должны, а ничего, живем. И в долгах, и в шелках. Впрочем, в последнее время Минфин и вообще правительство ежедневно и еже часно рассказывают о грядущей финансовой стабилизации, страшном ужесточении кредитной политики и точат нож гильотины для злостных должников. Интересно при этом — положит ли само правительство голову на плаху? Ведь только поставщикам нефтепродуктов оно задолжало 221 млрд рублей, которые отрасль потеряла после двух весенних указов президента. Помните? Когда цены на бензин дернулись круто вверх, аккурат перед апрельским референдумом, Борис Ельцин этими указами вернул их на место, на мартовский уровень. При этом, естественно, предполагалось, что правительство компенсирует понесенные потери.

Н.Смагина: Единственное, чего мы добились с тех пор от Минфина, — «промежуточное решение» о компенсации в размере 53 млрд рублей. Причем деньги получают не все объединения, а только те, у которых прибыль не превышает 5% рентабельности.

— Не густо. А скоро новые выборы, и вполне вероятно, что власти предпримут очередные популистские жесты, ну, скажем, опять «придержат» цены на бензин. Возможно такое?

Ю.Данилов: Думаю, что-то в этом роде будет. Но за политическими шагами должны следовать экономические. Если вы сказали, что будете компенсировать потери, — компенсируйте. Когда мы месяцами ходим в Совмин и вымаливаем СВОИ деньги, это ненормально. Такая же история приключилась с компенсацией, положенной банку «Нефтепродукт» за льготное кредитование поставок на Крайний Север. Правительство задолжало нам примерно 13 млрд рублей — за четвертый квартал прошлого года и за три квартала этого. Мы регулярно посещаем Минфин, там нам очень сочувствуют, по крайней мере на словах, но ссылаются на дыры в бюджете. А мы коммерческий банк, мы не должны нести убытки из-за необязательности правительства. И речь ведь идет не о чем-нибудь третьестепенном — о снабжении нефтепродуктами районов Крайнего Севера!

«ОЛЕНЯ ЛУЧШЕ», НО БЕЗ БЕНЗИНА НЕ ОБОЙТИСЬ

Поставки на Крайний Север всего необходимого для более-менее нормальной жизни всегда были делом хлопотным, а сегодня — особенно. От проблем предзимнего завоза (или, как говорят профессионалы, завоза) болит голова у многих организаций. И легко представить, что будет с северянами, если, скажем, бензина и мазута не хватит до весны.

Н.Смагина: На первый взгляд «Роснефть» получает немалые централизованные кредиты на поставку нефтепродуктов в северные регионы. В июне нам выделили 83 млрд рублей, в июле — 200 млрд, в октябре должны еще получить. Но при нынешнем росте цен нужно все больше и больше...

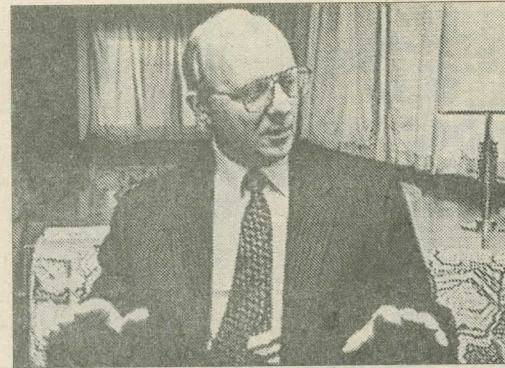
Ю.Данилов: Дело еще в том, как эти кредиты используются. Деньги передаются Центробанком на места, а там, по нашему анализу, только половина средств идет по назначению, остальное тратится на что угодно. Мы предлагали ЦБ проводить «нефтяные» кредиты через наш банк, поскольку мы работаем напрямую со своими объединениями и можем гарантировать, что каждый рубль пойдет именно туда, куда предназначен. Мы разработали механизм, при котором, как только начинается отгрузка нефтепродуктов, поставщик сразу будет получать от нас деньги. Ни задолженностей, ни стрессов, ни ажиотажа. А Центробанк упирается, продолжает все проводить через регионы. И теряются большие средства.

— Поэтому вы вынуждены подключать свои кредиты?

Ю.Данилов: Конечно, это дело крайне невыгодное, нерентабельное, кому охота рисковать? Но мы специализированный банк, должны поддерживать отрасль. И мы знаем ситуацию, в которой оказались объединения на Севере, понимаем, из-за чего они задерживают погашение кредитов, даже при том, что наши кредиты — льготные, всего по 10%. (ЦБ, между прочим, с нас берет 80% и снимает их автоматом, 25-го числа каждого месяца. А 70% лежит на нашем банке, отсюда и набегают суммы компенсаций, которые нам никак не отдадут.) Да, на Крайнем Севере мы работаем себе в убыток, но не потому, что такие вот филантропы. Кто-то же должен взять это на себя.

БЕНЗИН НЫНЧЕ ДОРОГ...

А будет еще дороже, кто сомневается? Цены растут, под общие вздохи и стоны, однако поставщики и продавцы дорожающего бензина, как вы

Председатель правления банка «Нефтепродукт» Ю.Я. Данилов

заметили, тоже вздыхают и жалуются на убытки. Может, лукавят, деньги-то огромные все-таки через их руки проходят?

В.Исаков: Все говорят, что это мы поднимаем цены на бензин. Мол, вам позволена снабженческо-сбытовая надбавка в 35% к первоначальной цене, вот вы и взвинчиваете... А что такое эта надбавка? Мы из этих денег должны рассчитаться за полученные кредиты, за транспортировку, уплатить НДС, дорожный налог и прочее, и прочее.

Н.Смагина: Надбавку нам установили с 1 апреля, но с тех пор многократно возросли цены на железнодорожные и морские перевозки, ставки по кредитам. Покрыть их уже невозможно. Поэтому «Роснефть» ведет переговоры с Госкомцен России об увеличении размеров надбавки. Еще мы хотим изменить систему франкирования (это слово означает всего лишь уплату вперед за пересылку, доставку товара. — В.С.), чтобы транспортные расходы переложить на потребителя. Иначе не выберемся.

— Что ждет потребителя? Стоимость сырой нефти, и, следовательно, бензина, будет расти, вам разрешат повысить надбавку... И мы наконец догоним мировые цены?

Ю.Данилов: А я, например, не сторонник того, чтобы у нас цена на бензин была на уровне мировой.

— Странно это слышать от человека на таком месте. Почему вы так считаете?

Ю.Данилов: Потому что мировая цена формируется мировым уровнем технологии добычи нефти, ее переработки, транспортировки, сбыта. Если этого нет — а у нас этого нет, — то и не надо спешить к мировым ценам. Но, думаю, мы все равно к ним придем. До конца года, видимо, стоимость бензина возрастет процентов на 50—60. А может, и больше, все зависит от общего уровня инфляции.

— Но, смотрите, даже при сегодняшней высокой стоимости бензина он, например, в Москве периодически куда-то пропадает, и на заправках (если есть чем заправлять) выстраиваются многочасовые очереди.

Ю.Данилов: А причина простая: московское правительство взяло на себя регламентирование цен на бензин. Хотя даже по указу президента их должны определять три стороны — производитель, поставщик и потребитель. Тогда это реальная цена. А если столичные власти держат ее на уровне более низком, чем там, откуда поставляют бензин (к примеру, в Рязани, Ярославле, Нижнем Новгороде), то же будет его сюда давать?

— Вот мы все время с вами говорим об убытках, компенсациях и тому подобном. Но ведь во всем мире нефтяной бизнес — дело прибыльное!

Ю.Данилов: Да, одно из самых прибыльных. Но, например, автозаправочные станции сами по себе прибыли не дают. Они ее имеют на комплексе услуг, когда при АЗС есть и автосервис, и ресторанчик или, по крайней мере, бар, и торговля. А что у нас?

АЗС КАК ЗЕРКАЛО ЦИВИЛИЗАЦИИ

Действительно, что у нас? Вечно ломающиеся колонки с нервными стрелочными счетчиками; текущие заправочные пистолеты, что норовят плеснуть горючее куда угодно, только не в бензобаки; изъеденные колдобинами подъездные пути, лужи в бензиновых разводах и хмурые дамы в окошке, которые, кстати, никогда не согласятся с уверением Юрия Данилова, что сама по себе продажа бензина — дело неприбыльное. Продавать надо уметь, чтобы прибыль была, скажут они. И будут по-своему правы.

(Между прочим, на необъятных российских просторах сегодня имеется всего лишь около 9000 АЗС. Это не

просто мало — это катастрофически мало.)

Первой серьезной попыткой цивилизовать работу автозаправочных станций стало введение на некоторых из них систем отпуска бензина по специальным магнитным карточкам, что, естественно, влечет за собой модернизацию АЗС. Пионером в этом деле был Нижний Новгород.

Ф.Вагапов: Кредитная система удобна всем. Водителям не надо возить с собой крупные суммы денег, на автопредприятиях упрощается отчетность по расходам на бензин, для работников АЗС снимаются вопросы безопасности, инкассации и т.п. Наконец, есть возможность обеспечить сохранность бензина. Мы разработали компьютерную систему контроля за количеством налитого в бензовоз горючего. Если в дороге водитель решит с кем-нибудь «поделиться» своим грузом, бортовой компьютер это засечет и потом на АЗС, оборудованной для работы с магнитными карточками, все «расскажет».

— И что дальше?

Ф.Вагапов: А дальше водитель будет ждать, пока представитель предприятия, которому принадлежит бензовоз, и работники АЗС не разберутся, куда делся бензин. И только после возмещения ущерба станция примет у него остальное топливо.

— Сколько заправок и где уже работают с кредитными карточками?

Ф.Вагапов: Пока они есть у нас в Нижнем Новгороде (только в сентябре мы отпустили по таким карточкам свыше четырех тысяч тонн нефтепродуктов на 585 млн рублей), появляются в Москве.

Ю.Данилов: А надо переводить на эту систему все российские автозаправки. Наш банк собирается инвестировать большие средства в «компьютеризацию» АЗС. Мы покупаем оборудование во Франции и будем для начала устанавливать его на подмосковных заправках в Серпухове, Воскресенске, а потом в других регионах России.

— Вы собираетесь сделать эти АЗС собственностью банка?

Ю.Данилов: Не совсем так. Конечно, мы могли бы купить в собственность значительную часть действующих АЗС, тем более что они и без того в нашей системе. Как, к слову, могли бы выкупить нефтебазы, другие объекты. Но, на наш взгляд, сейчас не это нужно. Что толку, если несчастные 9000 российских АЗС перейдут из одних рук в другие? Больше их от этого не станет. Мы считаем, что прежде всего надо вкладывать деньги в расширение заправочной сети, в производство нового оборудования. Поэтому банк, например, не

стал бороться за приватизацию московских АЗС. Мы говорим властям: дайте нам землю, мы построим современные станции с тем набором услуг, который есть на Западе.

НЕФТЕПРОДУКТОВ В РОССИИ ХВАТАЕТ

Вернемся, однако, к нижегородскому проекту компьютерного контроля за жуликоватыми водителями бензовозов. Заманчивая идея. Но, помнится, много лет назад решено было снабдить все грузовики тахометрами, чтобы по их показателям, в частности, определять, не сворачивал ли шофер «налево», не спал ли в рабочее время и т.д. Но очень быстро автоматические надсмотрщики с грузовиков исчезли: во-первых, оказалось, что наш сметливый человек сможет найти подход к любому «секретному» механизму, а главное — никто, от водителя до автомобильного начальства, не был заинтересован в таком присмотре.

— Не постигнет ли та же участь дорогостоящие «бортовые компьютеры», если даже и войдут они в широкую практику? Искушение-то останется, пока бензин будет дефицитен. А он периодически пропадает не только в Москве, о чем была речь, но и в иных краях и всяех России. Поэтому естественно спросить: а хватает ли вообще в стране бензина?

Ю.Данилова: Я думаю, что вполне хватает, тем более что заметно упал сбыт. Раньше наш комплекс был настроен на поставку нефтепродуктов во все республики СССР. Теперь в ближнее зарубежье так просто их не отправишь, все жестко регламентировано. И объем добычи нефти падает примерно на 20 млн тонн из-за того, что нет возможности ее переработать и сбыть, как прежде. А для России имеющихся нефтепродуктов, в принципе, достаточно.

— Куда ж они в таком случае деваются? Почему пустуют колонки АЗС?

Ю.Данилов: Когда-то причина была в централизованном распределении, сейчас проблема в том, что производители вовремя не реагируют на изменения рынка. Не научились еще. Надеюсь, скоро научатся.

— То есть вы, несмотря ни на что, относитесь к своему бизнесу с оптимизмом?

Ю.Данилов: С абсолютным оптимизмом. У нашей отрасли, мне кажется, блестящие перспективы. И вообще, нет более надежного дела, чем наше.

Владислав СТАРЧЕВСКИЙ

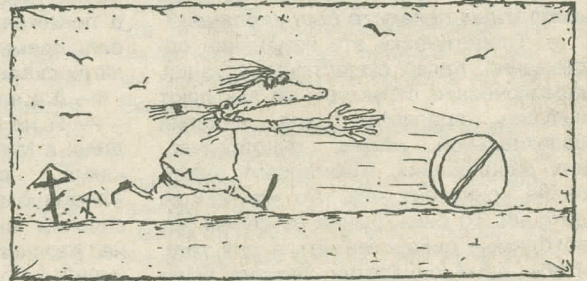
Мне иногда кажется, что виноватых у нас нет. Поскольку, когда переходишь на личности, выясняется: тот, кто несет ответственность, всегда старается, но ему обязательно мешают. А мешающим в свою очередь мешают другие. И так, по цепочке, замыкается круг. О плачевном состоянии российского лекарственного рынка «Столица» уже писала в № 33 за 1993 год. Виновника за пределами высоких цен на лекарства тогда указал Минздрав: бывшее «Главпатекоуправление», ставшее коммерческой фирмой «Фармимэкс». Очень хочется, чтобы картина получилась как можно более объективной, а потому «Столица» предоставляет слово самому «виновнику», активному участнику лекарственного рынка, руководителю государственного, как оказалось, предприятия «Фармацевтический импорт-экспорт» («Фармимэкс») Александру АПАЗОВУ.

- Александр Дмитриевич, какие структуры в России с наступлением рыночных отношений занимаются снабжением нашего больного населения импортными лекарствами?

— В Минздраве создано Управление по обеспечению лекарственными средствами и медицинской техникой, которое координирует эту работу. По указу президента генеральный заказчик и есть сам Минздрав. Но по сложившейся за многие годы схеме основные закупки ведет наша организация. Мы как бы являемся генеральным подрядчиком. Цифры говорят за себя, точнее, за нас. За восемь месяцев текущего года по государственной линии в Россию поступило лекарственных средств на сумму 250 миллионов долларов. Из них основная часть — на наши базы, и где-то на 10—15 миллионов долларов — в другие структуры. Однако Минздрав прикладывает все усилия к тому, чтобы не привлекать нашу организацию к делу. Никакой нашей вины в этом «бойкоте» я не вижу. Также не вижу, кто еще в стране обладает такой материальной и информационной ба-

Александр АПАЗОВ:

«ЕСЛИ Б
НЕ МЫ —

МИНИСТРА БЫ РАЗОРВАЛИ...»

зой, чтобы полностью нас заменить. Недаром именно «Фармимэкс» выиграл в прошлом году тендер по Всемирному банку.

— У кого выиграл?

— Министерство внешнеэкономических связей объявило конкурс с целью выявить оптимального посредника для закупки лекарств по кредиту Всемирного банка. Мы опередили даже такую опытную фирму, как «Медэкспорт», хотя по другим кредитам — еэсовскому, гермесовскому — мы с ней партнеры, а не конкуренты. По моему же мнению, госзаказ вообще должен находиться в одних руках...

— Он вроде там и находится — у Минздрава...

— Да, формально... Мы ни одно решение, связанное с госзаказом, не принимаем без подписи министра. Номенклатуру лекарств, цены согласовываем с Минздравом. Но исполнители-то — мы.

— А чем ваши цены отличаются от коммерческих?

— Когда идет сделка по государственной линии, валюта выкупается не по коммерческому курсу рубля к доллару, а по фиксированному. До июля мы платили за доллар 20 процентов от коммерческого курса, с июля по октябрь — 50 процентов, сейчас будем 70. То есть в рублевом выражении наши закупочные цены гораздо ниже коммерческих. Наценка же по этим контрактам составляет лишь 0,2 процента. Кроме того, мы просто можем купить дешевле! У нас на каждый препарат, который мы собираемся приобрести, имеется до 20—30 предложений от разных зарубежных фирм. Не далее как вчера проходили переговоры о закупке хирургических перчаток. Фирма нам ставит цену — 13,5 цента. Я говорю: «Коллеги, я вас

глубоко уважаю, но у нас есть вариант — 11 центов за пару». Они тут же дают согласие сбавить цену... Мы завоевали право торговаться...

— А почему вообще нужны государственные дотации на лекарства, если во всем наступает «свободный рынок»?

— Назову несколько цифр, и вы поймете. В 1991 году реализация лекарств составила 4,6 миллиарда рублей. Оборотных средств, которыми располагала аптечная система, было 1,7 миллиарда. Правда, банк тогда давал нам кредиты — сколько пожелаешь, и всего под 2—3 процента. Проценты эти закладывались в цену и по своей малости на нее не влияли. В 1992 году оборот достиг 31 миллиарда рублей. Нам удалось добиться увеличения оборотных средств до 10 миллиардов. Но процент кредита уже вырос до 40—50. По нашим оценкам, в 1993 году лекарств должно быть продано на 300 миллиардов рублей. Но средств сейчас имеется всего 15 миллиардов! Такой суммой сделать нужный оборот немислимо. Мы берем громадные кредиты, за счет них и прокручиваем сделки. Некоторые фирмы дают товар в рассрочку. Болгария, к примеру, на год поставила лекарств на 42 миллиона долларов.

Парадокс в том, что отношения мы строим коммерческие, но занимаемся не бизнесом, а снабжением. Аптечная система вся в долгах! По логике бизнеса я должен получить на базу лекарства, потом дожидаться, пока Магадан, к примеру, мне за них заплатит, и лишь потом отослать партию. Но я не жду. Я отправляю сразу. Нам известна объективная потребность каждой территории в каждом виде лекарств. Не мы распределяем «дать или не дать» — распределяет ЭВМ. А потом бьемся, чтобы оплати-

ли и можно было бы выкупить валюту для новых поставок...

— А почему прежний дотационный коэффициент 0,2 при закупке импортных лекарств был увеличен?

— Теоретически это изменение оправданно. Когда существует дотация, коммерческие структуры не покупают инсулин, препараты для лечения бронхиальной астмы, онкологических заболеваний. Коммерсант знает: он не конкурент тем, кто «сидит» на дотации. То бишь рынка на самые необходимые лекарства нет, а для того, чтобы сами лекарства сегодня были в наличии, без рынка не обойтись. Однако... знаете ли вы, сколько, скажем, стоит препарат, используемый при пересадке почек? — 5 миллионов рублей на одного больного. Соизмеримых примеров — десятки. Больной сам купить лекарство не может, а государству это делать невыгодно. Сталкиваются две стороны одного вопроса: экономическая и социальная...

— Судя по преискурантам в аптеках, социальная сильно уступает...

— Вот и министр здравоохранения приблизительно так же думает. Заявляет, будто у нас цены на лекарства выше, чем за рубежом. Речь непрофессионала. Препараты на нашем рынке в несколько раз дешевле! Один флакон клофлорана, к примеру, стоит на Западе 19 долларов. Мы покупаем за 2,2 доллара плюс 50-процентная надбавка — и готовая цена 3,3 доллара. Есть разница?

— В Минздраве мне говорили, будто вашей фирме, монополисту на рынке, выгодно покупать лекарства как можно дороже...

— А вы взгляните на динамику цен по нашим контрактам, получите ответ. Тот же клофлоран в прошлом году мы приобретали за 2,7 доллара, а за год сбросили цену на 50 центов. Да если я куплю его в 10 раз дороже, я же никогда его не продам. Лучше я реализую 20 дешевых флаконов, чем один дорогой. Закон бизнеса: главное — результат... А он у нас наглядный. Зато министр здравоохранения, обратите внимание, всегда выступает в будущем времени: «...мы сделаем, мы будем». Девять месяцев на посту — и все еще рассуждает только о том, что впереди. Что ж, кому — слова, кому — дела. После октябрьских событий министр заявил: «Все прекрасно, больницы лекарствами обеспечены». Только забыл добавить, что сделала это наша организация. Мы уже в четыре утра 4 октября отправили в «Склиф» первую партию кровезаменителей и перевязочных средств. И в понедельник провели еще три отправки.

— Почему же ваша фирма в такой немилости у министра?

— Причина ясна. Я написал три докладных на имя Черномырдина, после того как Нечаев в течение семи месяцев не отвечал ни на одно мое письмо о положении с лекарствами. Я написал премьер-министру: «Катастрофа, люди скоро будут умирать...»

— А в чем катастрофа?

— Я не могу без Минздрава вести дела, а Минздрав не подписывает никаких документов, касающихся «Фармимэкса». Вы знаете, что по египетским кредитам Беларусь, Украина, Казахстан лекарства давно получили? А Россия — ни упаковки. Потому что Нечаев пытается забрать у нашей фирмы этот контракт. Нельзя ставить жизнь людей в зависимости от отношения Нечаева к Апазову! Инсулина в стране нет — трагедия зреет, а в контракте заложено 10 миллионов флаконов инсулина, наша полугодовая потребность. Получим товар — и до середины 1994 года можно дышать спокойно. Но министр не пропускает лекарства: якобы мы завысили цены.

По Индии есть кредит 100 миллионов долларов — никто не заключил контракт, никто никому не дал поручения. Мы проработали контракт с Индонезией, успели подписать с Нечаева номенклатуру, но он переправил этот заказ «Фарммединторгу» — нашему партнеру. Контракт они заключили, а теперь нужен генеральный подрядчик, который может предоставить базы, рублевое финансирование. Но министр не называет подрядчика, потому что назвать он может только нас. И молчит два месяца. Руководство «Фарммединторга» рыдает: уже идет штраф — 500 долларов в день, лекарства готовы, лежат в порту, и фирмы несут убытки. Где логика?

— Логика, кажется, нет и в доведенных до аптеки контрактах. Почему на разных прилавках такие разные цены?

— Нормальное явление. Положим, упаковка но-шпы по госзакупке обходится в 1,5 доллара. Доллар мы выкупили по 200 рублей. То есть но-шпа для нас стоила 300 рублей. Плюс 50 процентов торговой надбавки, итого 450 рублей. Дороже такой цены наша база это лекарство не отпускала. Коммерсант вряд ли сумеет приобрести за рубежом но-шпу дешевле, чем за два доллара. Валюту он купит, скажем, за тысячу рублей доллар. Опять прибавляем 50 процентов. Итак: три тысячи рублей — минимальная коммерческая цена но-шпы.

— Но по такой и более высокой цене мы и видим ее в аптеках. Где же ваша, 450-рублевая?

— В первом полугодии мы получили но-шпы 470 тысяч упаковок. У нас 16 тысяч аптек...

— А почему вы закупили так мало?

— Денег никто не давал... А «коммерческой» но-шпы — два миллиона упаковок. «Наша», вероятно, даже в продажу не поступила: разошлась по лечебным учреждениям, по «знакомым» врачам, по родне заведующих аптеками...

— Что должно произойти в государстве, дабы этой «некоммерческой» но-шпы было больше?

— Министр здравоохранения должен работать! А то на днях звонит мне замминистра экономики, ведающий валютой, говорит: «Приди, пожалуйста, я пригласил начальника Управления по обеспечению лекарствами Минздрава Соповского, надо разобраться, что делать: вы валюту не выбираете...»

— То есть деньги есть, их просто некому взять?

— Конечно! Я же рассказывал об индонезийских 200 миллионах долларов — лежат! Пытаемся в обход министра закрывать бреши. Так, по личному разрешению Шохина, заплатили за одну зарубежную фирму долг 10 миллионов долларов, а она нам бесплатно дала на 2,5 миллиона инсулина. Если бы не эта сделка — конец! Да если бы наша фирма не «крутилась», министр бы уже просто не работал — его разорвали бы! Он делает все, чтобы рынок процветал в самом худшем смысле слова. Он прикрыл все госпоставки! И загубил всю аптечную службу!

— Но Минздрав готовит проект перечня лекарственных средств, которые государство будет гарантировать населению. Лично я видела вариант из 40 наименований...

— Недавно я читал подобный список Всемирной организации здравоохранения для слаборазвитых стран, где медицина базируется на среднем медработнике. В 1991 году этот список состоял из 280 наименований. Последний перечень — 316. Мы же свое здравоохранение держим на громадном количестве врачей, кандидатов наук, профессоров, академиков. И говорить, что нам достаточно 40 гарантированных препаратов, может лишь человек, не имеющий отношения к здоровью людей. Только инсулинов необходимо — 10—20 наименований.

— Все же, катастрофично положение на рынке лекарств или нет?

— Оно будет таковым по отдельным видам лекарств. 70 процентов препаратов отпущены на откуп регионам. 30 процентов осталось за Минздравом. Из этих 30 мы десять процентов как-то прикрываем. Но на две трети — пустота, а там онкология, там инсулины, там все жизненно необходимые лекарства!..

Элиита ЕФИМОВА

Согласитесь, хочется жить хорошо. Хочется еду покупать в Новоярбатском, одежду шить у кутюрье, и то и другое — приобретать в «валютках». Хочется, безумно хочется обитать среди красивой и удобной мебели... Возможно, хорошая жизнь когда-то настанет, по крайней мере, надеяться на это надо. А если прийти в мебельный магазин «Хайдар», напрячь воображение и представить, что на преискурантах цены обозначены не в долларах, а в рублях, надежды на счастливое «завтра» станут уверенностью.

ХАЙДАР, ОБОГНАВШИЙ ВСЮ ЕВРОПУ

До 1992 года «Хайдар» был обычным мебельным магазином № 45 Мосмебельторга. Потом его приватизировали, и магазин № 45 стал дорогим салоном, торгующим шикарной итальянской мебелью.

Сказать, что эта мебель и сантехника предназначены для всех, при всем желании нельзя. И дело не только в ценах, хотя иной гарнитур стоит чуть меньше квартиры. И не только в том, что мебель настолько роскошна и красива, что иной «old russian» просто так будет робеть перед ней. Побоится лишний раз присесть на кожаное кресло — с сенсорным управлением, раздвигающееся во все стороны, откидывающее спинку и подставляющее подставку под ноги — или воспользоваться, пардон, позолоченным унитазом, чтобы чего-нибудь невзначай не испортить. А такая ситуация абсурдна: все-таки вещи — для нас, а не мы — для них. Но существует еще одно обстоятельство: мебель эта не для типовых квартиренок. Шкафы не пройдут в двери, поскольку высота их — два метра сорок сантиметров, бассейны с гидромассажем не влезут в ваннные комнаты, а двуспальная кровать, где никому не будет тесно, займет аккуратно всю спальню. Да! Эта мебель — для очень просторных квартир, для частных домов и коттеджей. Эта мебель

— для богатых.

В окружении такой мебели мы и беседовали с Хайдяром Хайретдиновым, генеральным директором торговой фирмы «Хайдар».

— *Хайдяр Халилович, вы можете объяснить такой парадокс: итальянская мебель — очень дорогая, пожалуй, самая дорогая в Европе. И, тем не менее, в одной только Москве есть уже несколько магазинов, торгующих именно итальянской мебелью. Неужели покупают?!*

— Знаете, Италия считается законодательницей моды на мебель. Так же, как, скажем, Франция — общепринятый авторитет в области косметики и парфюмерии. Французские духи стоят немало, но каждая женщина предпочитает пользоваться именно ими. Иметь итальянскую мебель — удобно и престижно. Вполне естественно, что

новые гарнитуры, потому что в Италии с заказами уже не справлялись. Представители фирмы «Belfiori e Villadei», с которой мы сотрудничаем, говорят, что за последние восемь месяцев они через наш «Хайдар» продали столько же мебели, сколько отправили во всю Европу.

— *А что покупают охотнее всего?*

— И кухни, и спальни, и столовые, и сантехнику. Все. Офисная мебель, правда, у нас — вроде сопутствующего товара, но и ее продаем. Вот шикарную, очень дорогую мебель у нас купили — за 27 тысяч долларов. Есть образцы в два-три раза дешевле.

— *Поскольку Италия диктует моду на мебель, скажите, чем сейчас модно обставлять квартиры и дома?*

— В принципе, в Европе сейчас охотнее всего приобретают итальянскую мебель в стиле модерн. Но наш соотечественник в большинстве своем достаточно консервативен и предпочитает мебель классического стиля или барокко — то, что ему знакомо. Ничего удивительного: ведь лучшими и престижными образцами у нас долгое время считалась румынская, югославская, финская мебель, которая не может похвастать смелостью дизайна.

А теперь вкратце об услугах, которые «Хайдар» предлагает покупателям.

Во-первых, в магазине можно расплачиваться кредитными карточками «American Express», «Master Card» и «Мостбанк». А это очень удобно, безопасно и вообще важно в нашей стране, где того и гляди запретят торговать за наличную валюту.

Во-вторых, «Хайдар» предлагает покупателям самим заниматься растаможиванием мебели, и тогда гарнитур за счет более низких налогов обойдется им несколько дешевле.

Штатные дизайнеры «Хайдара» посоветуют, как лучше расположить мебель в квартире, а если это кухонный гарнитур или сантехника — подберут керамическую плитку нужного цвета (плитка всевозможных цветов и рисунков тоже продается в «Хайдаре»).

И наконец, гарнитур можно «изменить» на свой вкус: сделать его чуть меньше или больше. Или заменить деревянные дверцы шкафчиков на стеклянные (и, наоборот). Заменить электрическую плиту на газовую. Убрать холодильник. Установить гриль... Все что угодно: индивидуальный заказ называется.

Е.А.

ТОО «Хайдар»: Москва, пр. Маршала Жукова, дом 52
Телефоны: 199-69-11
199-38-14
199-03-61
Факс: 199-01-62

Произвожу следующие манипуляции (будьте внимательны): достаю с полки словарь иностранных слов. В бордовом переплете, с золотыми буквами. По хорошо известной методике распахиваю книгу в произвольном месте и тыкаю пальцем в страницу. Читаю «ниспосланное свыше» слово: «мантия». Так, еще раз. «Норд-вест». Недурно. И еще раз. «Панегирик». Ну и славно. Могли, конечно, выпасть «полигамия» или «девиация», да и то, пожалуй, сгодились бы.

Вся эта «каббалистика» привлечена автором лишь для того, чтобы продемонстрировать почтеннейшей публике не самый худой способ изобретения наименований особого рода.

Представьте себе скромную вывеску на углу: «Коммерческий магазин «Панегирик». Или: «Ночной шоп «Норд-вест». Вполне натурально бы смотрелось.

Мы почему-то почти не заметили, как всего за два-три года такой ничтожный экономический субъект, как «коммерческая палатка», сформировал вокруг себя презанятную социокультурную ауру. (Магазин «Аура» — тоже изящно.)

Без излишнего занудства рассмотрим сегодня только один аспект этого феномена. Да, именно названия.

Мелкий или покрупнее бизнесмен, открывающий лавку «колониальными товарами», обязан надлежащим образом зафиксировать в документах свою, с позволе-

ПТИЧКА ПЕВЧАЯ И ДРУГИЕ ШОПЫ

ния сказать, фирму. Как правило, это ТОО — товарищество с ограниченной ответственностью.

Приходится выдумывать имя. В святцы тут не заглянешь. Что может подсказать скупая фантазия человеку в кожаной куртке и спортивных штанах с лампасами? Слово, рассуждает он, должно быть недлинным и — как его? — эффективным. Может, так и назвать — «Эффект»? Нет, было где-то. Тогда — задумывается — «Альянс»! Или... м-м-м... «Альков»? Или «Пасьянс»?

Мой герой охоч до всякой красоты. Ему отрадню созерцать девушек в лиловых лосинах, носить на среднем пальце перстень с печаткой, слушать песню Игоря Николаева про «бедного Моцарта». И ларек свой он хочет окрестить так же красиво. Чтоб сияло имя, как обложка вчера прочитанной книжки «Зловещая страсть».

Милейший, не мучайте себя понапрасну, последуйте доброму совету автора. Разыщите у жены двоюродного брата пресловутый словарь

иностранных слов — все как рукой снимет! Красота гарантируется.

Хотя в последнее время наши лингвисты от коммерции стали выказывать большую изобретательность, декларируя тем самым некоторое развитие вкуса, правда, все в той же эстетической системе. Вот, пожалуй, — ТОО «САНЖ». C'est beauх. Этот изыск, как мне пояснили, расчленяется на два имени собственных: «Саня и Женя». Назвать же фирму именно так — «Саня и Женя» — и в мыслях, похоже, не было. Диктат общего стиля, знаете ли.

Между тем в ряду «Аккордов», «Гардемаринов» и «Анжелик» чуткий прохожий нет-нет да и встретит наименование вполне экзотического характера. Таинственные, как тетраграмматон.

Обращали ли вы внимание на обилие палаток вблизи Пушкинской площади под яркими — черным по желтому вывесками: «Эффус». Это неприхотливая выдумка эксцентричного хозяина. «Эффус» — слово греческое,

что объясняется национальной принадлежностью главы фирмы. Значение слова никто из сидельцев растолковать не смог.

Зато в другом месте мне объяснили, почему палатка называется «Соани». Владеют ею курды (их, кстати, немало в Москве), а «соани» — всего лишь одно из курдских племен. Маленький такой пятачок курдской земли в холмистом Москвостане. Гордые курды продают «Баунти».

Еще пример — «Айзу». Дагестанское имя. «Друга я никогда не забуду, если с ним повстречался в Москве».

У себя в Кузьминках я долго с недоумением изучал на одной из палаток комбинацию из трех букв: «МТВ». Может, «Миша, Толик, Вова»? Потом не выдержал и спросил у ребят в ларьке, к чему был это? «Ну, MTV* знаешь?» — говорят. «Знаю» — «Вот и все объяснение».

Между прочим, забавно, что вопросы по интересующему меня поводу, как правило, вызвали настойчивость, словно я требовал предъявить сертификат качества на банановый ликер.

В магазине «Сири» (привет Набокову!) я с напускным простодушием осведомился о значении странного слова. «Ой, надоели уже! — тряхнула головой продавщица. — Птичка это такая. Певчая».

Возражений нет. Лучше Сири в руках, чем...

Алексей БЕЛЯКОВ

* MTV — Music Television — Европейский музыкальный канал телевидения.

ЦВЕТОЧКИ. ЯГОДКИ. «МАЛИНА»

Какова жизнь — таковы и ее «цветы», то бишь дети, демонстрирующие порой чудеса изобретательности на ниве легального, полуперегночного и нелегального бизнеса.

Вот, скажем, можно ли угнать автомобиль через... форточку? Шестиклассник нижегородской школы № 142 К. доказал — можно! Предприимчивый отрок сумел похитить таким вот экзотическим образом 40 «Чаек» и 12 «Волг». Уточним: юный угонщик проник не в какой-нибудь номенклатурный гараж, а в кабинет заместителя директора Дворца культуры Горьковского автозавода, добычей же стали не настоящие авто, а всего лишь доб-

ротные сделанные (и отнюдь не дешевые) модели.

Впрочем, далеко не все детишки сегодня зарабатывают себе на «Сникерс» противозаконной деятельностью. Жители Казани, прогуливающиеся в окрестностях банного комбината «Здоровье», с некоторых пор могут, как в старые добрые времена, взвеситься на медицинских весах — за тридцать рублей. Маленький предприниматель Б., собирающий с граждан червонцы, на вопрос: «А кой тебе годик?» — отвечает: «Восьмой миновал». Тем же потенциальным клиентам, которые упрекают его в непопулярной цене услуги, «мужичок-с-весами» советует идти в баню.

**Георгий КУЗНЕЦОВ,
Валерий КИСЕЛЕВ**

КОНДОМ ПРИХОДИТ В «МЕРТВЫЙ ДОМ»

С легкой руки координатора проекта «ЭЗОП» (эффективная защита, обучение, профилактика) Кевина Гарднера в адрес Екатеринбургской ассоциации борьбы со СПИДом пришел большой груз — два миллиона штатовских презервативов. Часть противозачаточных средств получило местное движение за права гомосексуалистов. Лидер же движения Валерий Климов немедленно передал львиную часть причитающейся гомосексуалистам доли... в колонию усиленного режима города Невьянска — эзкам на потребу. То-то тамашние «Мани», должно быть, обрадовались!
Олег ДУЛЕНИН

А ДОРОГО ЯИЧКО — КО ХРИСТОВУ ДНЮ

Самые смешные (не смешные даже, а просто уморительные) цены зафиксированы вашим корреспондентом в городе Камышловое Свердловской области. Правда, товар тоже потешный: значки с надписями «С праздником 1 Мая» и «Слава Великому Октябрю!». В киоске возле железнодорожного вокзала каждая такая реликвия стоит... 50 копеек.

О.Д.

СИБИРСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ:

БОМБА ДЛЯ ГУБЕРНАТОРА...

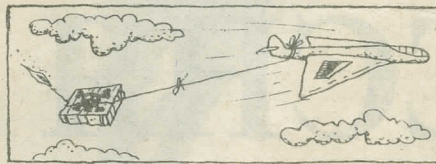
Глава Омской областной администрации Леонид Полежаев в течение считанных дней дважды стал жертвой «многого» розыгрыша.

В первый раз — когда откликнулся на предложение президента принять участие в экстренном заседании Совета Федерации. Вместе с Полежаевым на борту самолета, следующего рейсом Омск—Москва, находились сто бойцов ОМОНа, перебрасываемых на помощь столичным коллегам, а также Алексей Казанник, перебрасываемый в кабинет Генерального прокурора. Через десять минут после взлета в дежурную часть УВД позвонил некий аноним, сообщивший, что на борту «стратегического» самолета находится взрывное устройство. Спустя еще два часа сотрудники отдела по борьбе с организованной преступностью задержали «доброжелателя». Им оказался некий пенсионер, переутомившийся от круглосуточного бдения у телевизора во дни московского мятежа. Никакой

бомбы в самолете, естественно, не оказалось. Полежаев, Казанник и ОМОновцы благополучно добрались до Белокаменной.

Вторично на губернатора «покушались» в спортивно-концертном комплексе «Иртыш» во время хоккейного матча между местным «Авангардом» и карагандинским «Строителем». Незадолго до окончания встречи в администрацию комплекса поступила информация: в здании — бомба. Дабы не пугать болельщиков (в числе которых был и Полежаев), руководство «Иртыша» решило матч не прерывать, взрывное устройство искать собственными силами. Оказалось, что и на сей раз тревога была ложной.

Игорь БАРИНОВ

...И ПИНОК ДЛЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ

Представитель президента РФ по Томской области Степан Сулакшин получил пинок под зад от своего бывшего активного соратника в борьбе с КПСС, а ныне — предпринимателя Сергея Зайкова. Поводом ногоприкладства послужила частная беседа возле резиденции представителя президента. По словам Зайкова, Сулакшин не выразил соболезнований гибнущим в Москве людям, а напротив, заявил, что, дескать, война есть война. Это заявление «переполнило чашу терпения» предпринимателя — и он поставил в дискуссии точку. Необходимое уточнение: Зайков намного скромнее Сулакшина по габаритам, так что в случае продолжения обмена «любезностями» представитель президента имел серьезные

шансы на победу. Но этого «продолжения» Зайков сумел избежать: пнув оппонента, он тут же вытащил из кармана газовый баллончик и несколько раз прыснул газом по сторонам — есть, мол, дополнительные аргументы.

Сулакшин принял аргументы к сведению и, не получив морального удовлетворения, решил-таки извлечь из инцидента максимальный политический профит. На следующий же день пресс-центр представителя президента выступил с заявлением: «В то время, когда в Москве гибли люди, на представителя президента по Томской области было совершено злостное хулиганское нападение с применением химических средств, предположительно — в политических целях. Ведется расследование».

Как стало известно вашему корреспонденту, Степан Сулакшин обратился в УМБ по Томской области, но там «делу о поджоппнике» хода не дали. Рассмотрение инцидента взяло на себя областное УВД. Милицейское начальство официально заявило: личность подозреваемого установлена, против него возбуждено уголовное дело.

Анатолий ЗАХАРОВ

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

По всей стране живут мои родные, близкие и не очень близкие. А я стараюсь поддерживать с ними связь — то телефонным звонком, а то и визитом.

И вот я приезжаю: объятия, поцелуи, треп о том о сем. Уже известны местные сплетни, уже ясно, за что он ее так... Но хочется узнать и о каких-то больших судьбоносных проблемах, понять, так сказать, чем дышит глыбинка.

Тогда я открываю местную прессу и... чувствую себя как дома. Как будто я никуда не уезжала и сижу в родной редакции. Потому как на первой полосе обнаруживаю статью своего коллеги Касатова, на второй — наши стародавние «Осколки», преобразованные в «Информацию, предоставленную средствами СМИ СНГ», а на четвертой — пуб-

Елена АВЕРИНА

ГОНОРАР ВПЕРЕД!

ликованный у нас когда-то смешной рассказ. В газете за вчерашнее число я, к сожалению, «Столицу» не вижу, но зато там очень много «Московских новостей»... А вот в прессе за позавчера (без сюрприза так и не обошлось) — вижу материал моего начальника Рыбака и — не буду скромничать — заметку вашей покорной слуги. Даже не заметку, а одно из «Очень личных мнений».

Мы печатаемся по всей стране, но не всегда об этом знаем. Нам постоянно звонят, рассказывают, что читали наши статьи там и сям. В самых неожиданных городах. Присылают вырезки. Мы обнаруживаем, что местные редакторы любят заменять непонятные им слова и сокращать необходимые по смыслу куски. Это не очень-то приятно, поскольку в нормальных изданиях авторов

посвящают в результаты работы.

Бывает два вида «заимствований». Первый — перепечатка с указанием издания и фамилии автора. Правда, при этом никто не спрашивает нашего согласия и уж тем более — не собирается платить гонорары. Второй вид — наглый плагиат, когда меняется заголовок и подпись, а «середина» остается нетронутой. За такие дела вообще следует морду бить.

Впрочем, временами бывает даже приятно: вот какие мы гениальные. Нас заметили «на местах»! Только неужели «на местах», где люди выписывают и «Столицу», и «Московские новости», и многое другое, журналистам интересно забивать свои полосы перепечатками и совсем не работать собственной головой?

Александр ТЕРЕХОВ

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Письма русского путешественника

Настала осень — значит, время протыкает новую дырку в поясе, и ты переходишь в новый часовой пояс, где бледнеют стороны света и стороны года, и никто больше не заставит вывести посередине листа «Как я провел лето» и утопать в омуте красной строки.

Наверное, живешь не там, где ешь; не там, где зачислен; не там, что читаешь. Живешь там, где твой огород, — и я еду туда, на земли графа Бобринского. Хозяев давно нет, в красивом склепе они не улежались: мстят руки вырвали кости из гробниц и свалили по справедливости — в братскую могилу, а из гробового бархата пошли знатные сарафаны для подруг и на пустом месте выстроили город. А город, не двигаясь с места, прятался от смерти, переменяя имена:

Бобрики—Сталиногорск—Новомосковск, и в соседней деревне мы сажаем картошку, на источнике русской воли — из железной трубы

в парке отдыха начинается, сочтется Дон — да только куда уплывешь по реке? Нас не отпускают огороды.

Кроме картошки, прошлым летом городской голова ездил в Италию набираться ума. Подвластному народу отчитался: дороги там хорошие. В основном, итальянцы. Но есть и женского пола. Дороги — гладкие! Папу видел, он — римский, местный. А главное, мужики, там такие дороги, вот чтоб не сбрехать: стакан до краев наливаешь в машину — машина идет на полном ходу, — и ни капельки не убегает через край!

Кроме картошки, бывшие моряки отметили свой день: возложили трезвыми цветы, а уже придя в естественное состояние, перехватили на плотине грузовик и отправились на базар бить морды чернозадям — живо получили по шее от милиции, а в завершение пинками и подзатыльниками уговаривали обывателей жертвовать на памятник героям флота.

А вот осенью — все на картошку. Пора.

Для картошки у нас есть земля, прихваченная Чернобылем, но это не страшно: пока три года решались объявить, все уже привыкли, а теперь и подавно: приплачивают же «гробовые» деньги, и не попавшие под облако уже завидуют нам — хоть переселяйся, но ведь на то и счастье, что не всем, — его немного.

Еще у нас есть соседи, мы соревнуемся огородами: кто раньше убрал. Слева, если стоишь на дороге лицом к колодцу, шумно живет семья большая — потому что хотели мальчика, — пьют, дерутся, гоняют дружку по улице в разодранных рубашках, капают кровью. А вот справа от нас — немые. Мутный народ. Покрали наши дубки и попилили на дрова, а след-то в крапиве остался, я ж вижу, куда тащили. А потом свернули головы трем лучшим подсолнухам. А им ничего не скажешь — не понимают.

Да всех жалко — все умирают, а картошку жалеешь за несправедливости судьбы. Над ухом любому произнеси «Родина», «Отчизна», и что представится?

Конечно, представится золотое пшеничное поле, широкое, как небеса. А на самом деле никто нынче не разберет: какая из себя пшеница, а какой ячмень. Кормит нас — только картошка, спасибо немцам, что завезли. И Отечество наше растит чуть ли не половину мирового производства этого продукта. Так иногда даже оторопь берет — а что ж в других странах едят? Трудно представить. Да, вообще — где им до нас. Знаете, какой у нас воздух?

У нас же химзавод. А он помимо пугани и ракетных начинок клепают еще такие баночки с душистым распылителем, чтоб в отхожем месте пахло весной. Ну и мой зять подвозил как-то до магазина «Водка» мужика с химзавода, а тот ему подарок сунул: «Коль ты денег не берешь, я тебе дарю вынесенный в рукаве через проходную пузырек. А в нем — пахучее вещество в такой бешеной уплотненности, что одного пузырька хватает для заправки пяти тыщ баночек. Так что пользуйся аккуратно, крохотиночки хватят, чтоб свежая навозная куча пахла как розарий».

Зять мой завез пузырек в деревню и оставил. А вечером приехал его тесть, а мой отец, и, как обыкновенный русский мужик, в очередной раз подумал: как же мы в беспорядочности живем, нету в нас уважения к чистоте и опрятности. Вон второй год стоят оставшиеся после бабушки пузырьки с лекарствами и пыль собирают! Сгреб пузырьки все подряд — и вылил на двор.

И теперь уж второй месяц наша деревня пахнет как плантация орхидей или одеколонная фабрика. Народ даже озлоблен: что ко рту ни поднесешь — водку или молоко, а все одно — воняет парфюмерией. Вокруг нашего двора такой аромат, что даже глаза слезятся. Даже немые, по-моему, начали заговаривать.

Да. Бабушка наша умерла. И некому перекрестить поле, когда докопали. Все кажется, земля ждет. А у самого рука не подымается: не мое дело.

Все надоедает, передышка только зимой, и то глядишь, чтоб картошка не замерзла и не подгнила, и все помнишь, что колорадский жук не повержен, а лишь отсыпается в сатанинских своих подземельях. Каждую зиму зарекаешься: хватит, больше не будем сажать. Купим у хохлов. Хохлы мешками навезут, но трудно оставаться совсем одному против всех, и весной мы начинаем все заново, чтоб разглядывать свои мозоли и вечером сидеть на крыльце, рвякая на соседских кур: а ну, пошли!

Вечером на небеса с химзавода натягивает грязных разводов, по улице гонят овец, продребезжит цыганская телега — у цыгана толстая, косматая лошадь, а старухи, махнув на телевизор: «Чер-ты их разберут!», садятся разбирать масти и козыри, а соседи немые будут чиркать спички, чтоб дымком пугануть разгулявшихся под полом крыс, и сделают на полную радио — грохочущие английские песни — песни громяют над огородами, над магазином, над помирающим соседским дедом, над бабкой, владеющей одной курицей и имеющей на день одно яйцо и картофельный суп, над тремя дряхлыми сестрами, которые полгода уже живут врозь потому, что две желают президенту России паралича, а третья — доброго здоровья, и громкая песня летит дальше, до города, где мигает музыкой кафе «Русское поле», поглотившее все приватизационные чеки округи. Так называется: вложить ваучер в русское поле.

Здесь хорошо спать. Но уезжаете не сладко. Бросают лопаты и грабли, подходят к забору — ну что? Выкопал и поехал? И все ведь знают: из Москвы. И смотрят, будто ты в ответе, и это скребется в твоём горле: ты в ответе.

А ты как дурак трубишь на всю улицу: как картошка? Хватит на еду, курам и на семена? Не уехать и не остаться — везде чужой.

Вот осень, ну и что — Лев Толстой вдруг удивился в одно утро: не мог вспомнить — вытирал пыль в кабинете или нет. Он делал это каждое утро. И поэтому не мог вспомнить. Он пред-

положил: повторяющиеся действия не запоминаются. Они пусты. Так пусты картофельные осени — нечего вспомнить. Но не только. Если пусты — значит, прозрачны, они дают видеть начала и пределы, и, когда ты возвращаешься в дома, где есть лифты, но нет соседей и земли в трех шагах от постели и где на каждом этаже на тебя взглядывает смерть, ты начинаешь жалеть о простой, понятной работе, легкой голове и единственной заботе о завтрашней погоде.

Многое уж забыл. А вот что помню: каждое утро я конвоировал племянниц и соседского пацана в школу. Я выводил своих на крыльцо, а мальчишка уже ожидал у своей калитки. Я отбирал их портфели и нес: три. Но иногда портфелей было два. Наутро после родительской пьяной драки,

мешавшей нам спать криками и хрустом посуды, мальчик не ждал нас, он уходил сам. Мы шли следом, я пытался его звать, но он не оборачивался, а быстрее шел дальше, я смотрел на его затылок и боялся думать: что вот сейчас происходит в его голове, что решается, не моя ли судьба?

Сейчас стыдятся некоторых слов, одно такое слово «боль». И я стесняюсь. Кабы не стеснялся, я бы обязательно написал: мне больно, когда я вспоминаю об этом.

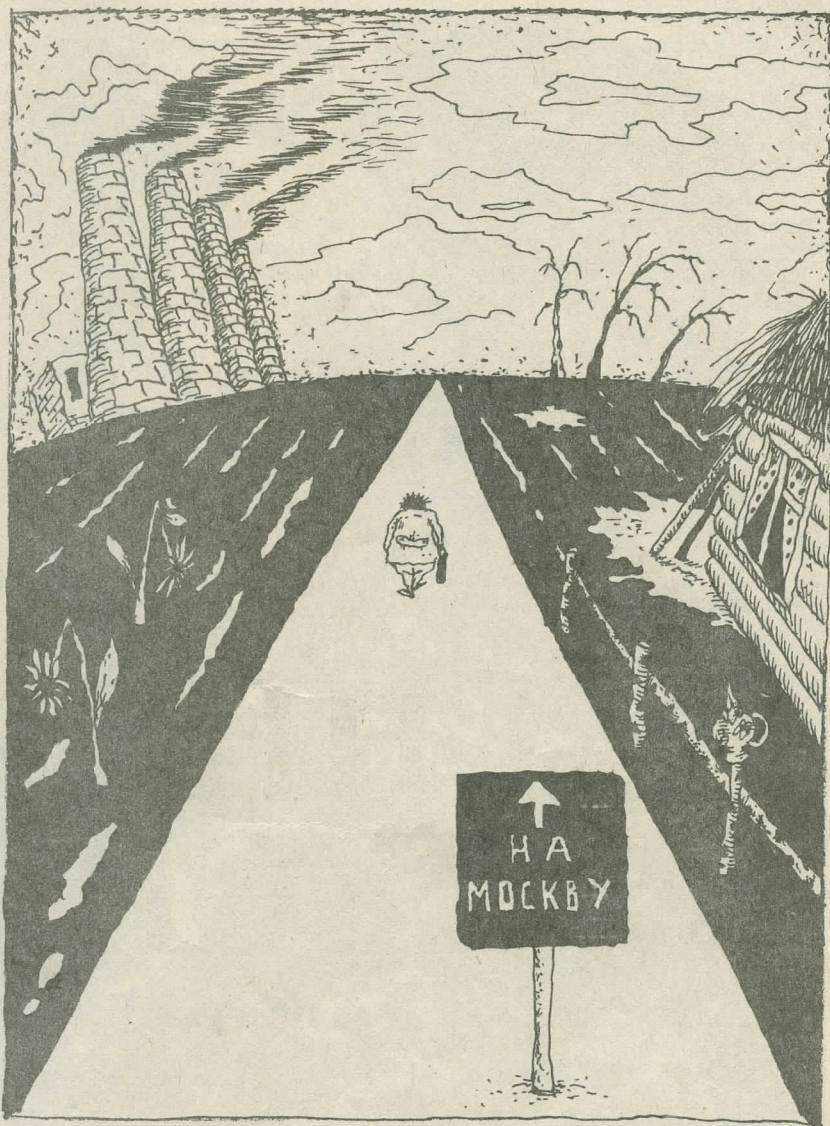
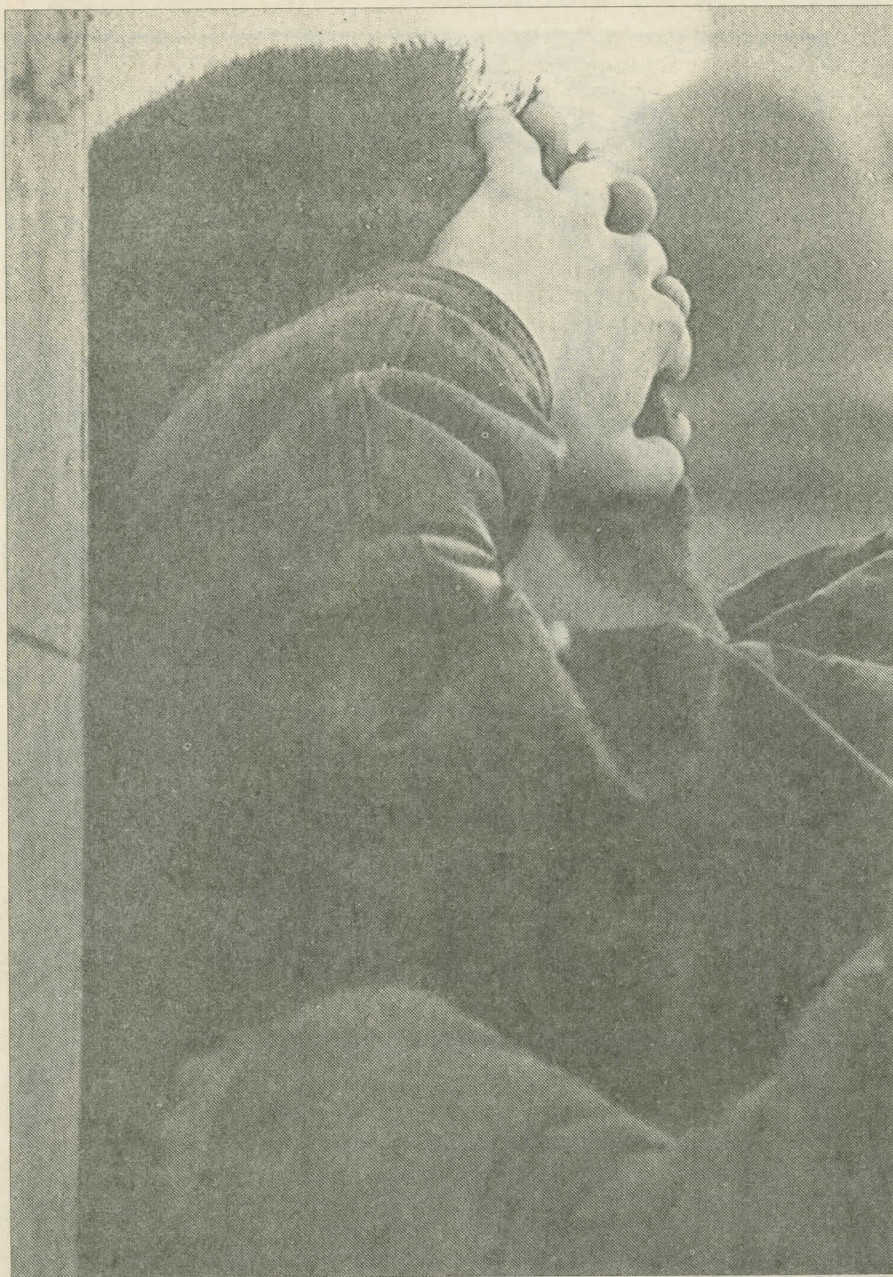

Рис. А.Зайца

Николай ПОПОВ

ПРО ЩЕПКИ, КОТОРЫЕ ЛЕТЯТ, ЛЕТЯТ, ЛЕТЯТ...

А лес все рубят, рубят, рубят

Всегда старался не писать про Политику — ну ее к Богу в рай! Сколько раз бывало: встретишь эту напوماженную особу где-нибудь, навстречу идущую, — опрометью бежишь на другую сторону улицы, делая вид, будто не узнаешь. И, знаете, как-то разжежевывались раньше. Пока Политика не ввалилась ко мне домой, разя слепапутчевым перегаром. Моего брата упекли в Бутырку. Произнесите, господа, последние пять слов каждый про себя, и тогда вы поймете мои ощущения, тем более что про Бутырку я узнал спустя полтора дня после исчезновения парня во время пугча.

Нет, что вы, он не рецидивист никакой и даже не хулиган. Зовут Саша, 21 год ему. Он, как и я, за Ельцина. Прослушав телеобращение Гайдара с подергивающимся левым глазом и радиообращение Лужкова (молчу-молчу), мы с ним даже решили, что без нас заварушка не обойдется, и к Юрию Долгорукому пошли — во как. Они обращались к народу — а чем мы не народ?

Вооружились обрезками балок и ломиками, чтоб, значит, коммунак мочить. Сашка даже где-то «коктейль Молотова» раздобыл в бутылке из-под портвейна. Знаете, как из портвейна сделать бутылку с зажигательной смесью, а? Ну, я вам как-нибудь потом объясню.

Отодрали штук восемь дюралюминиевых щитов от «лесов» реконструируемого «Националя» и внесли ими свой вклад в баррикады. Отстояли небывалые очереди в коммерческие ларьки на Моховой и у «Интуриста» по 40—45 человек в каждой: народ сметал с витрин буквально все, даже по

вмиг повысившимся ценам (баночное пиво — девятьсот вместо четырехсот, шоколадки — шестьсот вместо четырехсот и т.д.). Делай, что тебе хочется, и жуй шоколад имярек!

И все 30 000 защитников неизвестно чего от неизвестно чего, оказавшиеся у Моссовета, стали делать, что им хочется, в полном соответствии с рекламой на панно «Интуриста». Я как дурак мерз там до утра, выказывая преданность исполнительной ветви власти, а мой братан Саня с приятелем решил, что их обоих как раз не хватает на другой, законодательной, ветви, у «Белого дома», в качестве наблюдателей. Под благовидным предлогом покупки водки (три тысячи за бутылку, кстати) они слиняли с передовой, где мы стояли в оцеплении, и мотанули к парламенту. Не уследил за мальцами, каюсь...

Поезда метро Таганско-Краснопресненской линии лихо проскакивали станции «Баррикадная» и «Улица 1905 года» на малой скорости, не останавливаясь. Пришлось сойти на «Беговой» и прогуляться до злополучного здания пешком.

Естественно, до самого «Белого дома» ребята не дошли, столкнувшись с цепью вооруженных омонцев, которые, по официальной версии, препятствовали проносу оружия и проникновению боевиков в город. Ребята, головы бедовые, слишком поверили пропаганде: они подошли к ОМОНу и попытались выяснить, что ТАМ происходит.

Кто объяснит, какой закон Саша с другом нарушили?

Но их тут же схватили, заломили руки за спины и тычками сопроводили в стоявший недалече автозак (автомобиль для транспортировки осужденных). Автозак был уже битком набит такими же горемычными. Наручников на всех не хватило. Ими потрясал лишь какой-то священник в рясе, то ли настоятель, то ли служитель церквушки, что возле здания бывшего СЭВа. Остальных запихнули так.

Маялись внутри долго, две автозакские камеры все уплотняли и уплотняли, даже в одиночку-«стакан» для смертников запихнули двоих. Наконец, конвойники решили, что пора бы эту бочку с селедкой отправить, куда не лопнула, и машина тронулась. Куда? В автозакских никаких окошек для зэка не предусмотрено, так что ориентировались лишь по шуму московских улиц да по отрывкам разговоров охранников-омонцев, крикливо выкрикивая вопросы перевозимого быдла и высокомерно молчавших. Под конец выяснилось, что они и сами ничегошеньки не знали.

Старенький «газон», натужно скрипя всеми своими железками на пово-

ротах, фактически объехал всю столицу в поисках хоть какого-нибудь места, куда бы можно было сгрузить «криминальные» элементы. Все московские тюрьмы, включая «Матросскую тишину», Лефортово, подвалы Петровки, 38, все СИЗО, даже КПЗ в пятидесяти отделениях милиции и стадион «Локомотив», были под завязку заполнены «мятежниками». Соответствует ли действительности официальная цифра «задержанных» в полторы тысячи человек, если столько умещается лишь в одной «Тишине»? Хреновые в МВД математики, скажем прямо.

После долгих переговоров с начальством Бутырской тюрьмы для «восставших» нашлось-таки место... чуть не написал «под солнцем». Запихнули всех в камеры по 90 человек (они рассчитаны на двадцать пять). Куркам, всамделишным уголовникам. Страшно, кстати, недовольным тем, что их «разбавляют разными там политическими».

...В «Столице» № 28 за этот год главный редактор нашего журнала Андрей Мальгин в пророческом «Акценте» «Три богатыря» упомянул о заметке «Московского комсомольца» «Комитет национального спасения вызывали?», опубликованной за четыре дня до ТОГО путча: солдаты внутренних войск напали на микроавтобус «Тойота», избили водителя, угрожали пассажирке, устроили обыск — им не терпелось приложить силу. Ту, давнюю заметку в «МК» написал я, попав заголовком-пальцем в небо. Я помню растерянное лицо бедной женщины — пассажирки «Тойоты», пришедшей в редакцию, где я тогда работал. Теперь и мне самому представилась возможность испытать ее смятенные переживания в полном объеме, помноженные на родственные чувства. Но — спустя 1,5 суток после ареста брата!

Ни одна собака не оповестила никого из родных тех якобы полутора тысяч «задержанных». Несчастные женщины — матери, жены, любимые — либо плакали по домам, либо общаривали больницы и morgi, вздрагивая каждый раз при совпадении примет или фамилий. Сашиной девушке удалось обнаружить в «Склифе» не только однофамильца моего непутевого брата, но и тезку по инициалам. Слава Богу, тот оказался Андреем. Для НАС слава Богу...

Но вернемся к Сашину рассказу. Никаких разборок между уркаганами (их в его камере оказалось двенадцать) и «политическими», однако, не произошло: уголовники получили строжайшие на то указания от тюремной администрации. «Наших» было во много раз больше, местных неписа-

ных законов никто из них, естественно, не знал, да и понимали все, что такое положение временное. «Скоро разберутся!» — это был рефрен всех разговоров в течение оставшегося дня (Сашку с приятелем забрали в десять утра в понедельник) и ночи.

Спустя некоторое время охранники предложили «политическим»... погулять. Те, кто не знал о значении этого слова на тюремном жаргоне, согласились. Их вывели гусяком в помещенье чуть поболее камеры, с зарешеченным «потолком», сквозь который был виден лоскут московского неба. Такая вот прогулка в Бутырке.

Еще при водворении в камеры каждый арестованный прошел унизибельную процедуру тотального шмона. При этом у него изымалось «в фонд мира» не только все съестное, сигареты, деньги, документы, верхняя одежда, ключи от дома, но и пояс и даже шнурки с ботинок. Чтоб не повесился ненароком.

Никого, кроме «штатных» арестантов, не кормили в течение полусуток вообще ничем. Зэки даже делились с «политическими» своими пайками — до чего дошло, а! Спали на шконках (сварных конструкциях из уголка, вроде полок) вповалку и по очереди: пол в камере был уж слишком неподходящ для человека, сами понимаете. На все население выдали аж три матраса. На них сообща уложили двух дряхлых стариков-«мятежников» и одного инвалида. Общую парашу отгородили самодельной занавесочкой из рубашек...

Да, в полночь новоявленным арестантам выдали на каждую камеру по три блока американского сухого супа в пакетиках со сроком хранения до 1991 года (приготовленных, видимо, к предыдущему путчу), по две коробки сигарет «Дымок», несколько пачек чая и паре-тройке кипятильников. Троекратное «ура» было ответом начальнику Бутырки — добрый дядька. И запасливый.

Среди сокамерников Сашка обнаружил и весьма интересных товарищей. Одного парня лет 27 заловили возле зоопарка на Красной Пресне прямо в его собственном «Вольво». Он тоже, бедолага, подъехал к ОМОНу спросить про обстановку возле «Белого дома». Два выстрела по передним покрышкам, руки за голову, шмон, при котором было конфисковано 3.000 баксов из кармана — и вот он здесь. Ключи зажигания остались в замке, даже машину ему закрыты не дали. Неча тут, понимаешь ли, своевольничать. Милиция упивалась своей властью и куражилась над народом — это становилось ясным после разговоров с сокамерниками.

Чем больше проходило времени с

момента «задержания» такой коды «политических», тем мягче становились тюремщики. Видимо, они стали побаиваться возможной ответственности за превышение власти. Изнывавшие не только от духоты, но и от отсутствия малейшей информации из внешнего мира «политические» настолько осмелели, что стали требовать в камеру ни много ни мало — телевизор. Показательно, что уже через десять минут охранниками был услужливо доставлен... трехпрограммный громкоговоритель и подключен к радиорозетке.

Санаторий да и только!

Спустя почти двое суток начальство Бутырки, наконец, сообразило начать обзвон родных и близких всех арестованных «мятежников». Да и то с пятого на десятое, так как Сашиному другу домой так и не позвонили и продержали его на 20 часов дольше самого Саши — то есть до истечения срока задержания «для выяснения личности» (трое суток). Нам все же позвонили и потребовали привезти документы «задержанного».

Уже через час мы вручали их некоему младшему лейтенанту в камуфляже и тельнике, отказавшемуся назваться: паспорт, военник и удостоверение одного из министерств (место Сашиной работы). Красивое такое, знаете ли, пухленькое, с золотым тиснением. Так мы до сих пор не знаем, что же именно оказалось решающим обстоятельством в его случае — то ли удостоверение, то ли служба во внутренних войсках МВД, то ли тот факт, что Сашин брат — журналист... Только не успели мы с мамой приехать домой, как раздается звонок в дверь — и появляется на пороге это чучело огородное, то бишь мой братан! Разумеется, бумажник и шнурки ему не вернули. Но — живой-здоровый. Его друг-напарник отсидел в Бутырке и следующую ночь — он служил в погранвойсках КГБ и брата-журналиста не имел.

Замечаете? Мне так неловко плохо писать про эмвэда, ведь я зачастую работаю с ними бок о бок, но ведь они форменным образом обделались. Чуют, что совершили беззаконие, нутром чуют — и смягчают последствия уж как могут.

А теперь — главное. Не стал бы я писать этот материал, если бы такие дела не продолжались и по сей день. Помните, после провала путча—91 ведь народные гулянья устраивались. Мы сообщали радовались раздавленной гадине коммунизма. Теперь же — комендантский час, к тому же и продленный. Вы, дорогие читатели, будете держать номер «Столицы» недельки через три после написания этого материала — и я не знаю, завидовать

ли вам, что вы больше меня, нынешнего, знаете о развитии событий в послепутчевой России, или радоваться, что я сейчас живу в относительно большей свободе и за мной еще не пришли.

Потому что каждый Божий день, вернее, каждую Божию ночь, по данным комендатуры г.Москвы, за нарушение комендантского часа «задерживается» в среднем чуть более тысячи человек. В настоящий момент я располагаю многочисленными фактами издевательств и злоупотреблений, допущенных работниками милиции в отношении «задерживаемых».

Кого-то заставляли три часа лежать ничком на асфальте, кому-то отбили яички, почки. В некоторых случаях милиционеры грязно домогались девушек, не успевших к 11—12 часам ночи к подъездам своих домов. Есть случаи прямого грабежа жертв.

Больше того, согласно записанным на пленку «показаниям» членов армянской диаспоры, проживающих в Москве, ОМОН начал врываться в снимаемые армянами квартиры и учинять разгром только на том основании, что у них не было прописки. Не думаю, чтобы это происходило только с армянами. (На полях отмечу, кстати, интересный вопрос: значит, кто-то на инородцев СТУЧИТ?!)

Это не есть карашо.

Это страшно. Тем более что все ежедневные газеты Великого Города в одночасье приобрели странноватый душок вольтеровско-черниченковской формулы «раздавите гадину». Гадину дают сообщать от претендующей на солидность «Комсомолки» до неистового «Комсомольца».

«Столица» — журнал по преимуществу аналитический, и в обычных условиях нам не пристало заниматься «текушкой». Сейчас же даже мы вынуждены заняться и этим.

В результате мы сообща сможем как минимум обратить внимание верхушки нынешнего режима Ельцина на беспредел, царящий в низах МВД. Каждый день введенного президентом чрезвычайного положения увеличивал число жертв. Если мы сейчас промолчим — неизбежны дальнейшие перекосы с увеличивающейся амплитудой.

Так раздавим же гадину в зародыше!

Можно сказать, я застучала ее прямо на месте преступления (шутка). То бишь за распитием кофе в кабинете ее бывшего коллеги, где оба они упоительно предавались ностальгическим воспоминаниям.

— А то возвращайся, — тоскливо проговорил коллега.

— Вакансий полно...

— Может быть... — еще тоскливее вздохнула она.

И промелькнуло в этом вздохе нечто, заставившее меня тут же принять «охотничью стойку».

— А кем вы теперь работаете? — спросила я.

— Частным детективом.

И понеслось.

Выполняя желание моей собеседницы сохранить анонимность, в качестве предварительной ориентировки скажу только, что это молодая, обаятельная женщина. 9 лет проработала следователем. Неплохо себя зарекомендовала (хотя бы уже потому, что зовут обратно). Не так давно устроилась в очень солидную фирму (название опускаем) на должность частного детектива.

Несанкционированные контакты с прессой ей запрещены, поэтому некоторые фрагменты нашего, довольно откровенного, разговора я слегка видоизменила.

«И я сказала: хватит»

— Женщины после юрфака обычно идут в адвокаты или на предприятия консультировать. Вам что, спокойной жизни не хотелось?

— Меня всегда влекло к рискованной профессии. Детективы, конечно, сыграли свою роль, те же «Знатоки». Ну и, наверно, с детства впитанное желание утвердить справедливость.

— Но потом вы поняли, что за справедливость у нас платят мало...

— Нет, материальное не было главным. Я, когда ушла, стала получать раза в три больше, но принципиально это ничего не изменило. Ну, лишний кусок колбасы могу себе позволить.

Елена САЛИНА

МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ,

или «Девушка, зачем вы за мной ходите?»

Один мой коллега, тоже увольняясь, сказал такую фразу: «Бороться с преступностью, в принципе, можно. Но когда при этом приходится бороться еще со своим руководством — это уже слишком».

— **Вам не повезло с руководством?**

— Повезло. У меня были хорошие руководители-практики, сами бывшие следователи, которые мне здорово помогли. Сначала все нравилось.

Разочарование наступило позднее, году в 89-м, когда начались все эти перестроечные явления и закон стал подменяться чем-то другим. Наверно, это было и раньше, но я лично столкнулась с этим именно тогда.

Мне дали дело проворовавшихся районных руководителей — дело перспективное, его можно было довести до конца. Обычно доказывать такие преступления чрезвычайно сложно. Нет свидетелей, потерпевшие отказываются от показаний. А тут — удача. И свидетели, и довольно большая группа подследственных, когда им практически невозможно состыковать показания. Но дело для района, сами понимаете, неприятное.

Короче, мне сказали: работай, а когда я дошла до предъявления обвинения, дело взяли и передали в другой район. Где благополучно все развалили.

— **Это для вас было большим ударом?**

— Это было неприятно. Я возилась чуть ли не полгода, подследственных допрашивала не по одному разу, экспертизы назначала... В дело же душу вкладываешь! И на меня такими глазами стали смотреть, дескать, невиновных хотела засадить.

А потом дали второе дело. Там преступление совершалось в Московской области и по всем юридическим канонам там же должно было и расследоваться. Мы его переслали, там оно два месяца провалялось, и снова его нам вернули. Мы дошли до Генеральной прокуратуры, а там сказали: поскольку умысел возник в Москве, то и вести должна Москва. А дело сложное, уже заволокоченное, подозреваемые отпущены, свидетели разбежались.

Потом-то мне объяснили, кто с кем в прокуратуре договорился. В общем, я

сказала: все, хватит. И ушла.

«Есть компра — хорошо»

— **Следователей охотно берут в коммерческие структуры?**

— Да, ведь у следователей везде масса всяких завязок.

— **Чем занимается ваша фирма?**

— ...Можно сказать так: операции в области недвижимости. Но напрямую услуги частного детектива не связаны с профилем фирмы. Это работа оперативного характера. Практически то, что называется экономическим шпионажем. Например, проверка платежеспособности клиента, сбор сведений о возможных конкурентах. Или кто-то нам не заплатил — надо добиться, чтобы заплатил.

— **Выбиваете деньги???**

— Зачем так грубо? Существует масса цивилизованных способов воздействия. Человеку всегда можно объяснить, что он не прав. Родная милиция, в конце концов, поможет.

— **Как построен ваш график работы?**

— Руководство использует меня, когда возникает какая-то проблема. Нет проблем — я свободна.

— **А часто возникают проблемы? На сколько сделок, предположим, одна?**

— Понимаете, я же не знаю, сколько всего заключается сделок. Мне говорят: есть человек или фирма, нужна о них информация — и все.

Допустим, о нашей фирме в газете опубликована заметка, содержащая, как мы считаем, коммерческую тайну. Мне дается задание выяснить все о личности корреспондента. В идеале, конечно, откуда он получил информацию. Но если это узнать невозможно, то хотя бы его связи, привычки, образ жизни.

Или, например, вот фирма — кто за ней стоит? То есть учредители и их доля уставного капитала.

— **Разве это тайна?**

— Не всегда же удобно спрашивать «в лоб». Гораздо приятнее разговаривать с человеком, когда уже знаешь о нем что-то, а он о твоей информации не подозревает. У нас ведь не афишируют многое из того, что на Западе считается обязательным.

— **Какими способами вы добываете информацию? По улицам за клиентом бегаете? В подъезде караулите?**

— Есть люди, которые и этим занимаются. Я обычно использую свои старые связи в правоохранительных органах. Жизнь сейчас такая, что не знаешь, кто и чем в будущем может приго-

Фото Э.Кудрявцового

даться.

— **То есть действующие работники органов дорожат знакомством с вами и охотно выполняют ваши просьбы?**

— В общем, да. К тому же я не прошу их, скажем, задержать человека и посадить его в ИВС. Мне нужна только негласная оперативная работа, которой они и так занимаются по службе.

— **Вы не боитесь перейти какие-то допустимые морально-этические границы?**

— Сбор информации их и не переходит. Другое дело — ее использование, но я же этим не занимаюсь. А для меня — чем больше компры накопишь о конкретном лице, тем лучше. Взятки берет — хорошо. Имеет пять любовниц — очень хорошо. Гомосексуалист — еще лучше.

— **Что ж тут хорошего? Ваша фирма потеряет, возможно, вполне толкового делового партнера.**

— Это меня не касается. Есть компра — значит, я должна ее добыть. И любую другую информацию тоже. Может быть, он — завязанный охотник. И в то же время — нужный человек, от которого зависит решение определенных вопросов. Его можно на охоту пригласить или подарить ружье.

— **Вы не боитесь подвести кого-то под крупные неприятности?**

— Если человек не берет взятку, то хоть миллион ему предлагай — он не возьмет. А потом, работа на следствии приучает копаться в чужом белье, не делая при этом удивленной физиономии. Ну есть любовница — и есть, что такого?

— **А если человека нужно сфотографировать в постели с любовницей?**

— Наверно, это будет зависеть от конкретной ситуации. Но, в принципе, ничего страшного в этом я не вижу.

— **Угрызений совести не испытываете?**

— Нет. Единственно, я уклоняюсь от поручений политического характера.

— **Это кажется вам более грязным, чем подсматривать за личной жизнью клиентов?**

— Я никогда не предаю человека, который работает за идею, пользуясь своим хорошим с ним отношением.

— **Насколько коммерческая фирма зависит от политики?**

— Всякая крупная фирма имеет связи и покровителей в госструктурах. Но! Если моих хозяев заинтересуют вопросы политического характера (условно, как о прошедшем: взаимоотношения Моссовета и мэрии), я найду способ уклониться от ответа.

«Ничего я не вынюхиваю»

— **Вы сказали: «моих хозяев». Вас как человека, воспитанного советской идеологией, эти слова не унижают?**

— Унижают. Но я просто вынуждена с ними примириться. Фактически это так: они — хозяйка, я — слуга.

— **Выходит, ваш социальный статус сильно изменился?**

— Да, это угнетает. А что я могу сделать? Вернуться и вести абсолютно безнадежные дела? Самостоятельно, творчески мыслящие правоохранительные органы в сегодняшней ситуации никому не нужны.

— **То есть на следствии вам все равно пришлось бы служить очень распливчатым государственным амбициям. А здесь вы хотя бы знаете своего конкретного хозяина.**

— Но раньше я чувствовала себя полноценным человеком и имела определенные (даже большие, чем у многих) полномочия. Здесь же мне в любой момент могут показать на дверь. А это неприятно.

— **Как оцениваются ваши услуги?**

— Опять сложно ответить. Оперативная работа имеет свою специфику, чем и отличается от следствия. Следовательно вынужден быть точен — каждое слово фиксируется. А оперработка гораздо более подвижна, можно кое-что присочинить, главное, чувствовать те грани, за которыми нельзя врать. Если следователь будет безоговорочно верить оперативнику, он может сесть в большую калашу. Теперь я это почувствовала собственной шкурой.

— **В таком случае ваша информация не представляет особой ценности для фирмы.**

— Трудно сказать. В какой-то степени она нужна, в какой-то роскошь. Ведь позволить себе содержать вот таких детективов может только очень богатая фирма. Серьезно работать, значит, заводить целую сеть агентуры во всех нужных организациях, капитально составлять банк данных. А мы действуем, скорее, наскоками. Больше для престижа.

Вот Закон о частной детективной деятельности якобы предоставляет нам какие-то права. На самом деле это абсолютный блеф. К тому же нужно еще купить лицензию, которая стоит очень прилично.

— **Но платит-то организация, которая берет вас на работу?**

— Делается очень хитро. Платит организация, но на руки лицензию не отдает. Захочешь сменить работу — получишь снова, но уже сам.

— **У вас есть лицензия?**

— У меня нет. Но в ней нет и особого смысла. Никаких привилегий она не дает. Наоборот, массу дополнительных неудобств. Надо регулярно ходить в налоговую инспекцию и отчитываться о заключенных договорах.

— **А если вас застукают во время оперативного наблюдения и спросят: чей-то вы, девушка, тут вынюхиваете?**

те? Показали удостоверение частного детектива — и нет вопросов.

— Да ничего подобного. Вопросов будет как раз еще больше.

— **Как же вы объяснитесь?**

— Ничего я не буду объяснять. Скажу, что ничего не вынюхиваю, а у человека просто с головой не в порядке. Почему я как обычный гражданин не могу за ним ходить? Дороги-то общие. Как обычный гражданин я имею право осуществлять, если хочу, видеосъемку. А разного рода «жучки» я и как частный детектив не имею права устанавливать. Все равно это делается тайком.

«Тот же совковый принцип»

— **Получается, ни от той работы не было полного удовлетворения, ни от этой.**

— Получается так. Там мы ночами не спали, работали как каторжные по 24 часа в сутки ради идеи. А сейчас идея другая — нахапать побольше. Имея возможность получать деньги, люди меняются очень сильно. Они забывают, что рядом с ними работают другие, которые тоже чего-то хотят. Если бы в тех коммерческих структурах была бы хоть какая-то видимость даже не справедливости, а элементарного здравого смысла. Да ничего подобного! Настолько много дури, ухарства, бесполезных трат. Получая из рук хозяина приличные деньги, работник никогда слова не скажет против, какие бы абсурдные идеи ни воплощались. Понимаете? Тот же совковый принцип. Самое страшное, когда старые отношения переносятся в новую сферу.

— **Вам лично это мешает?**

— Непосредственно — нет. Но когда я вижу, как только что принятый на работу сын руководителя едет за границу по путевке, которую ему оплачивает предприятие... Или пачками отправляются туда же не имеющие к нам никакого отношения, но нужные люди... Когда все имеет тот, кто умеет вовремя прогнаться, а тех, кто высовывается, как раньше били по носу, так и сейчас бьют, — мне это не нравится.

— **Но ведь таким образом хозяин теряет возможность заработать дополнительные деньги.**

— Вот это меня и поражает, хотя какое-то объяснение я нахожу. Ведь сейчас у нас идет не просто прибыль, а сверхприбыль. А тут уже нет прямой связи с организацией работы. Вовремя место под солнцем захватили — значит, все. Дальше нужны только небольшие усилия. И зачем что-то усовершенствовать?

ИЗ ТУАПСЕ В МОСКВУ ПО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

В три часа ночи на станции Туапсе мы сели в вагон № 2 поезда № 122 Адлер—Москва. Взглянув на наши билеты, проводник сказал, что, кажется, два места уже заняты. Вскоре выяснилось, что заняты четыре наших места из пяти. Мы потребовали у проводника показать нам двойные билеты на наши места. Он отказался и вместо этого стал проверять билеты у пассажиров. Впрочем, продолжалось это недолго, так как первые три проверенных пассажира ехали не на своих местах (на наших), а на их местах сидели другие трое пассажиров, чьих билетов у проводника не оказалось. Пассажиры эти заявили, что билеты им достал начальник станции и мест они не освободят. Проводник отказался что-либо делать и ушел. Пришлось нам занимать места какие попало, свободными оказались лишь боковые в разных частях вагона.

За комплект белья проводник запросил 500 рублей. Нам показалось, что это дороговато, и мы обратились к начальнику поезда. Тот отказался вмешиваться и заявил, что «белье стоит от 500 до 1000 рублей» (цитирую буквально). Однако через некоторое время мы узнали, что в соседнем вагоне проводники, собрав поначалу по 400 рублей за комплект (себе в убыток, вероятно, начальник же сказал — от 500 до 1000), по 200 рублей вернули обратно. Когда же мы обратились за разъяснением этого удивительного факта к нашим проводникам, те заявили, что знать ничего не знают, при этом один из проводников непристойно обругал пассажирку и пытался ее ударить.

В течение следующего дня пути выяснилось, что один туалет в вагоне закрыт, а другой ужасно грязен (грязен был, впрочем, и весь вагон), и раковина в нем засорена. На просьбы прочистить раковину проводники, естественно, не реагировали, не говоря уже о просьбах вымыть туалет.

Пришлось снова идти к начальнику поезда. Тот, наконец, соизволил явиться в наш вагон и, закрывшись в купе проводников, провел там

около часа. В конце концов он вышел и сообщил, что по 300 рублей нам вернут и раковину прочистят, что и было сделано, правда, после неоднократных наших напоминаний.

В конце поездки некоторые пассажиры пытались получить у проводника свои билеты, но их у него почему-то не оказалось.

Для лучшего понимания некоторых обстоятельств (в частности, неразберихи с билетами) полезной будет следующая информация: за определенную сумму вы всегда уедете куда вам надо. Из Туапсе в Москву, например, тысяч за 60. Причем такая сумма набегаёт не только из-за жадности проводников. Они делятся и с начальником поезда, и разными проверяющими... Понятно, что сделки такого рода документально не оформляются и доказательств у нас нет, но, поверьте, это так.

Посылая это письмо в «Столицу», мы надеемся, что удастся хоть что-то сделать таким образом для улучшения нашего железнодорожного «сервиса».

**П.МАКСИМУК (от имени
пяти пассажиров)**

Москва

С ОДНОЙ СТОРОНЫ... С ДРУГОЙ СТОРОНЫ...

Простите за неоригинальность, но жизнь, как тротуар на улице: на какой стороне не находишься, всегда есть противоположная.

С одной стороны, старикам везде у нас почет, а с другой — они уже сами не могут вспомнить, кто так сильно пошутил. С одной стороны, молодым везде у нас дорога, даже по бездорожью, а с другой — на этой дороге то шлагбаум, то знак «Проезда нет», то рытье канавы вдоль и поперек.

С одной стороны, в спиртном вопросе изобилие, с другой — с водочкой по три шестьдесят две и пивком по 37 копеек было как-то уютнее. Как ни философствуй, но чудо перестройки — инфляция по советски уничтожает и национальный колорит. Даже хрестоматийное «скинуться по рублю» уходит из памяти, хотя «сообразить на троих» еще осталось.

С одной стороны, собраний стало меньше и получать стали больше, с другой — не купишь ни хрена, и

наши медики, учителя, инженеры и другие пасынки высшего образования плюс примкнувшие к ним пенсионеры уже не ждут повода собраться, а режут правду-матку в лицо заочной демократии по телевизору.

С одной стороны, хорошо там, где нас нет, с другой — потому и хорошо, что нет. С одной стороны, дети — наше будущее, с другой — переполнены детские дома, сиротство при живых родителях, рекорды по заражению СПИДом в больницах.

И вот тут хочется спросить: на референдуме голосовали за то, что любим президента, или как за наименьшее зло на альтернативной основе?

Е. ЛАПИН

Новороссийск

ЖИЗНЬ СУРОВА, НО ЭТО НЕ СТРАШНО

Я хорошо понимаю пафос журналиста В.Разуваева («Тайна двух поцелуев», «Столица», № 38) в отношении Валерия Брумеля — никто его практически не помнит, денег не хватает, скромная жизнь... и снимок на фоне чужого «Мерседеса». Все это ужасно, но я совершенно точно знаю, что у Брумеля в 1967 году был свой «Мерседес» (голубой или серо-голубой — не помню). Тогда таких машин почти ни у кого не было. И был тогда Брумель красив и удачлив и женат на Лене Петушковой.

Кто же виноват в том, что он пустил свою жизнь коту под хвост? Да, жизнь сурово с ним распорядилась — эта жуткая авария, ее последствия, мучительное, долгое лечение. Да, наш большой спорт живет по волчьим законам, все подминает под себя, выжимая человека до капли и выбрасывая потом за ненадобностью. Но что же сам человек? Почему он позволяет так собой распорядиться?

И не надо умиляться сейчас брумелевской нищетой. Надо вовремя помочь человеку обрести достоинство, чтобы он с толком мог устроить свою будущую, уже не спортивную жизнь.

И.АВЕРЬЯНОВА

Москва

Алексей БЕЛЯКОВ

В ОЖИДАНИИ «НОВЫХ ХИППИ»

«Эй, пипл, пошли аскать на батл»¹ — кричит некрасивая девочка в длинном свитере. Пять-шесть узкоплечих мальчиков с длинными волосами поднимаются со скамейки и разбредаются в разные стороны с тем, чтобы минут через пятнадцать собраться здесь же, у памятника «Гоголю от Советского Правительства», пересчитать мелочь, роняя пятнашки, и двинуться всей тусовкой к ближайшему винному, истерично распевая «We all live in a yellow submarine».

Не станем их задерживать. Обойдемся и без описания дальнейших событий этого летнего дня. Тем более что сквозь сумасшедший алмаз минувших лет автор уже не без труда различает отдельные лица и детали (кажется, кто-то был в старой шляпе, с пришитыми к полям колокольчиками из магазина «Охотник»). Правда, подозрительно отчетливо звучат в памяти имена людей тусовки: Миша Красноштан, Сольми, Майк Крейзи, еще какой-то Билл Питерский. Еще Марцифаль²... Впрочем, нет это не совсем то.

Хиппы.

Хайр, косяк, стрем, Леннон, шузы, психodelия, совок... Да, между прочим, главным образом хиппам мы обязаны внедрением в общесоюзный лексикон последнего словца, изрядно, надо заметить, уже обрыдшего.

Не волнуйтесь, автор не станет мучить вас своей ностальгией по «флэтовым сэйшенам»³, поездкам «стопом» до Питера и прочей антисанитарной романтике. Ностальгии, слава Богу, и нет.

Теперь время от времени до меня случайно доносятся вести о том или ином человеке из «системы»⁴. Один

завел свою фирму, другой проживает в городе Хайфа, третий ведет музыкальную рубрику в журнале, четвертый — вот с ним беда — продолжает хипповать. Ему за тридцать, т.е. он решил в иронично почитаемый разряд «олдовых» (старых) хиппов. Нет более тягостного зрелища, чем это чахнувшее в смрадной квартире создание с дурными зубами. Особенно когда оно берет гитару и, брызжа слюной, принимается орать вам свои сатирические куплеты десятилетней давности про ненавистный СССР, зловещий Кремль и гнусные партсъезды.

Быть может, такой объект представляет интерес уже для психиатра. Заинтересованный же социолог должен констатировать, что эпоха

советских хиппи благополучно задохнулась несколько лет назад в дымах Перестройки. «This is the end beautiful friend»⁵, — как пел покойный Джим Моррисон.

Они стали нервировать общественность в первой половине семидесятых, подражая своим калифорнийским сверстникам, скудные сведения о которых поставляла газета «За рубежом» и передача «Международная панорама». Называли сами себя то хиппарями, то битлами. Собственно, хиппом мог тогда именоваться каждый, кто отращивал длинные волосы, несмотря на угрозы преподавателя НВП, и слушал на магнитофоне «Комета» хриплые звуки, квалифицировавшиеся знатоками как рок-опера «Джизус Крайст Суперстар».

Но истинными хиппами считались только те, кто выдерживал все тяготы социального осуждения. Важно было неистово гнуть свою линию поведения, не пасовать перед комсомольским собранием. Но это и так хорошо известно.

Собственно, своим мнимонезависимым образом жизни эти ребята пытались проиллюстрировать одну простенькую мысль: «Нам наплевать на вашу социалистическую действительность. Мы хотим жить, как хотим. Нам весело вместе, даже если в кармане нет «прайса»⁶.

Это ни в коей мере нельзя было назвать диссидентством. Куда более годится другой термин — «эскапизм», но и он, если разобраться весьма условен.

Кто-то из советских хиппов тяготел к «безмозглому» року, кто-то к «упадническому» КСП, кто-то к полуподпольным театральным студиям — короче, ко всем тем утехам, что казались подлинными ценностями на фоне «Голубых огоньков», монологов обозревателя Юрия Жукова, и родительских споров на тему покупки стенки. Словом, выражался «пассивный протест» против советского истеблишмента.

Характерно, кстати, что основной контингент хиппующих составляли дети из интеллигентских семей. Многие неплохо знали английский, и каждый второй сносно брнчал на гитаре Шиховской фабрики.

Из советского хипповства выросли Гребенщиков, Шевчук...

Однако в заголовке была заявлена тема «новых хиппи». Теперь, когда мы освежили в памяти прежних, продолжим. «Мы вернемся в студию через одну минуту. Оставайтесь с нами».

Позволю себе сообщить об одном банальном наблюдении из области моды. Совершив очевидной виток, она, затейница, приве-

ла нас к стилю «клеш» и «воротники-бабочки», т.е. ко всем тем дурацким излишествам, что определяли моду семидесятых. Доказывать этот тезис, полагаю, нет нужды: взгляните на экран телевизора во время показа какого-нибудь «Музобоза».

Если мы припомним начало восьмидесятых, то убедимся, что тогдашняя мода на брюки-дудочки и волосы под бриолином вызвала к жизни полузабытых стилиаг. Это, конечно, были уже дети тех, кто плясал опальный твист в конце пятидесятых. Однако интересен тот факт, что мода реанимировала социальный тип. Хотя и в полупародийном обличье.

Теперь же авангардисты-кутюрье рекомендуют самым смелым взять на вооружение все атрибуты хиппизма — воздержусь пока от перечисления. Причем на Западе, судя по прессе, этот процесс уже всюду развернулся. Моя любимая певичка, юная Ванесса Паради стараниями всего своего штата продюсеров и модельеров педантично воплощает образ очаровательной хиппушки.

Наша отвязная молодежь не заставит себя ждать. И тут нам пристало завести речь об очень любопытном историческом моменте.

Дело в том, что сейчас создалась та замечательная ситуация, когда мы можем ожидать возрождения хиппизма не на уровне стилизации, но возникновения этого явления на полном серьезе, только в новом социальном качестве. Объяснюсь.

Худо-бедно к настоящему времени у нас сложился класс так называемых «новых русских». Ну, даже не класс еще, а большая популяция. Прошу заметить, что пополняется она, естественно, за счет молодых энергичных людей. Разумеется, стада перекузчиков затруднительно отнести к этой категории, однако рискнем для упрощения сюжета.

Многочисленные опросы подрастающего поколения демонстрируют, что подавляющее большинство тинейджеров не мыслит своего ближайшего будущего без больших, очень больших денег. Кто метит в банкиры, кто — в крестные отцы, нам сейчас не больно важно знать.

То есть с общественными тенденциями все как будто очевидно.

Однако неизбежна и ответная реакция.

Нет, нет, не демонстрации досадных аниповцев — это как раз запрограммировано изначально и свежей идеи в себе не несет. Речь идет о реакции принципиально нового свойства. Реакция, которая сейчас вырывается в головах тех неведомых мальчиков и девочек, что представляют в опросах как раз «ущербную»

Фото И.Стомахина

часть респондентов. Тех загадочных нонконформистов, что не впадают в грезы, слыша слова «безнал» и «шоп-тур».

В Америке, в конце шестидесятых — начале семидесятых беспокойные дети сбегали от богатеньких родителей. Сбегали порой далеко — в Индию или Багдад, где оседали колониями, над которыми витал неизменный дымок марихуаны. Это повальное сумасшествие называлось в прессе «протестом против общества потребления». Между прочим, справедливо называлось.

Я отнюдь не беру на себя смелость сравнивать наше мучительное экономическое состояние с американским белозубым благополучием. Если семнадцатилетний бунтарь куда и сбежит, то вряд ли дальше станции Голицыно Белорусского направления. Однако разговор идет о социальном стрессе подростка, психологически и ментально не приспособленного к жизни среди поколения, которое что-то неумоимо выбирает.

Такой юноша не станет записываться в подпольное движение «День» или в какую другую оппозиционную тусовку. Потому что это будет означать новую несвободу. Да и вообще, исконно вся связь с политикой у хиппов ограничивалась знаменитым лозунгом. «Make love, not war»⁷. Повторюсь, наши новые хиппи будут порождением экономической ситуации, а не политической. В чем усматривается сходство с американскими «коллегами», но отнюдь не с советскими.

Тут-то и пригодятся проверенные временем знаки отличия: чрезмерно

длинные волосы, обтянутые веревочкой по окружности головы, драные джинсы с бахромой, курточка, расширенная цветами. «Новые русские» так не оденутся даже для посещения рок-концерта. Новые хиппи будут узнавать друг друга издали.

И весь карнавал будет затеян с той лишь целью, чтобы доказать окружающим одну незатейливую мысль: «Нам наплевать на ваши экономические реформы. Мы хотим жить, как хотим. Нам весело вместе, тем более, что вам вместе совсем невесело».

...И в качестве встречи с ветераном будет поход к «олдовому» хиппу из Петроверигского переулка. Ребята угостят его, «совкового» зануду, водкой «Терминатор». Вот только откуда теперь добудут «дети-цветы» деньги? «The answer is blowing in the wind»⁸.

¹ «Эй, люди, пошли стрелять деньги на бутылку!» (хипп. сленг.)

² Самодельный наркотик, изготавливаемый при участии эфедрина. Он же — «джеф» и «сенсимилья».

³ Собрание хиппов на квартире.

⁴ Все хиппующие в совокупности именовали себя «системой». Более нелепое название трудно выдумать.

⁵ «Это конец, прекрасный друг».

⁶ Здесь: деньги (сленг).

⁷ «Занимайтесь любовью, а не войной».

⁸ «Ответ уносит ветер» — название знаменитой песни Боба Дилана.

В год сорокалетия со дня первого покорения высочайшей точки планеты — Эвереста, шестидесятилетия с момента первопрохождения горы номер один бывшего СССР — пика Сталина (впоследствии пик Коммунизма) и, наконец, в семидесятую годовщину того, что называлось недавно «советским альпинизмом», — в такой год воздать и на бумаге дань суровому спорту, как говорится, сам Бог велел.

Александр ЧУМИКОВ

УМНЫЙ И ГОРЫ

А был ли у нас в Отечестве другой, «несоветский» альпинизм? Вопрос более чем интересный. С одной стороны, был: еще в июле 1829 года на восточную вершину Эльбруса зашел проводник экспедиции генерала Г.Эммануэля кабардинец Килар Хаширов. А спустя два месяца дьякон Эчмиадзинского монастыря и будущий армянский писатель-классик Хачатур Абовян со товарищи сумел покорить Большой Арарат. Путешествовали по горам и поднимались на вершины А.Пастухов, П.Семенов-Тянь-Шанский, Н.Пржевальский, А.Федченко. В девяностые годы прошлого века возникают сначала региональные объединения горвосходителей, а затем и Русское горное общество, чей устав утвердил московский генерал-губернатор.

Более того, на мировом альпконгрессе 1900 года в Париже российская делегация оказалась второй по численности. Возглавлял отечественных альпинистов министр царского двора барон В.Фредерикс. Журналисты в этой связи шутили: дескать, лучшим восхождением барона является подъем на Эйфелеву башню для участия в банкете — и, видимо, были не слишком далеки от истины. Как писал в 1912 году член правления Крымско-Кавказского горного клуба Р.Афанасьев, «альпинизма как спорта в России в настоящее время не существует... Задачи чистого альпинизма, как внешние, так и внутренние, известны в широких кругах интеллигенции России почти так же мало, как санскрит». Такой виделась обратная сторона медали.

Впрочем, иные российские интеллигенты, особенно из числа политэмигран-

тов, очень любили провести время в горах. Правда, не в наших. Известно, к примеру, что Владимир Ильич и Надежда Константиновна с удовольствием хаживали на несложные вершины Швейцарских Альп и Польских Татр. Порой составлял компанию вождю и такой персонаж советской истории, как Николай Крыленко. Хорошо запомнившийся массам в качестве Верховного Главкома, прокурора республики и народного комиссара юстиции, он в тридцатые годы параллельно возглавил Общество пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ) и стал одним из первых заслуженных мастеров альпинизма. Характерно, что, в отличие от барона Фредерикса, Крыленко в 1927 году поднялся на Эльбрус, а через два года достиг высоты 6850 метров на Памире.

Список большевиков-альпинистов на убиенном в 1938 году Крыленко не кончается. Горной секцией ОПТЭ руководил тоже старый коммунист (а в период эмиграции — дипломированный проводник в Альпах) В.Семеновский. Приличный опыт восхождений за рубежом имел лидер украинских альпинистов М.Погребецкий. Масла в разгоравшийся огонь увлечения горовосхождением подлили и «зарубежные товарищи» из числа эмигрантов в Советский Союз: скажем, в 1934 году, после разгрома в Вене восстания коммунистов-шуцбундовцев, в СССР прибыл целый отряд австрийских альпинистов. Позднее, как и в случае с Крыленко, многих постигла участь «врагов народа», но до этого австрийцы сумели хорошо поработать на горноспортивном поприще. Так потихоньку прививалось на невосприимчивой ранее почве завезенное

из-за границы увлечение.

Что же касается семидесятилетнего юбилея, то за точку отсчета здесь берется 1923 год, когда две группы молодежи под началом профессоров Тифлисского университета Г.Николадзе и А.Дидебулидзе успешно штурмовали Казбек. А потом пошло-поехало. 1931 — М.Погребецкий, Ф.Зауберер и Б.Тюрин покоряют тьянь-шаньскую вершину Хан-Тенгри, не дотянувшую всего пять метров до семитысячника; 1933 — Е.Абалаков поднимается на пик Сталина (7495 м); 1934 — его брат, В.Абалаков, вместе с К.Чернухой и И.Лукиным восходят на пик Ленина. И еще десятки имен, вершин, сотни новых маршрутов.

К началу войны в СССР сложилась крепкая и своеобразная школа альпинизма. И хотя ее становление проходило под безусловным влиянием упомянутых выше политических факторов, вряд ли тех же братьев Абалаковых стоит считать «детьми» идеологически подкованного, но достаточно безграмотного в альпинистском плане Крыленко. Скорее они сами, молодые талантливые самородки, вошли в отечественную историю в качестве «отцов».

Евгений Абалаков был скульптором, учеником Веры Мухиной. А еще — веселым и везучим человеком, любившим выпить, погулять, поволочиться за женщинами. За ликом Сталина в тридцать третьем последовали другие вершины, потом фронт, возвращение, подготовка к штурму пика Победы и... нелепая смерть в 47-м: умер он не «на горе», а в доме приятеля, в ванной, случайно отравившись газом.

Другой путь уготовила судьба его

брату. В 1936 году, во время восхождения на Хан-Тенгри, Виталий Абалаков здорово «поморозился» — ему ампутировали половину ступни, первые, а кое-где и вторые фаланги пальцев рук. Спустя еще год Виталия Михайловича по традиционному тогда обвинению упекли в тюрьму, где били по изуродованным пальцам и требовали сдать «сообщников». Он ничего не подписал и в 1939-м вышел на свободу. Затем война, Закавказский фронт и вторая группа инвалидов. Кто мог предположить, что это далеко не конец, что абалаковского духа хватит и на создание команды мастеров «Спартака», и на личное участие в рекордных восхождениях?!

Заслуженный мастер спорта по альпинизму, доктор физико-математических наук, профессор Московского физтеха Владимир Кизель вспоминает, как ходил с Абалаковым в одной связке. Тот всегда стремился идти первым. Культяпкой бил ступеньки в снегу, хотя кожа от таких усилий трескалась до крови. Лазал с сильно укороченными пальцами по трудным скалам, уверяя, что вторые фаланги держат лучше первых. Беспощадный к себе, аскет, Виталий Абалаков не искал славы — превыше всего он ставил победу над самим собой.

И еще об «отцах» и «детях». Летом 1942 года в Приэльбрусье вошли 1-я горнопехотная дивизия «Эдельвейс» генерал-лейтенанта Ланца и 4-я горнопехотная — генерал-майора Эгельзеера. Скомплектованные исключительно из альпинистов, горнолыжников и горных стрелков, эти дивизии числились в ряду лучших соединений германской армии.

Им противостояли наши горнострелковые части. От обычных подразделений они отличались тем, что автомобильный транспорт частично заменялся выючным, а вооружение было несколько облегченным. Необходимая горная подготовка, снаряжение в этих частях отсутствовали. Полбеда, если бы необученные парни погибали в боях, но нередко дело не доходило и до боя: замерзали, проваливались в трещины, задыхались в лавинах.

Какова причина? Да такова, что воевать в горах «отцы народа» не планировали; с началом мобилизации отечественных альпинистов призвали в армию на общих основаниях и рассеяли по самым разным фронтам и широтам. В сорок втором, в разгар горной войны, «прозрение» наступило: Верховный Главнокомандующий отдал приказ собирать альпинистов и отправлять на Кавказ. Но время ушло — немцы прочно встали на ключевых перевалах, а в августе того же года случилось нечто и в моральном плане из ряда вон выходящее: на Эльбрусе — высшей точке Европы — взвились штандарты со свастикой.

Спустя полгода флаги сняли. Вот что говорится по этому поводу в одной из

отечественных книг: «Зимой 1942—1943 г. альпинисты — участники обороны Кавказа помогли нашим войскам сбить упорно оборонявшегося врага с «Приюта Одиннадцати»... Фашисты отбили две атаки советских войск. Третьего удара... гитлеровцы не выдержали и начали поспешный отход от Главного хребта...»

А вот как трактует события ветеран «Эдельвейса» бывший офицер 99-й части 1-го горного дивизиона Георг Швильм: «Успешные операции Красной Армии под Сталинградом в ноябре-декабре 1942 года вынудили немецкие части отступить. А нам ничего не оставалось, как догонять их, дабы не оказаться отрезанными. Первого января 1943 года, в соответствии с приказом, мы начали отход из Приэльбрусья.

Разумеется, если бы обстановка на основном фронте благоприятствовала германской армии, мы бы остались на месте. Запасов хватало на всю зиму, а весной мы планировали спуститься в Грузию...»

Страна постепенно возвращалась к мирной жизни, и в ней опять нашлось место альпинизму. Разумеется, по-советски жесткому и бюрократизированному. Каждую «человеко-единицу» постоянно сопровождала анкета в виде «Книжки альпиниста». И спортивная карьера процентов на девяносто зависела от того, насколько быстро будут заполнены клеточки в этой анкете, насколько положительной будет туда же вписанная характеристика: 2А, 3Б, 5А, «хороший товарищ», «активен на bivуаке»... И способные ребята оставались зачастую не у дел, а на престижные восхождения за казенный счет попадали конъюнктурщики.

Но вместе с тем альпинизм был системным, стабильным и доступным. Любой физически подготовленный студент вплоть до 1991 года мог за нес-

колько десятков рублей приобрести льготную путевку на одну из двадцати двух союзных альпбаз. Там поэтапно, шаг за шагом, от разряда к разряду из него «делали человека». По мере продвижения к вершине спортивной пирамиды «человеков» оставалось все меньше, зато все крепче, все мужественнее становились они, а слабые, мелочные, корыстные отсеивались. И ложнобанальные, может быть, для иных областей понятия — «коллективизм», «взаимовыручка» — были в альпинизме отнюдь не абстракциями. Возможно, именно они помогли отечественным горноисходителям занять подобающее великой стране место в мировой альпинистской иерархии.

С 1982 года наши команды начинают штурм гималайских восьмитысячников. Все наверняка читали о той памятной экспедиции на Эверест, но знает ли кто о других четырех? Известно ли россиянам, что и минувшей, юбилейной весной их соотечественники побывали на грозной Джомолунгме?

Рассказывает Владимир Башкиров, покоритель двух восьмитысячников, мастер спорта международного класса по альпинизму: «16 мая, Южное седло Эвереста — восемь тысяч метров. Встаю в два часа ночи, надеваю кислородный аппарат, а он не работает. Пытаюсь «продуть» прибор, но резиновая груша с сильнейшим треском лопаются. Выходит, отступать? Нет уж! Думаю, буду идти до двенадцати часов. Сколько смогу, столько и пройду — хоть сто метров. Зная, что долго тут не протянешь, я все время контролировал свое состояние: в норме оно или не в норме? А вместе со мной шли в кислородных масках испанцы и американцы. Вижу — идем одинаковым темпом, ну и приободрился. Так одновременно с ними к одиннадцати поднялся на вершину. На спуске пошел снег, я брел один и никого не видел. Чувствовал себя совершенно истощенным, хотелось лечь. Но вспоминал о детях и двигался: десять шагов за одного сына, десять — за другого. Занимаясь альпинизмом двадцать пять лет, я знал, что физические мучения преодолимы. Главное, чтобы четко работал мозг, а он меня не подводил. К пяти вечера я вернулся в лагерь...»

Что ж дальше? В нынешнее смутное время большинство альплагерей закрыто, организованный альпинизм агонизирует, государственное финансирование прекращено. В ГКЧС России обсуждаются, правда, перспективы создания на Кавказе школ горных спасателей, вокруг которых мог бы «кучковаться» и любительский альпинизм, да суждено ли идеям сбыться?

Легендарный В.Абалаков

Алексей МИТРОФАНОВ

НЕГРЫ

Фото Э. Куарьявского

вать большие чемоданы на колесиках. В то время как русские передвигались по своим городам с кошелками. Лет через десять после того, как первый негр спустился с трапа в Шереметьево-2 со столь комфортабельным чемоданчиком, русские все же почесались — и изобрели их жалкое подобие, громоздкую железную тележку. Русские ставят на нее свои неизменные кошелки, привязывают их электрическими проводами (как самым крепким перевязочным материалом) — и портят друг другу ботинки в метро.

Куда уж нам до черных гениев.

Мы понимаем превосходство наших шоколадных братьев. Мы отдали им — под посольства — самые красивые дома в Москве. И ходим мимо, с уважением подглядывая через щель в заборе — что же делают на нашей грешной земле эти цивилизованные пришельцы.

Мы стараемся им подражать. Конечно, в меру сил. И каждым летом, когда дожди на время утихают, мы выходим на берега рек и морей, мы валимся на землю, как подстреленные, и надолго замираем — с одной лишь целью — загореть. Стать похожим на негра.

А всякого загорающего негра смело уподоблю пьянствующему идиоту.

И при всем при том евразийцы, естественно, сильно завидуют неграм. Эта зависть вылилась в расизм, в том числе и в расизм бытовой, на который не сыщешь законов. Иной раз спускается вниз по эскалатору какой-нибудь негр-ид — медленно спускается, вальяжно, с сознанием огромного достоинства и превосходства над окружающими. А за ним — наш вечно торопящийся собрат с кошелкой. И думает собрат:

— Ладно бы шел человек, а то — негр, существо подогретое, ему бы бегом бежать да по дороге трижды на светильниках покачаться. Так ведь нет, еле идет. Да еще в пиджаке...

Ибо наш собрат привык вменять в вину пиджак, очки и галстук. И не придет ему в голову: негр — существо исключительное. И должно передвигаться в соответствии со своей волшебной сущностью.

Всякого прогуливающегося негра смело уподоблю движению шоколада по пишеводу.

Доходило до открытой ненависти. Вот, например, из поэмы Есенина:

*Черный человек
Глядит на меня в упор.
И глаза покрываются
Голубой блевотой...*

Разве кто-нибудь из нас может сказать наверняка, о чем думал поэт, сочиняя эти строки? Может быть, в них вылилась черная зависть по отношению к своему коллеге, еще столетие назад застолбившему место величайшего русского поэта?

Негр — он и в Африке негр. А в России — тем более.

Здесь он — существо выдающееся. Избранная нация. Стоящая особняком. Рядом со всем человечеством. А может быть — над человечеством.

Среди нас, евразийцев, есть люди красивые, так себе и крокодилы. Негры же все абсолютно прекрасны. Правда, розовые ладони их немного портят. И, конечно, розовые пятки.

Но самое замечательное, что есть у негра, конечно, язык. Довелось мне как-то встретить двух негров, идущих по подземному переходу. Один из них что-то рассказывал, наверняка веселое, а второй закатил от удовольствия глаза и высунул на всю длину язык. Совершенно черный негр — и розовый-перерозовый язык. Как маленький живой фонарик, он был самым ярким пятнышком во всем подземном переходе.

Впрочем, замечательная внешность негров — далеко не единственное достоинство этой загадочной нации. Ей, к примеру, удалось почти весь век определять музыкальную и танцевальную культуру мира. Джаз, блюз, рок, брейк, рэпп — порождение великих негритянских народов. И с помощью этих, казалось, вовсе не мудреных сущностей они держали в подчинении планету.

Большую роль они играли в развитии русской духовности. Играют и сейчас. Один из служителей церкви Троицы Живоначальной в Хорошеве (Карамышевская набережная, 15) — молодой негр Гуро. И, думаю, не он один — черно-

кожий поборник российского духа.

Да что там говорить, когда и Пушкин, самый гениальный русский гений, — тоже негр. Больше того, негр убежденный. И Андрей Синявский, самый неортодоксальный пушкинист, писал об этом: «О, как уцепился Пушкин за свою негритянскую внешность и свое африканское прошлое, полюбившееся ему, пожалуй, сильнее, чем прошлое дворянское. Ибо, помимо родства по крови, тут было родство по духу. По фантазии. Дворян-то много, а негр — один. Среди всего необъятного бледного человечества один-единственный, яркий, как уголь, поэт. Отелло. Поэтический негатив человека. Курсив. Графит. Особенный, ни на кого не похожий. Такому и Демон не требуется. Сам — негр».

Многие негры похожи на Пушкина.

Впрочем, негры по сей день являются носителями рационального и прогрессивного. И хранят российские традиции. Пожалуй, чернокожие — единственные люди, понимающие, как нужно носить шапку-ушанку. То есть ушами вниз. Завязывая их под подбородком. Ибо для того они и сделаны.

А русские тем временем давно уж шьют фальшивые ушанки — глупые приспособления, уши у которых навсегда зафиксированы в неестественном для них верхнем положении. Больше того, они, по сути, не являются ушами.

Ни одному, даже самому завалачему негру не могла прийти столь глупая и оскорбительная для человечества идея.

Негры — первые, кто стал использо-

ПРЕДЛАГАЮ

Народный целитель международного класса Т.В.Чистякова проводит индивидуальный курс лечения заболеваний: желудочно-кишечный тракт, урология, гинекология, бронхиальная астма, кожные заболевания, снимает порчу, сглаз.

Тел. 476-90-69, с 16.00 до 22.00

Индивидуальные занятия по русскому языку и литературе. В Люберцах. Недорого.

Тел. 284-01-27, Сергей Павлович. Звонить до 17.00, кроме субб., воскресенья.

Эмиграция в Аргентину. Документы на въезд.

Тел./факс (095) 955-34-09.

Курс английского языка. Занятия в Центре.

Тел. 208-15-54, звонить с 9.00 до 14.00.

Покрытие ванн новой эмалью.

Тел. 258-06-14.

Русский язык и литература. Фундаментальная подготовка в вузы Москвы. Индивидуальные консультации. Опытный преподаватель.

Тел. 269-16-78.

Прерывание запоев на дому. Кодирование.

Тел. 404-22-33.

З/П, визы.
Тел. 194-19-26.

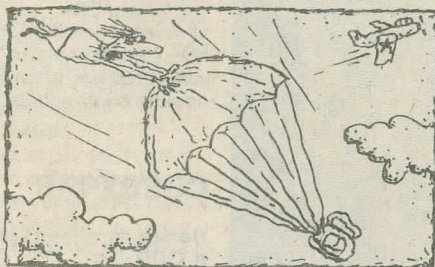
Очаровательных высокопородных щенков афганской борзой.
Тел. 426-51-67.

Специалист по Public Relations предлагает свои услуги.
Тел. 246-98-14, вечером, Татьяна.

Гербалайф — снижение веса, омоложение, оздоровление.
Тел. 197-31-62.

Бесплатно сдам жилье в частном доме, без уд., мужчине или бездетной паре, без прописки, срок согласуем. Отвечу всем.
332440, Запорожская обл., Бердянск—18, до востребования, Проконному НИ.

Любителям дорогих развлечений и острых ощущений прыжки с парашютом.
Тел.: 272-20-38, 490-60-10.

Психотерапевт, кандидат психологических наук. Консультации по проблемам личной жизни, снятие эмоциональных стрессов.

Тел. 427-32-48.

Внештатную работу по составлению указателя по ключевым словам. Необходимо образование по органической химии.

Тел. 155-43-36, Ильина.

Herbalife.

Тел. 187-13-47.

Herbalife. Скидки.

Тел. 177-46-86.

Изготовление и установка бронированных дверей с сейфовыми замками и мягкой обивкой.

Тел. 178-70-88.

Зимнюю дачу в Переделкине. 30 соток.

Тел. 249-31-45.

Детскую шубку из цигейки, размер 30, и шапочку.

Тел. 337-71-72.

Дешевую импортную одежду «сэконд хэнд».

Тел. 516-69-11.

Часы «Cardi Vostok», механические, водонепроницаемые, противоударные, с кожаным ремешком, в футляре, гарантия.

Тел. 187-13-47.

3-комнатную квартиру общей площадью 65 кв.м., полезной — 46 кв.м., кухня 8 кв.м., на 4-м этаже пятиэтажного дома у метро «Октябрьская».

Тел.: 932-38-04, 474-66-01.

КУПЛЮ

Картины Зверева, Яковлева, Штейнберга, Плавинского, Шемякина.
Тел. 151-82-17.

Довоенные книги.

Тел. 306-40-19.

Фотоальбомы 30-х годов.

Тел. 337-72-21.

Книги Я.Чернихова, А.Крученых.

Тел. 337-72-21.

Материалы общества «Добролет».

Тел. 337-72-21.

МЕНЯЮ

2-комнатную квартиру, 30 кв.м, с изолированными комнатами и кухней 10 кв.м, на первом этаже 5-этажного дома у метро «Сокол», и комнату 18 кв.м в 3-комнатной квартире у метро «Октябрьская», на хорошую двухкомнатную квартиру в Центре.
Тел. 943-32-20.

2-комнатную квартиру на Олимпийском проспекте на 3-комнатную квартиру в Центре с доплатой.

Тел. 288-31-67.

3-комнатную квартиру 39 кв.м, комнаты изолированные, кухня 6 кв.м, рядом с метро «Новогиреево», паркет, балкон, с/у раздельный, встроенные шкафы, на 2-комнатную квартиру с изолированными комнатами вблизи метро и комнату.

Тел. 303-67-13.

Две комнаты в Центре (м. «Парк культуры») на квартиру вблизи метро.

Тел.: 246-98-14 до 23.00, 147-50-04 с 10.00 до 18.00, Татьяна.

Однокомнатную квартиру в Крылатском на равноценную в Центре.

Тел. 412-58-27, Нина.

Участок на Южном берегу Крыма (8 соток с садом) с правом на прописку и застройку на «ГАЗ-3102».

Тел. 923-19-71. С 12.00 до 16.00, Мария.

2-комнатную квартиру 37,7/61,7 кв.м в кирпичном доме рядом с м.«Текстильщики» в отличном состоянии на две однокомнатные квартиры рядом с метро, кр. 1-го этажа.

Тел. 173-50-42.

СНИМУ

Семья москвичей снимет 1- и 2-комнатную квартиру.
Тел.: 142-64-19, 924-70-24.

ВНИМАНИЕ

Бывший Московский городской Дворец пионеров на бывших Ленинских горах приглашает бывших участников студии Театра кукол 27 ноября в 18 часов в зал бывшего пионерского театра на празднование 35-летнего юбилея Театра кукол (студия «Глобус»). Справки по телефонам: 939-89-44, Елена Юсим, 928-21-67, Владимир Штейн.

М.М., ВАС ЗНАЮТ ВСЕ!

Юбилейный вечер Майи Плисецкой в Большом театре

Вечер — юбилейный; и блистательная прима имела все основания сидеть на авансцене в царском кресле, обложенная цветами, благосклонно выслушивать пылкие речи вице-преьера, министра культуры, посла Его Величества Короля Испании, неперменного Вознесенского, обессмертившего себя стихами о Плисецкой, и проч. Майя Михайловна поступила своевольно: усадила ораторов в партер и внесла именной пирог за кулисы, предназначив его для съедения, в награду за трехчасовой потный труд, в компании молодых солистов ГАБТа. Мудрая М.М.! Знала, что — выпусти она ораторов на сцену — каждый, подобно Подколесину, принялся бы рассуждать насчет того, какой храбрый русский народ, как он богат талантами и как в самое ближайшее время станет он стократ богаче благодаря президенту и его сподвижникам, срубившим поганые головы бунтовщикам хуже Пугачева. И разумеется, каждый отметился бы в списке избранных: все мы любим М.М., но я хочу вспомнить, как сидел у нее на коленях в одна тысяча девятьсот... дай Бог памяти. Плисецкая, еще год назад в беседе с Андреем Карауловым заявлявшая, что на сцену Большого она,

пожалуй, ни ногой, позволила себе лукавый и решительный жест, равно балетный и футбольный, носочком туфельки рассыпав все построения поклонников и лиц официальных, всю роскошную декорацию с царским тронном на авансцене, где ей предназначалось сочувственно кивать головой и благодарно распливаться в улыбку. Отношения с Григоровичем, звание лауреата Ленинской премии, послужной список, круг знакомств и, наконец, возраст — все осталось где-то в окрестностях гардероба.

Не буду говорить о ее руках — все еще несравненных, все тех же, что и во время оно. Не буду говорить о ее ногах, на которые взирали с обожаньем маленькие балеринки — ее партнерши в «Айседоре» (их взоры пока выше не подымаются). Скажу о ее голове. О уме, которого гениальной танцовщице достало, чтобы за целый век в искусстве ничем себя не скомпрометировать — ни близостью с вождями, ни желаньем подмахнуть толпе. Она блистала в тот вечер. В «Лебеде» Сен-Санса Ростропович был хуже. Но, кажется, самое замечательное — опять-таки ум М.М. и ее великодушие, благодаря коим вечер не превратился в пир во время чумы, но стал чем-то вроде луча, выхватывающего на затемненной сцене дивной чистоты оперение. Роли ходячей статуи Плисецкая предпочла роль первой среди равных (право, другие Лебеди и Кармен были тоже дивно хороши!) — это лучше всех пылких речей свидетельствует

о благородстве, аристократизме искусства М.М. Несмотря на то, что ее искусство все ж таки принадлежит народу.

М.П.

СОЗВУЧИЯ

Вечер Алексея Цветкова в ЦДЛ

Много повидала на своем веку Зеленая гостиная Центрального Дома литераторов — от былых партийных головомоек до грязных денежных разборок последнего времени. И только серьезная литература редко гостила в этих стенах. Тем более приятной неожиданностью стало явление в них поэта Алексея Цветкова — а уж на редкого заокеанского гостя пожаловал и литературный бомонд: от Рейна до Рубинштейна.

Представлявший Цветкова Сергей Гандлевский был предельно краток, а сам поэт и вовсе не сказал ни слова (за вычетом предуведомительного извинения: «Буду читать с бумажки», в котором предлог «с» на месте привычного «по» вводил в соблазн по отношению к некоторым синтаксическим сдвигам в последовавших поэтических текстах: то ли это прием, то ли...). Звучали только стихи — преимущественно более или менее поздние, то есть — более жесткие, резкие, в каком-то смысле прозаичные, подчас отдающие дань тяжелой иронии. И — делающие свое дело: определенно слушатели покидали зал по окончании вечера именно с тем настроением, которое мучительно пережито поэтом. С тяжелым настроением, созвучным жизни. А все-таки — была прочитана, к примеру, строка: «Отверни гидрант и вода тверда» — и покачал головой, словно позавидовав, Николай Байтов — автор самого, пожалуй, значительного шедевра поэтической звукописи последних лет; и стало — настроение, созвучное поэзии, — чуточку легче.

Итар ТАССОВ

СПЕКТАКЛЬ БЕЗ СВОЙСТВ

«Все будет хорошо, как вы хотели»
Театр «Школа современной пьесы»,
реж. И.Райхельгауз

Ни хорошо, ни плохо, ни холодно, ни горячо, ни умно, ни глупо — в общем, ни успех, ни провал: пожалуй, это и есть какой-то новый реализм. Формально эклектичный, а содержательно равный «мыльной опере», спектакль все же слишком короток, чтобы стать уютным зрелищем, куда ходят семьи посмотреть на известных артистов. Три небольших диалога Семена Злотникова написаны давно, развивают бессюжетную по самой своей сути тему прорезиненной влюбленности среднесоветских обитателей окраин большого города и колеблются от полной «чеховоподобной» невнятицы («Мэ-нэ-эсы») через неловкую пародию на модные увлечения («Бегун и йогиня») к претензии на некоторое остроумие («Два пуделя»). Аритмичные и аморфные, эти тексты слишком связаны с теми временами, когда даже шизофрения была вялотекущей, и насыщение их актуальными деталями не может скрыть общей натянутости положений, оправдываемой только романтическим волнением. Последнее, как известно, возникло лет 15 назад при одной мысли, что «все не так, ребята», а теперь не возникает вовсе: слишком уж привычно неправдоподобна жизнь. Страдания одиноких узников городских квартир, согласимся, сложно разделить вожделеющим этих самых квартир; возможно, понимая это, создатели спектакля заставляют Ирину Алферову менять наряды, заимствованные невесты с каких олеографий, и принимать позы фарфоровой статуэтки, а Льву Дурову в одной из миниатюр дарят клоунские клетчатые штаны и апельсиновые ботинки. Оба актера немало танцуют перед седоватыми парковыми кущами, таинственная сень которых таинственна

главным образом потому, что заставляет задуматься, зачем спектаклю вообще глубокая сцена (худ. Б.Лысиков). Общаются актеры и со зрителями, живо и даже панибратски. Те, получив свою порцию смущения, как некий пакетик воздушной кукурузы, награждают спектакль вполне пристойными аплодисментами. Это правильно: на сцене ходят и любят, хотя и не едят и не пьют. Тень несозданных созданий колыхается во сне. Слово лопасти латаний на эмалевой стене (Валерий Брюсов. Творчество). Все будет, как вы хотели. Уже есть.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

МЕЖДУ НОМО PHAGOS И НОМО SEXUALIS

«Баттерфляй»
ТВ России, ТПО «Рок»,
реж. А.Учитель

По жанру это документальный фильм из серии «КПЗЛ» («кинопортреты замечательных людей») о Романа Виктюке и его шумевших шоу-спектаклях, главным образом «Служанках» и «М.Баттерфляй», втиснутый в форму шоу. Как сообщается в титрах, исполнителем роли Романа Виктюка в этом, по замыслу, сверх- или меташоу является сам Роман Виктюк. Выступая в роли самого себя, герой представления неизбежно становится и его ведущим, которому удается без особого труда провести авторов, не раскрыв ни одной из карт, в которые хотелось бы заглянуть. В результате картина не дает ни цельного, ни сколько-нибудь полного или концептуального представления о творчестве самого модного ныне российского театрального режиссера, не интересуясь даже его гомо- и автоэротическими интенциями, разве что показывает бывшую виктюковскую звезду Эрика Курмангалиева, назойливо помахивающего перед объективом своей маленькой штучкой. Не получилось и супершоу,

если не считать супердобавкой периодическое поглощение пищи, которое г-н Виктюк shows перед камерой. Большая жратва, несомненно, эротична (что доказано, в частности, одноименным фильмом Марко Феррери) и символична, однако мэтру на экране далековато до чемпионов в этом виде спорта, а сама его склонность к демонстративной фагии, т.е. поглощению, не получает символической интерпретации. Впрочем, не имея познавательной ценности для тех, кто знаком со спектаклями Виктюка и наблюдал его, так сказать, в натуральную величину, фильм должен быть любопытен для некоторых из прочих, поскольку содержит вполне репрезентативные фрагменты виктюковских постановок и позволяет рассмотреть его крупным планом.

Виктор МАТИЗЕН

ДЭВУШКИ

Выставка Влада Локтева
Галерея «АРТ ПИКЧЕРС ГРУП»

Художник, тьфу ты, фотограф Влад Локтев (на визитке значится «Владислав», в журнале «Студия-М» — «Владимир») любит женщин. Сейчас это редкость, то самое исключение, без которого нет правила. Любит их он очень по-разному, но всегда —

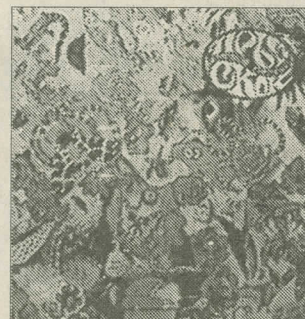
профессионально. Изображает в цвете и черно-белыми. В кофточках, в свитерах — ручной работы и промышленной выделки, в пеньюарах. Обнаженных — нет. Зато в шляпках — велюровых и соломенных, в беретках. Иногда — в невероятной формы кепках. Локтев — апологет женской красоты. В его работах красота зовущая, дурманящая, красота не тела, но движения. Красота порыва. Настоящая красота. Особенно заметна симпатия художника ко всему женскому на фоне полного пренебрежения всем мужским: на стольких-то женщин всего трое мужчин. Гарем какой-то. Чудесный выбор — Локтев живописует мгновение, когда ничего еще не произошло, когда любое чувство — любви ли, ненависти — первоначально, что называется, «не омрачено». Наивно было бы полагать, что в фотографии можно создать что-то новое. Поэтому большинство критиков наверняка расценят творчество Локтева как возвращение к «революционному декадансу», к «стилистике двадцатых годов». Это так и не так. Так — потому что все фотографии с декадентским закидоном. И не так. Поскольку от «салонности», камерности Локтев в своих работах счастливо ушел. И вдруг оказалось, что штаны спустить можно тоже красиво. И что девушка, благородным этим делом занятая, способна готовить себя не только к «великим свершениям», но и просто... шутить.

Эдуард ДОРОЖКИН

ЕГОР И О...

«Прыг-Скок (детские песенки)»
Гроб Рекордс и СП
«Апрелевка-Саунд Инк»

По цензурным соображениям не могу сказать, как называется команда, помогавшая сибирскому поэту Егору Летову в записи диска. Безусловно, его новый альбом — это событие. Тем более событие, что это второй альбом Летова на

«виниле». Ключ же к загадке, которая заключена в букве «О», найдут те, кто купит альбом и развернет вкладку. Правда, здесь Егор выступает без своей прежней команды «Гражданская оборона». В записи ему помогают Джо Жевтун (бас) и Кузя УО — все прочее, кроме вокала, голоса, гитары, баса и ударных, которые Егор Летов, видимо, приберег для себя. Надо сказать, что вряд ли «Прыг-Скок» привлечет внимание широких масс фанатов «ГО». Слишком мало в ней крепких словечек, жесткого панк-рока и музыкального беспредела. Пластинка представляет материал 1990 года, ранее выходящий только на магнитоальбоме. Не являясь ранее большим приверженцем творчества Летова, хочу сказать, что вещи «Маленький принц возвращался домой» и «Иваново детство» заставляют взглянуть на его работы по-новому. Вообще «Оборона» отпугивала от себя не столько матом, который у них самоцелью не является, сколько толпой, которая, кроме мата, ничего не слышала и перла на «ГО», отпугивая тех, для кого в действительности писал Егор. Думаю, что этот альбом Летова все расставит на свои места. Надеюсь, что толпа малолетних панков схлынет, а любители сибирского поэтического слова получат удовольствие. Если, конечно, смогут. Тираж-то всего 2500 экземпляров... Вот такой прыг-скок!

Алексей ПЕВЧЕВ

Лия АХЕДЖАКОВА: «ВСЕ МЫ — ТРУДНЫЕ ЛЮДИ»

Выступление Лии Ахеджаковой по Российскому ТВ в ночь с 3 на 4 октября стало настоящим событием. Маленькая хрупкая женщина сказала о происходящем так пронзительно искренне и эмоционально, что все сидевшие рядом и говорившие до нее здоровые и сильные мужики показались на этом фоне просто неживыми. Причем вне зависимости от того, какой позиции придерживались.

— Лия Меджидовна, говорят, что ваше замечательное выступление произвело громадное впечатление и на президента. Якобы именно после него он принял окончательное решение о вводе войск в Москву.

— Я не знаю, что пережил президент за эти сутки. Я его выбирала и не хочу его ни в чем упрекать. Думаю, голова у него болит за Россию не меньше нашего и не меньше нашего он не желал крови. Думаю, было ему бесконечно трудно в это кровавое воскресенье...

— Ваше тогдашнее выступление, по-моему, было для вас вполне естественным: вы ведь давно заняли активную политическую позицию.

— Пожалуй. Я была в числе актеров, принявших участие в акции «Деятели культуры за референдум». Более того, я попала вместе с писателями и артистами в довольно рискованное дело — отправилась в Татарстан. Ситуация там накалена была так, что не до референдума. Мы пытались

объяснять, что если к власти придут мажоры, то все их скважины вместе с заветным КамАЗом возьмут в одну минуту на танках и истребителях — с земли и с воздуха разом. Мы просили их помочь нам своими головами предотвратить гражданскую войну. Сначала играли людям концерты, а потом обращались к залу, стараясь не обидеть, не навредить. Убеждали, просили. Проголосовало всего 20%, но... могло быть меньше.

— **Давайте все-таки поговорим о театре. В репертуарном листе «Современника» на сентябрь было заявлено четыре ваших спектакля (и это при том, что сезон открылся только девятнадцатого числа) — «Стена», «Крутой маршрут», «Квартира Коломбины», «Трудные люди». То есть практически через день вы выходили на сцену...**

— В октябре «моих» спектаклей было еще больше. И это естественно: когда в театре отсутствует кто-то из ведущих актеров, (а сейчас временно отсутствует Неёлова), нагрузка на остальных увеличивается. Зато и я, если мне вдруг понадобится куда-то уехать, надеюсь, могу рассчитывать на помощь и понимание своих коллег. Позвонила я как-то Гафту и спрашиваю: «Сможешь подряд сыграть «Кота домашнего средней пушистости», «Ревизора» и «Вирджинию Вульф»?» Он мне ответил: «Что делать, Лилек, сыграю». А это ведь очень тяжелый труд — каждый день (или очень-очень часто) играть.

— **Выдерживаете?**

— Пытаюсь. Хотя у меня, кроме спектаклей, еще и концерты, и съемки. Трудно, конечно, если эту работу делать честно, без халтуры. А так-то... Незамысловато, не утруждаясь — сколько угодно.

— **Но, несмотря на занятость, вы, по-моему, довольно часто бываете и на разных артистических «тусовках», презентациях и т.п.**

— У меня нет по этому поводу комплекса: сюда стыдно, туда стыдно, не дай Бог, кто увидит. Я человек не амбициозный. Раз приглашают — значит, хорошо ко мне относятся. И если это мои знакомые или просто достойные люди, я с радостью иду. Когда есть силы и время. Поехала я как-то в Питер на презентацию биржи «Гермес» — пригласили в концерте поучаствовать, и знакомство самым неожиданным образом продолжилось: появился в «Современнике» очень хороший спонсор.

— **Видимо, есть в вас какое-то «коммерческое» обаяние.**

— Да не во мне дело. Есть обаяние у «Современника». Сейчас все театры пользуются «неформальными» вливаниями, а сильному театру, крепко

стоящему на ногах, легче и веселее помогать, я думаю.

— **А не унизительно просить деньги?**

— Слава Богу, те люди, которые помогают моим друзьям-кинорежиссерам и театру, как бы не унижают. Ведь сказано: милостыня не грех, а рука дающего не оскудеет. Да и мы не побирушки, мы — русская культура.

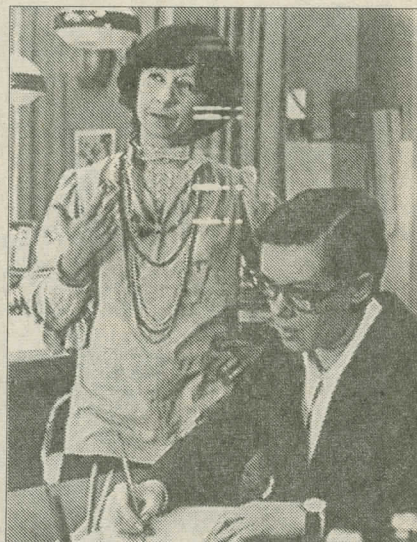
— **В «Современнике» вы уже 15 лет. Неужели за все эти годы ни разу не возникало соблазна перейти в какой-нибудь другой театр?**

— Соблазны были, но я как-то устояла. Трудно очень было, когда уйти из театра требовали обстоятельства: несложившиеся отношения с кем-то из руководства, отсутствие работы отравляют жизнь, собственная ненужность унижает, убивает веру в себя, становишься зажатой и бездарной. Я как-то перетерпела: жалко было расставаться с друзьями, с любимыми партнерами... с уютным нашим домом.

— **Валентин Гафт в обширном интервью «Литературной газете» мимоходом сообщил, что не будет играть в новом спектакле, поскольку ему не понравилось, как Кваша распределил роли. Я ни в коем случае не призываю вас давать оценку действиям ваших коллег, но все-таки... По вашему мнению, подобные вопросы можно выносить на газетные страницы?**

— Я отношусь к тем людям, которые все, что для них мучительно, трудно и свято, предпочитают хранить в себе, а не предавать огласке. Гафт и Кваша — друзья и разберутся без «Литературки». Они вместе работали и будут, я думаю, еще работать. Просто мы все — «трудные люди», мы любим друг друга, но мы — «трудные» и часто делаем больно любимым, партнерам, друзьям.

Вот Театр на Таганке в этом смысле, по-моему, переступил черту дозволенного: вовлек массового зрителя в театральную «кухню». Самое дурное, что может быть в театре, оказалось на поверхности. Причем ведь зритель тоже разный бывает. Есть, условно говоря, элитарный — театральный, а есть охочий до сплетен, который в театр никогда не пойдет, а актеров знает по слухам, по презентациям и фотографиям в газетах. Ужасно, что в тех страшных, трагических обстоятельствах, которые переживает сейчас Театр на Таганке, видно вмешательство толпы, виден нездоровый интерес к чужой беде совершенно посторонних людей. Знаете, ведь даже на похоронах есть зеваки-зрители. Даже у «Белого дома» — вы видели эту даму с собачкой, женщину с ребеночком на руках, зевак на крыше...

Кадр из фильма «Служебный роман»

— **Вы живете довольно далеко от «Современника». Не боитесь после спектаклей возвращаться домой по нынешней-то ночной Москве?**

— У меня, к счастью, есть машина. Можно сказать — старушка, восемьдесят пятого года, да и я ее очень загнула. Но машина — роскошь, свобода. Я к ней привязана, как к собаке. Не знаю, когда куплю новую. Другие времена настали.

— **А какие? Вот, скажем, публика в «Современнике» изменилась?**

— Меняется, я это нутром чувствую. Но вот сформулировать — как — не могу. Да и воспринимаю я зал не разумом, а скорее, инстинктом, кожей его ощущаю, кишками.

— **В «Трудных людях» у вас довольно жалкий персонаж, вы играете одинокую еврейскую женщину Рахель...**

— Почему жалкую? Она кроткая, она светлая, она притягивает и утешает одиноких.

— **А вы встречали своих персонажей в жизни?**

— Я их встречаю прежде всего в себе. Я и Рахель, и Коломбина, и Маргарита Мостовая из «Стены», и Фима Калистратова из «Небес обетованных», если хотите...

Маргарита Мостовая, пожалуй, более всего. Я не считаю, что эта роль — моя удача, что-то там недоделано. Мне редко удается ее сыграть так, как хочется. Я путаюсь между формой, которую дал режиссер, и чисто жизненным восприятием — тем восприятием, которое я вынесла из своей жизни, из жизни моей мамы, вообще из жизни того Майкопского театра, в котором прошло мое детство.

Помните, администратор Феликс Пузин летит на самолете и разбрасывает листовки: «Все на концерты Маргариты Мостовой!». А оркестранты и Маргарита едут «на площадку», в «район», в ледяном автобусе. Таких Феликсов я по сей день встречаю по всей России. Как говорит Пузин: когда в зале полтора человека, а в городе ансамбль лилипутов, очень трудно торговать искусством.

Вы не поверите, но однажды нас — концертную группу актеров «Современника» — занесло в дом культуры имени... И.И.Сусанина. С бюстом Сусанина во дворе. На стенах — в два пальца иней. Наши актеры должны были играть «А поутру они проснулись» — раздетые, в одних простынях. Сзади на этой крошечной имени И.И.Сусанина сцене висел лозунг: «Народ и партия — едины», белым по красному сатину. И из того же сатина занавес. Это был дом отдыха И.И.Сусанина и совхоз, кажется, имени того же крестьянина. Этот И.И.Сусанин памятен мне еще и тем, что все до единого ребята тогда заболели. А администратор филармонии был один к одному Феликс Пузин в исполнении Гарика Леонтьева.

Я в детстве ездила по этим клубам с мамой и папой, потом с «Современником» — с концертами всю Россию объездила, да и сейчас все тот же Пузин, тот же И.И.Сусанин! Это вечная судьба русского театра, филармонии, эстрады: поезда, холодные клубы, автобусы... Помню поезд «Москва—Ереван»... Года три назад. Мы ехали на нем до станции Лозовая. Вагон с выбитыми стеклами. Миша Жигалов, друг мой и партнер еще со времен И.И.Сусанина, заткнул их матрасом. Простыни мы сушили своими

телами, холод собачий. У меня с собой был костюм тети Сони из «Спешите делать добро»: макинтош, кашне, панамка. И я это все на себя надела и так спала. Моя подруга Алла Покровская, профессор, народная артистка, спала, надев Мишин игровой костюм — синий шерстяной «партийный» костюм.

И все равно мы любим эти поездки. Встречают так нежно, так радушно, нас ждут, нам рады и благодарны. А города какие? Великий Устюг, дивный, роскошный Великий Устюг, Витебск, Питер... Бог дал нам увидеть Вологду. Там такие иконы, там такие храмы, там деревянные кружева... Великий Устюг сохранился практически полностью — город сдал совдеповцам колокола со своих храмов, может, за это его и не тронули. Он, слава Богу, сохранился, но храмы почти все заброшены, стоят холодные, ждут. Есть невероятные энтузиасты, потихоньку, медленно отмывают, собирают по кусочкам эту уникальную культуру.

— **А залы — полные?**

— Вы о концертах? Сейчас — да. Бывали и пустые, и все равно надо хорошо играть — люди пришли за праздником, за искусством.

— **В таких случаях вы переживали?**

— Нет. Я же знала, почему зал пустой. Не умеют работать местные администраторы, обленился «Феликс Пузин», запустение, бедность. Поэтому пришли только самые дорогие зрители, которые даже в страшной бедности и запустении умудряются следить, смотреть, читать, думать, впитывать.

— **Такие люди были и в вашем родном Майкопе?**

— Были. Ну что Майкоп? С Майко-

пом мы простились давно. Вышли на пенсию — и уехали.

— **Кто вышел на пенсию?**

— Мама, папа. Мама была актрисой Майкопского областного театра, папа — его главным режиссером.

— **Какие роли играла мама?**

— Разные — главные и неглавные, трагические и смешные. Островский, Толстой, Шекспир... Она была очень хорошая актриса. Ее любили в городе. Несмотря на послевоенную всеобщую нищету, ставили Шекспира, Шиллера... Ну и «Кремлевские куранты», «Любовь Яровую». А как же? Провинциальный театр — это вечная боль и горькая участь российской культуры. Но и надежда...

— **А как вы оказались в Москве?**

— Поступила в ГИТИС. На курс Чистякова Михаила Петровича в адыгейскую студию. А Светлана Леонидовна Собинова, дочь знаменитого певца и супруга Льва Кассиля, ввела меня в свой дипломный спектакль. Потом, когда в ТЮЗе ставили «Будьте готовы, Ваше высочество» по книге Льва Абрамовича, он взял и отвел меня туда. Так что, еще будучи студенткой, я уже играла в ТЮЗе. Тогда там работал Борис Гаврилович Голубовский, и он очень по-отчески ко мне отнесся.

Я долго и много играла в ТЮЗе. Играла с Л.Н.Князевой, замечательной актрисой, царство ей небесное. Но репертуар у меня был весьма специфический: мальчики, животные, насекомые, курочки, зайчики, мушки, козляки, иногда даже неодушевленные предметы.

— **В серьезной работе вам эта школа помогла?**

— Это тоже была серьезная работа. Но, думаю, кое-что я поняла в профессии очень поздно, пожалуй, после «Коломбины». Мне очень помог и поддержал Р.Г.Виктюк, я делала с ним три работы в театре — «Коломбину», «Стену» и «Мелкого беса». Это была мучительная, но очень дорогая мне школа.

— **Кто вас пригласил в «Современник»?**

— Меня никто не приглашал. Я напросилась. Тогда заболела Л.И.Добржанская, и я сыграла ее роль в «Записках Лопатина». Потом тяжело заболела Богданова Антонина Павловна, и я сыграла ее роль в «Вечно живых». Антонина Павловна прислала мне свое благословение из больницы. Так получилось, что я встала в строй вместо павших, как на войне. Так и жила. И еще иногда снималась в кино.

— **У Рязанова?**

— Да.

— **А как он вас нашел?**

— По телевизору показали кусочек

фильма «Ищу человека». Крошечный эпизодик...

— **И он тут же вас отметил?**

— Не отметил — он меня пригласил сниматься. Я сыграла в четырех его фильмах — «Ирония судьбы, или С легким паром», «Служебный роман», «Гараж» и «Небеса обетованные».

Рязанов всегда появлялся в моей жизни, как волшебница из «Золушки», как добрая фея; когда мне очень трудно, когда у меня тупик и судьба не благоволит, вдруг звонит Рязанов: «Лиичка, есть хорошая роль». А работа — это уже надежда, выход.

— **Недавно по Российскому каналу снова показали «Служебный роман». В этом фильме вы не просто играете какую-то роль, вы как бы олицетворяете эпоху.**

— Есть хроника, а есть фильмы Рязанова. В них время, люди, их заботы — словом, все то, что называется исторической эпохой и национальным характером во времени и географическом пространстве. Все рязановские персонажи — живые, выхваченные из жизни люди.

— **Вам не обидно, что эти персонажи «ушли из жизни»? Что их и ге-**

роев, скажем, Петрушевской сменили, условно говоря, герои...

— ...Пьецуха, Попова, Коляды, Сорочкина... Но и герои Петрушевской не уйдут. Что вы? Они тут, рядом с нами, голодают, ловчат, выкручиваются, плачут — бессмертные Смирновы, Светы и Толики.

— **А кто вам милее — новые герои или старые?**

— Это неважно, кто милее. Новые то к сегодняшней жизни или уже приспособились, или еще приспособятся. А вот старые, «бывшие»... Ведь моя Верочка из «Служебного романа» никуда не пропала. Только вот как там она? Надеюсь, что извернулась. А если нет? А может, она от нищеты, безысходности, с дурной головы пошла к «Белому дому» с красным знаменем. Хотя за нее я более или менее спокойна: в ней было что-то если и не от ума, то хотя бы от реального взгляда на жизнь. Практичная Верочка, скорее, «челночит» в Китай или в Турцию — не до политики.

— **Вы как-то почти не играли в классике. Это что — принцип?**

— Да что вы... Я вот мечтала сыграть Шарлотту в «Вишневом саде». Но

жизнь проходит, а Чехов в ней так и не появился, почти. И Шекспир мимо меня прошел, и Достоевский, и Гоголь. Единственный раз удалось мне сыграть в «Дядюшкином сне» у Саши Орлова. Единственный раз! Увы, актерская судьба сильно зависит от времени, от спроса на данную индивидуальность, от того, какие режиссеры работают в театре, какова совместимость с ними человеческая и творческая, и т.д. и т.п.

— **Лия Меджидовна, вы — заслуженная артистка России. Вам этого не мало?**

— Нет, не мало. Я говорю это искренне. Награды и звания — это милый знак внимания, который может быть, а может и не быть. А настоящая награда артисту — это любовь зрителя. Вот это заслужить очень трудно. И самое страшное — и вознесут, и полюбят, и наградят, но и с легкостью забудут, будто ты не жил никогда, будто не любили, не рукоплескали...

Эдуард ДОРОЖКИН

Фото Э.Кудрявицкого

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ СКАЗКИ

ВЕРА В МУЖЧИН.

ЛЮДМИЛА ПЕТРУШЕВСКАЯ

Плотве Клаве как-то пришлось дать в рыло клещу Юре, который буквально испортил ей день рождения, напился пьяный, вцепился в Клаву и признался ей в любви при всех, в том числе и при живой жене клещу тете Оксане.

Но тетя Оксана восприняла эту пощечину плохо, молча собрала мужа, завязала ему штаны узлом, закинула его за спину и уволокла, в первый раз, что ли.

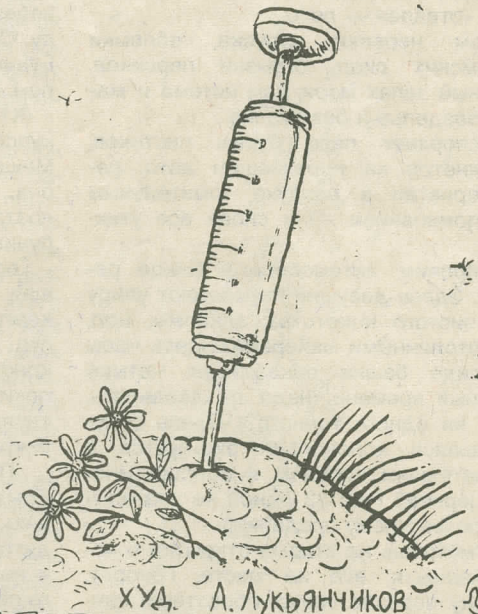
Плотва Клава потом приходила извиняться за пощечину, принесла клещу тете Оксане баночку икры собственного посола и т.д.

Но надо сказать, что клещ дядя Юра в трезвом виде, что называется, себя не помнил, сидел надувшись, смотрел футбол (наши против зарубежной сборной энцефалитных), тетя Оксана поставила чайник, о любви речи не было.

Разочарованная плотва Клава собралась было уходить, но тут в нее впились дети, потащили к себе играть в «больницу», все-таки дети слишком настырный народ, напропалую ставили ей уколы как бы понарошку, и Клава еле выбралась из помещения, ничего себе игры.

И Клава в очередной раз поклялась не верить мужчинам.

Предыдущие «Дикие животные сказки» читайте в №№ 22-43

ХУД. А. Лукьянчиков

Николай МАЛИНИН

ЭТОТ «ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ» В.В.

Заметки недоуменного с первых розановских чтений о Ельце

...Пусть некоторые и талантливые,
да это все равно. Все равно с точки
зрения Костромы, Ельца, конкретно-
го, жизненного.

В.В.Розанов. Уединенное

Как-то раз умный
литературовед Олег Дарк
уговаривал моего приятеля
написать «что-нибудь» о
Розанове. Приятель
отказывался, боясь, что
получится «неинтересно».
— Что вы! — удивился Дарк,
— разве о Розанове можно
«неинтересно»?
Увы, оказывается, можно.

Зори над заливом,
розовые очень;
Чайки на просторе,
мору нет конца.
Жил бы я у моря,
в Ялте или Сочи,
Если бы на свете
не было Ельца!

В Ельце Розанов прожил пять лет, судьбоносных событий имел два: здесь он был дискредитирован как философ (приятель, выпивши, помогил на его трактат «О понимании»), и здесь он нашел «друга» — Варвару Дмитриевну.

Оба эти факта были преданы тщательному муссированию. Краеведы говорили о «диалектике елецкого бытия Розанова» (диалектика заключалась в том, что днем супруги ссорились, но к вечеру непременно мирились, мирились — и ссорились, ссорились — и мирились), философы же шепотом признавались друг другу, что трактата так никто до конца и не дочел, а публично сопоставляли идеи В.В. с ноосферой Вернадского, работами Чижевского и Докучаева.

Владимир Катаев воздвиг рядом с В.В. Чехова, который мучился той же проблемой непонимания и написал о ней целую пьесу («Иванов»); дискутировал с Галковским, считающим прототипом Беликова самого Чехова, и предлагал взамен Розанова и публициста «Нового Времени» Михаила Меньшикова; доказал даже, что полемика последних цитируется в чеховском рассказе.

Раиса Алейник протянула ниточку интриги к Вильгельму Дильтею: тот обосновал свой метод «понимания»; говорил, что у человека нет истории, но сам он есть история. То же самое (правда, без дильтеевской проработанности) есть и в розановском трактате: мировая история есть история внутренних переживаний человека; история есть дух, только он один и имеет историю.

Увы, к «переживаниям» В.В. розановедение относится строго. Можно сказать, научно. Зато все «покупаются» на его «приколы» и наивно строят на них какие-то концепции... Но ведь на розановские «идеи» невозможно опереться, они шатки и сомнительны,

В етер археологом копошится в груде опавших листьев.

В «отвале» — лето.

Там черепки отпуска, обломки крымских скал, огрызки персиков, пряный запах моря, там истома и жара, безделье и безмыслие...

Вспорхнет пара бурых листиков, потянется за проехавшим авто, перевернется в воздухе томительным воспоминанием — и снова все утихнет.

Впрочем, автомобиль в Ельце редок. Здесь девушки перебегают улицу из чистого кокетства: знакомы, мол, со столичными манерами. Здесь часы в виде башни показывают четыре разных времени (надо ли добавлять, что ни одного точного?). Здесь облупившаяся колокольня рифмуется с облетевшим тополем и вообще много церковью («до 33 одной не хватило» — по местному преданию).

Смотришь на старые открытки и поражаешься: все на месте. Говорят, Ельцу повезло, когда областным центром был выбран Липецк — туда уш-

ли все силы строителей коммунизма. А здесь даже дорогу, которой одна небезызвестная училка шла на могилу Оли Мещерской, можно пройти с Бунининой в руках, как с путеводителем, и не ошибиться.

(Кто-то из москвичей спросил экскурсовода: «А тот холмик — ну, Оли Мещерской, — он сохранился?» Вот она, подумалось, животворящая сила поэта! Даже антоновка здесь — и та бунинская.)

Город набит яблоками, как хорошая «шарлотка». Пирог с яблоками, компот из яблок, ведро оных по двести рублей, даже среди участников конференции был один Яблоков. Яблоки выкатываются из-под заборов, катятся вниз, к рынку, и начисто перекрывают всякое гужевое движение.

...Пока Москва дискутировала о Ельцине, мы обсуждали кафе «Ельчик», где полноценный обед обходится в 200 рублей, а завтрак — в 50, и наслаждались творчеством местного пенсионера В.Чеусова, чьи стихи дадут сто очков вперед всякому Пригову:

если... вообще существуют. Опирается можно лишь на самого В.В. — но это тяжело, на это мало кого хватает.

А тех, кого хватает, — в Ельце не было. Не было Виктора Сукача, Дмитрия Галковского, Сергея Носова, Виктора Ерофеева, Олега Дарка, Михаила Берга... Не приехал (а теперь уже никогда не приедет...) Владимир Турбин и не поведал, за что Розанов любил Бахтин... А какой смысл устраивать конференцию без спора, скандала, драки или, на худой конец, диалога? Собственные свои мысли можно обнародовать в прессе, зачем куда-то ехать?

Угнетающе мирной была эта конференция — так, словно бы Розанов не Розанов, а Тургенев какой-нибудь или там Гончаров... Неподдельным гневом звенели слова одного из филологов: «Розановские чтения должны проходить под хруст воспетого тем огурчика (с прилипшей к нему укропкой), и странно, что местные власти не выкатили соответствующую кадушку!»

Зато на три четверти заполнили зал студентки Елецкого пединститута, организатора чтений. Несчастные девушки оживлялись только при слове «гомосексуализм», а потом прислали на нашу «камчатку» такую записку: «Напишите нам, пожалуйста, какой-нибудь умный вопрос, чтобы мы могли задать его докладчику!»

Пытались по традиции ставить Розанова «в пары»: с Пушкиным и Пришвиным, Магницким и Мережковским, Блоком и Гоголем. Но все он как-то расплзался, выскальзывал, обволакивал своего визави... и уже непонятно было: где тот, а где В.В.

Тем не менее В.В. назывался предтечей Пруста и Джойса (в том смысле, что «душа творит»); как великий думатель противопоставлялся однообразному Шестову и «пленнику одной идеи» Бердяеву; Евгений Яблоков охарактеризовал платоновский «Чевенгур» как симбиоз идей русских философов начала века (в т.ч. и розановской оппозиции «лунного» и «солнечного» начал); Валерий Фатеев «опустил» Мережковского, заявив, что «большинство своих идей Мережковский заимствовал у Розанова» и вообще в сравнении с В.В. не канает; милейший организатор чтений Владимир Кривонос подробно расписал, за что В.В. не любил Гоголя и как революция обнажила демонизированное мертвое пространство, которое Гоголь — единственный — видел.

Обаятельно бородатый Юрий Орлицкий, главред «Вестника гуманитарной науки», убедил нас всех, что розановские «короба» — это никакая не проза, а самая натуральная поэзия:

и потому, что печатать каждый «листик» В.В. требовал отдельно (чего, понятно, не соблюл ни один современный публикатор); и потому, что дата ставится под текстом — как в стихах, а не перед ним — как в дневнике; и потому, что здесь работает закон, сформулированный Тыняновым для поэзии, — закон «единства и тесноты стихового ряда», когда объем и смысл находятся в обратной пропорции...

Идеолог чтений Александр Николюкин, главный наш розановед, сказал, что найденное им «Мимолетное» за 1915 год — это все равно что неизвестная повесть Тургенева... И в этой фразе вперемешку с гротеском прозвучала некая печаль: «Вот и Розанов записан в классики, вот и его издадут в пяти томах (первый том выходит в «Республике» в начале будущего года), вот и его проходят в институтах...»

Кто-то вспомнил соловьевскую фразу о Ницше, который стал популярен «к некоторому своему несчастью»... Увы, и розановские чтения выглядели несколько тоскливо. Неужели симпатичные литературоведы, обратившие Розанова в диссертации, доклады, комментарии, в зарплаты и отпуска, забыли ту первую радость от соприкосновения с ним? Неужели они забыли, как тайком читали, как тащились и кайфовали? Куда делась эта радость, во что обратилась? Диссонансом к общему умилению прозвучали слова Евгении Ивановой, что мы обезличиваем и уничтожаем писателя, загоняя его в рамки строфики, метрики, поэтики, тематики и прочая «ки»...

Александр Николюкин говорил, как у В.В. «болела душа за Россию» и как он не любил революции; а в ответ на любой провокационный вопрос отвечал: «Розанов — философ противоречивый. Этим-то он нам и дорог».

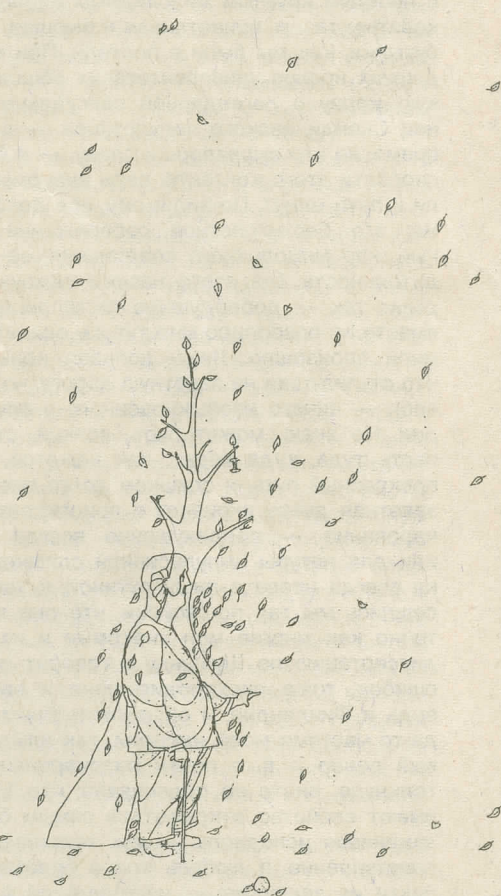
Заходя в тупик, многие спасались этим словечком: «противоречия, батенька, да-с!» И никто не хотел поверить, что в Розанове каждая клеточка дышала мыслью, а клеточки были разные, и мысли, значит, были разные, но только в совокупности этого хора и есть истинный Розанов. Как подлинная истина может быть лишь в сумме истин каждого, так и настоящий Розанов — в совокупности всех его настроений, озарений, взрывов, бзиков, рассветов и закатов.

Не понимал этого даже Шкловский: считал, что В.В. занимается мистификацией, а его редкостно открытое авторское «я» полагал не более чем приемом. За это Шкловскому хорошо влетело от мурмого калужанина Игоря Карашина. А экспансивный Алек-

сандр Панов смеялся над попытками представить розановскую публицистику как продукт серьезного политического действия, ибо, на самом деле, и в ней В.В. остается «всега лишь» писателем, а книга «Когда начальство ушло» — новаторский роман о революции, переданный через рефлексию персонажа». Александр Гаврилов доказывал, что «Уединенное» — произведение сюжетное, а сюжетом является образ главного героя, в котором пародируется Христос...

«Круглый стол», на который возлагалось столько надежд, превратился в пионерский сбор на тему «Что мне Гекуба и что я ей». Треть гостей так и не приехала, поэтому чтения ужались на один день, оставив время побродить по городу, вволю пошуршать листьями, поторговаться из-за лишнего червонца (где еще такое возможно?), добыть, наконец, местного вина и пива, поваляться на кровати и понять, что в городе Ельце куда больше «Розанова», чем во всей нашей представительной, обаятельной, образованной тусовке, носившей гордое имя «Первых Розановских чтений».

Рис. А.Червякова

Николай КЛИМОНТОВИЧ

В И О Л А

И все-таки это должно было рано или поздно случиться, и это случилось, причем не походило на преступление, даже на запретное приключение: зона В, седьмой этаж, аспирантское общежитие филологического факультета, блок из двух комнат, но с одним душем и одним сортиром, осенние сумерки, бутылка коньяка, и не суть важно, как я там оказался — по старой привычке, должно быть, ибо никто в тот вечер не стал бы утверждать, что я был чрезмерно трезв. Она располагала крестьянской чухонской внешностью, светленькая в желтизну, с простым круглым миловидным лицом, с широким и низковатым тазом, приветливая и пьющая, и не прошло и полбутылки, как мы были в постели. При всей вольности тогдашних нравов университетских общежитий и зная мужскую молву о легендарной сексуальной свободе жительниц Скандинавского полуострова — золотое dospидовое время, но это вырвалось к слову, — я был удивлен все же скорости этого контакта, ведь знакомы мы до того не были и пяти минут. По-видимому, все дело было в моем шарме; это бесхитрое соображение и нетребовательный жар мимолетного соединения, ее половая предупредительность без этого нашего самоуничужения или гордыни, так — добродушное гостеприимство плоти, — все вместе не позволило мне тут же оценить — что именно со мной произошло. Лишь допивая коньяк, я спохватился, что ступил-таки на заветную дорожку, но сколь ни понуждал себя — ничего необыкновенного в случившемся не находил. Не знаю, может быть, всякий, страстно мечтавая попасть туда, куда ведет, как кажется, опасный, крутой и прекрасный путь, и слишком долго предвкушая миг, когда заветная дверь скрипнет и приоткроется, пожинает разочарование — предвкушение всегда слаще свершения; или для натуры импульсивной слишком долгая подготовка всегда чревата лишь рутиной; к тому ж тот факт, что сошлись мы так по-свойски, что она живет в общежитии точно как многие мои знакомые и из Финляндии, пишет диссертацию по Шукшину и говорит по-русски почти без ошибок, тоже расхолодил меня и ввел в заблуждение, ведь и Финляндия, и общежитие были, как ни крути, когда-то частями моей империи; так или иначе — в тот первый вечер я был почти разочарован, и ничто меня не толкнуло, ничто не подсказало, что самые роковые пути имеют свойство открываться самым будничным образом, заманивая исподволь — так втягиваются в ремесло и в преступление, в любовь или в болезнь, о которой потом никто не заключит — излечима ли и которая в лучшем случае закончится не смертью, но ее репетицией...

Мы стали видеться время от времени.

Конечно, мне льстило, что наконец-то у меня — своя иностранка, как и было положено в богемном кругу, где я тогда отирался. Вообще говоря, понятие **свой иностранец** не имело тогда неопременного полового оттенка; со **своим иностранцем** сплошь и рядом крутили семейную дружбу, а наличие адюльтера в этом случае было чем-то совершенно несущественным; **свой иностранец** должен был водиться в каждом приличном доме, и ценили его больше чем родственника — лауреата Ленинской премии, берегли от завистливого глаза пуще детей и жены, с той ревнивостью, с какой тщеславные люди поддерживают престиж, а коммерсанты лелеют верную выгоду. **Свой иностранец** — будь он сколь угодно захудал и плюгав, лишь бы не из стран третьего мира, о соцлагере здесь и вообще разговора нет — магическим способом приподнимал жизнь человеческую над обыденностью, подобно неясному обещанию невероятной любви в молодости, хоть корысть была невелика — разве покурить сигареты «Малборо» в обмен на невероятное количество шашлыков и пельменей, что съедал средней руки человек с Запада в русском доме, попить **липтона** из березы, да получить кой-что из ношенных шмоток, которые, впрочем, можно было перепродать; пол, профессия, национальность иностранца были вещами, вообще говоря, второстепенными, он играл роль своего рода живого амулета, любовь к нему была счастлива и безгрешна, как к существу эфира, и именно бескорыстность этого самозабвенного чувства рядовой господин или госпожа с энергией приятного самообольщения принимали за дивное русское гостеприимство, и мало кто из них догадывался, что кончилось бы оно, прими они, скажем, советское гражданство, гадливостью и презрением, если не ненавистью, чем только и может кончиться поруганная мечта. Что говорить, для московского плейбоя иметь любовницу-иностранку было неопременным условием хорошего пилотажа. Так что я, конечно, гордился своей победой — таскал ее по гостям, вернисажам, сходкам и именинам, тщеславно красуясь, демонстрируя приятелям и предъявляя всем интересующимся, — и, может быть, жить мне до сих пор на каком-нибудь хуторе в Суоми, будь я тогда поумнее, более тщателен и осторожен.

По мере того, как встречи наши делались все более обязательными, я кое-что выяснял о ней и понял, наконец, к немалому удивлению, что у нее никого нет — ни жениха в Хельсинки, ни любовника в финляндском посольстве, но что больше всего поражало воображение, так это то, что, по всей видимости, молодые женщины на Западе точно так, как и в нашей простецкой стране, не

прочь выйти замуж. Во мне стала зреть смутная мысль — не сознательный план, не более или менее отчетливая перспектива, но некий светящийся образ, зреть с той нежной медлительностью, с какой зреют только самые баснословные идеи, набухая подспудно, а вовсе не приходя во сне, как любят обманывать шарлатаны доверчивую публику, — идеи, которым суждено перевернуть жизнь человека, а иногда и всего человечества, — коротко говоря, мне пришло в голову, что жениться на ней — могу я, но этого не надо было говорить вслух, чтобы не сплзнуть. Если б это произошло — надо ли пояснять, что могло бы случиться: мы с ней садимся в поезд под названием **Толстой**, как в кино пересекаем **границу**, а там уж Бог ведает, что стряслось бы — удар, взрыв, озарение, и я оказался бы в западном потустороннем мире, о котором мы все знали так же много легенд, как о рае и аде, но которые при всем желании не подлежали проверке в этой нашей грешной жизни. Я легкомысленно верил, что с ее помощью удалось бы преодолеть все политико-бюрократические запреты и преграды — получалось же это у некоторых, неизвестно, правда, какой ценой, — раз уж она так склонна к замужеству, и дело оставалось за малым — убедить ее, что замуж она хочет именно за меня.

Сделать я мог это только одним способом — убедив самого себя, что не могу без нее жить, это не всегда просто, но в данном случае все сходилось как раз наилучшим образом — одно к одному.

Здесь важно, что при всей ограниченности средств — по западным меркам, конечно, — она чувствовала себя, как и любая иностранка в Москве, более или менее — феей, ведь она располагала знанием высшего порядка, какого у всех нас, как персонажей смертных, быть не могло, возможностью общения с иными силами и иными мирами — скажем, способностью проникновения в западные посольства, за что любого на месте поразил бы гром, связью с заграницей по международному телефону, за что неосторожного тоже могли покарать нездешние силы, наконец, обладая волшебными вполне бумажного вида конвертируемыми финскими марками, которые мне и держать-то в руках в темноте было опасно, она могла войти в валютный магазин или валютный бар, непринужденно, как я в аптеку. По-видимому, на каком-то этапе отношений каждой даме свойственно стремиться быть для любовника волшебницей, щедро и лукаво преподнося свои дары, вот только в век тотальной демистификации секса для этого все меньше возможностей, — каково ж было обрести фееричность для такой простоватой финской девушки, причем очень дешево, всего как приложение к советской въездной визе.

Здесь есть, конечно, тонкость, феи помогают лишь сказочным **героям**, пусть и дуракам, но как раз в те годы этот вопрос для меня не стоял на повестке дня; я был молодым **непечатающимся писателем**, что в российском климате и пространстве являлось испытанным эвфемизмом героичности, тем более ей внятнм, что была она литературоведом-русистом. И еще одно: часто ночуя у нее в общежитии, посещая вечеринки, что устраивала ее землячка и коллега, рыжая жердь с лицом реликтового пресмыкающегося, — на этом фоне моя подруга была верхом женского совершенства, — я и впрямь подвергался известному риску, не только нарушая довольно строгий режим, но нарушая его путем **контакта с иностранкой**, и эти два порознь простительных греха, перемножившись, и впрямь могли привести к неприятностям, скажем — меня могли запросто вышибить из редакции журнальчика, где я тогда подвизался, — и подчас я ненароком понижал голос, ища глазами неведомые микрофоны, — и это тоже бесспорно работало на мой романтический имидж, коли ради возлюбленной я иду на постоянный риск. Все делало

наши ночи только страстнее.

С другой стороны, и я сам, поначалу ничего особенного в ней не обнаружив, мало-помалу стал искренним образом убеждаться, что эта обыкновенная девушка, выпивоха и хохотушка, правда, весьма прилежная стажерка, все множившая карточки с наблюдениями над языком и стилем своего деревенского объекта, скрывает в себе и впрямь что-то необычное. Роль здесь играли прежде другого мелочи, ее акцент, и неожиданная наивность в некоторых советских очевидных реалиях, и мелкие вещицы, до тех пор не виданные мною, и приемы макияжа, и вовсе уж диковинные **тампексы**, которые в случае крайней нужды можно вытащить изнутри, потянув за веревочку. Конечно, именно пустяки волнуют влюбленного — даже если его избранница простая смертная, но тут было другое, ведь я имел дело — с потусторонним. Теперь всякий раз, когда она открывала мне навстречу свое щедрое лоно, я испытывал немалый трепет, не столько эротического, сколько мистического порядка, как если бы, веруя, приближался к Иерусалимскому храму. Только любящий экзотически воспринимает женщину, как если бы именно из ее чрева он появился на свет Божий; я же, проникая в нее, лишь предчувствовал, что могу таким способом нащупать путь — в неведомое и запретное, не назад — вперед; что ж тут странного — ведь чем дальше, тем вернее слияние с ней сулило не проникновение лишь обратно в лоно, но попадание прямо — в мир иной... Прошло месяца два, о браке не было ни слова, но теперь, всякое утро, если я не ночевал у нее, я получал телефонный звонок, а через три дня на четвертый — какое-нибудь свидетельство ее внимания, какие по тому времени могли вывалиться только из феинового рукава: скажем, посмертный двухтомник Шукшина, мне, в общем-то, ненужный, но купленный за валюту в ихнем волшебном магазине, или великопный альбом Миро, о котором я и не слышал прежде, вывезенный не иначе как из книжного **стокмана**, что возле хельсинкского вокзала, — впрочем, о существовании такого заведения я узнал лишь много лет спустя.

Самые трогательные вечера мы наладились проводить в дальнем углу кафе **Националь**, которое в разное время сыграло важную роль в жизни определенной части московских обитателей разных поколений — и в моей когда-то. Ни она, ни я богаты не были, но ведь и **Националь** в те годы был дешев, червонец — ужин на двоих, на двадцать же рублей можно было наесться икрой под шампанское. Но для проникновения внутрь кафе, если на улице стояла очередь у дверей, а стояла она всегда, даже по понедельникам, приходилось применять особую тактику: подруга моя отправлялась через гостиничный вход с финляндским паспортом наперевес, объясняла швейцару, что она — переводчица, ведь гостиничной карточки и у нее не было, сквозила по второму этажу мимо ресторанный зал с балалаечниками и валютного бара, спускалась по другой лестнице в холл, а там уж обрабатывала другого привратника — но не с улицы, а изнутри; наконец, дверь приоткрывалась, в узкую щель, под его плечом, на котором некогда красовались погоны, смененные ныне на золотые лампы на штанах, я просачивался внутрь меж пронырливых проституток и бодрых молодых людей, у которых, увы, не было волшебной помощницы, а уж найти место в зале можно было всегда — в кафе осуществлялась негласная фильтрация клиентов, хоть свободных мест было достаточно и по субботам, но посторонний, не ведающий здешних порядков, мог очутиться в **Национале** только чудом.

Счастливого совместного преодоления препятствий сблизает больше, чем еда, какой нам всегда не хватало в общежитии, чем армянский коньяк, который мы, смакуя, отглатывали, глядя в глаза друг друга. И может быть, именно такие минуты и оседают накрепко в памяти, тогда

Рис. Е. Дворецкой

как все остальное — лишь приблизительная реконструкция... Впрочем, эта вечерняя идиллия всегда омрачалась, делалась хрупкой, едва мы вспоминали, что не знаем — сможем ли быть вместе этой ночью. После одиннадцати вечера ее зона В особенно тщательно охранялась, привратники, как ни странно, были неподкупны, но кое-кто, узнавая нас, ленился спрашивать у меня пропуск, принимая за постояльца, а иногда удавалось попасть к ней в постель — черной лестницей, ведущей из подвала, куда по неряшливости забыли запереть дверь; хуже всего бывало как раз в конце недели, когда на вахту заступали члены оперативного студенческого отряда, комсомольские ломоносовы, со сладострастием бросающиеся на жертв стай. Неумолимы они были, как сам железный Феликс, благо лишь считались добровольными помощниками милиции, являясь на деле, конечно же, подручными КГБ. Их-то приходилось избегать пуще всего, ведь по молодому неуголенному рвению они могли нас выследить и установить за ее комнатой особое наблюдение, — и было в этой неопределенности тоже что-то сладкое — от прощания, и все придавало нашей нежности щемящий привкус неверности и разлуки.

Именно в **Национале** подсел к нашему столу О.О. Сценарист-кинодраматург, как называлось это официально, — вполне преуспевающий, ваявший все больше на темы исторические, позже, кажется, даже лауреат, являвший собой странный гибрид интеллектуала и блатаря, так что профессию он выбрал правильно, прямо посередине, — впрочем, он не один такой был в блестящей поросли московских юношей, чье созревание пришлось на мифологическое уж нынче время первого московского фестиваля молодежи и студентов, — драчун, бретер, артист жизни и сентиментальный авантюрист, — и я назвал бы его моим приятелем, не будь он пятнадцатью годами старше и не величай меня прилюдно — **учеником**. Я и впрямь кое-чему у него научился. Скажем, прибаутке:

*не могу, сказала мисс,
у меня теперь люйс,
ну а попросту — сифон,
запишите телефон,*

экспозиции в две трети, короткому резкому удару прямой правой, в который требуется до предела вложить свой вес, а также тому, что каждый из нас — даже вполне далекий от гениальности — может много больше, чем приучили его думать банальные обстоятельства и поганое воспитание; однажды мы с ним поспорили на две бутылки коньяка, что за десять дней я напишу десятилистовую повесть, в день по листу, и я выиграл это пари, вы понимаете — чего мне это стоило, но коньяк он мне так и не поставил, обронил только, прочтя с целью проверки: что ж, проскакивают чистые ноты, как если бы баритона за пьянку списали в оперетту... Короче, я был рад его видеть.

Здесь надо бы набросать портретик О.О., внешность его была вычурна, как и характер: длинные черные волосы и спутанная борода, в которой прятался маленький быстрый беззубый рот, — где взять деньги на врача, вопил он бывало перед зеркалом, хоть швырял в ресторанах сотнями, просто до обморока боялся стоматологов, — попугаисто-капустный наряд — многочисленные шмотки одна на другой, маечка, фуфаячка, рубашечка, курточка, все разноцветное, желто-красно-зеленое, на голове панама, имитирующая тирольскую шапочку, которую в ресторанах он не снимал, а надвигал на самые затемненные очки, — похоже, больше всего он боялся, что его могли бы принять за советского гражданина, и впрямь выглядел нездешне, походил на полоумного какого-нибудь шотландца, боцмана, скажем, сухогруза, которого занесла нелегкая в **порт пяти морей**. Я представил его подруге, он глянул из-под очков, нагло зевнул и, двумя щепо-

тями подергивая вперед шовчики на куртке над ключицами — обратный аналог блатной шикарной манере сбрасывать пиджак назад, чтоб отвороты ложились на плечи, — процеди: Голландия? Финляндия, поправил я, мне было лестно, вся эта хамоватая небрежность должна была маскировать удивление и интерес. Послушайте, ребята, перешел он вдруг на шепот, довольно бесцеремонно схватив нас каждого за руки, купите мне в шопе чаю, сигарет и витамины для дочери, есть немного денежек в заглашнике, идет? Просительный его тон тоже должен был бы нам польстить — сам О.О. просит нас об услуге. Впрочем, моя финская простушка не знала, кто такой О.О., но вежливо пообещала. И мы выпили коньяка — за международное согласие, за СССР и Финляндию, за встречу, за искусство кино, за Шукшина Васю, с которым О.О., конечно же, был знаком, чем привел в восхищение мою подругу, а потом за все хорошее в подлунном мире, включая Голландию. Пили до закрытия, О.О. предложил ехать к нему — читать стихи, в те годы и не принято было в Москве расходиться из ресторана по домам, обязательно к кому-то ехали, — и мы покатались.

Уже в квартире О.О. оказалось, что мы забыли прихватить с собой выпивку, а у него — кончилась. Надеюсь, ты не заставишь бежать старого хозяина; деньги у тебя есть, полагаю, ведь вышло новое положение — младшие угощают старших... Все, кроме последнего тезиса, показавшегося мне сомнительным, было правильно — бежать по всем правилам должен был я; конечно, мне не хотелось оставлять О.О. с моей девушкой наедине, тем более следовало бежать, не споря, нельзя потакать своим ревнивым движениям души.

Я обернулся минут за десять. Перехватил поллитру у первого же попавшегося таксиста, благо стоило это тогда — пятерку. Дверь в квартиру была не заперта. О.О. и моя подруга сидели на кухне друг напротив друга, он декламировал ей стихи Бродского, о котором, как выяснилось, она и не слыхала. Нетерпеливым движением он показал ей рукой — мол, возьми в шкафчике рюмку, и, к моему удивлению, она тут же подхватила, захолопотала, полезла в шкафчик — совсем по-домашнему. Но что еще удивительнее, так это — одна полная и одна початая бутылки коньяка, стоявшие на полочке рядом. Впрочем, О.О. был жадноват...

Мы с ним увиделись уже дня через три, столкнулись в пестрой буфетной ЦДЛ, что-то выпили — и понеслась, как у нас говорят. Часам к восьми вечера мы уже сидели в Пекине, а часам к десяти были вполпьяна, но еще свободно ориентировались в пространстве, не перешли на автопилот. Среди грома оркестра, плясок кримпленовых фиксатых баб я соскучился, прикидывая, как бы ловчее мне соскочить в зону В к своей подруге, но О.О. пришла идея спереть большой медный поднос с официантского подсобного столика. Я никак не мог отказать ему в соучастии в этом остроумном приключении. Один берет пальто в гардеробе, другой нацеливается, поднос выносим мимо швейцара под полой, но, продевая все это, мы столкнулись с тем, что поднос оказался чересчур велик в диаметре, и с грехом пополам мы незаметно выволокли-таки его на улицу. Там шел густой и освежающий снег. С подносом надо было что-то делать. Тут же, у подъезда отеля я использовал поднос на манер бубна, а О.О. запел из России. Впрочем, ветер был довольно резок, снег несло косо и колко, метель не располагала к концерту.

Мы остановились в задумчивости. О.О. сказал:

— Ну и сраная оказалась эта твоя финка.

— Почему? — спросил я спокойно.

— Не моется.

— Ты спал с ней?

— Вдул.

Я положил поднос на снег.

— Когда я за водкой бегал?

— Когда?.. А, нет, она мне вчера позвонила, мы поехали в березу за чаем, а потом я ее в подъезде поставил раком и засиропил... Странно, иностранка, а немытая...

Я ударил его, как он меня учил, — резко правой прямой. Было скользко, он так и покотился по тротуару. Теперь нельзя было дать ему опомниться и встать, иначе у меня осталось бы столько же зубов, сколько было у него, — он был неплохим боксером когда-то и, несмотря на пьянку и разгул, держал себя в приличной форме. Я бросился на него сверху как раз тогда, когда он приподнимался, — в конечном счете мы же не уговаривались: бокс это будет или кетч. В последнем случае у меня было известное преимущество — я был крупнее и тяжелее его. Сцепившись и мутузя друг друга, мы стали кататься под метелью на потеху сутенерам, проституткам и таксистам, толкавшимся перед фасадом. Не знаю — сколько времени мы провели за этим занятием, как вы понимаете, я не смотрел на часы, но очнулся я в воронке, О.О. страшно матерился и показывал двум задумчивым милиционерам разорванный ворот своего дубленого полушубка.

Впрочем, в околотке он протрезвел, поменял тактику, неразборчиво сказал, что драку начал он сам — при его явной несклонности к игре в благородство, — а там достал кинематографическое удостоверение и стал уверять дежурного, что это именно он сочинил **Белое солнце пустыни**, полагая, очевидно, что ментам это ближе, чем, скажем, **Три тополя на Плющихе**. Тем не менее нас посадили в каталажку — правда, по отдельности, а часов в семь, когда у них менялась смена, выписали квитанции на штраф и отпустили на все четыре стороны.

Мы шли по Горького в молчании, О.О. вдруг сказал:

— Все эти дни что-то такое чувствовал... И вот, пожалуйста, — вчера пошел снег.

Он был животное. Я тоже был животное. По-видимому, мы все в большей мере животные. И мне лишь оставалось поучиться у взрослого самца подстергать и подманивать самку. Впрочем, я всегда избегал пользоваться женщинами приятелей. Не джентмен лайк. Да и гордость — все равно что не самому поймать рыбку, а украсть пойманную у товарища. Да и брезгливость — если уж спать на чужих простынях, то лучше не знать, кто спал на них до тебя... Когда ровно в восемь мы сидели за столиком ресторана асимметричной гостиницы **Москва** и нам уже несли пиво, закуску и холодную водку в графинчике, О.О. изрек:

— Знаешь, Коля, до тридцати я тоже гордился, что все женщины дают мне с первого раза. А потом задумался — Боже, с кем я прожил свою жизнь!

Мы выпили, не чокаясь. Его голову клонило к столу. Я разглядывал мозаику на потолке — хорошую сталинскую мозаику, какой не делают теперь нигде в мире, — может, только в Северной Корее. О.О. совсем сморило, я же в те годы мог пить и гулять много суток без сна подряд...

Через полгода я женился, влюбившись в милую девочку и рассудив, что приключения позади, и к двадцати пяти я заслужил немного счастья в своей маленькой семье. Она была генеральской дочерью — представляете, как доволен был генерал, — и начинающей художницей, и альбом Миро перекочевал на ее полку. А еще через несколько лет на какой-то выставке я встретил и свою бывшую финскую подругу. Она расплылась и потускнела. Рассказала, что тоже была замужем — за аспирантом из Волгограда, что вывезла его в Хельсинки, но он бросил ее и уехал в Америку. Зачем она снова приехала в Россию, я не стал спрашивать. Должно быть, выходить замуж.

Борис МИРСКИЙ

«СПУТНИК ГРАЖДАНИНА»

(Из журнала «Новый Сатирикон за 1917 год)

В связи с величественным, исполненным чисто богатырской мощи и древнеславянской удали ультиматумом Центрфлота явилась срочная потребность создать руководство для составления ультиматумов, потребное в практической жизни свободного народа. «Новый Сатирикон», не щадя по обыкновению затрат и не останавливаясь перед самыми сложными политическими задачами, и на этот раз пожелал прийти на помощь русскому гражданину.

Получив столь ответственное поручение, пишущий эти строки немедленно созвал совещание из представителей различных политических партий, профессиональных союзов и корпораций, причем не были забыты ни акушерки, ни фармацевты, ни шуваловская лига революционного гребного спорта, ни алжирский союз толкователей корана. Результатом работы этой комиссии явился настоящий проект, представленный на утверждение Временному Правительству и содержащий образцы ультиматумов. По наведенным справкам наш проект встретил сочувствие в правительственных сферах и в ближайшем будущем будет официально опубликован. В интересах читателей мы сообщаем его в редакции комиссии и ранее опубликования в «Вестнике Временного Правительства».

ОБРАЗЦЫ УЛЬТИМАТУМОВ

1. Военно-полевой

«Мы, блондины четвертой роты стрелкового полка особой армии, протестуя против ножа в спину революционной демократии, немедленно требуем выдачи нам дивана, кожаного, державного, пробитого, — помещающегося в штабе особой армии, а также и двух причитающихся к этому дивану клеенчатых табуретов и одной гитары подполковника Семенова, с комплектом нот. В случае неудовлетворения наших требований в течение двадцати четырех часов мы отказываемся от всяких сношений с штабом особой армии и оставляем за собой полную свободу действий с полным соблюдением третьей Гаагской конвенции «Об открытии военных действий». Обращение к гаагской палате третейского суда заранее считаем неуместным. По отношению к дивану и гитаре накладываем секвестр.

С совершенным почтением
Председатель ротного комитета — подпись
Секретарь — подпись

2. Военно-тыловой

Мы, знаменитые ударники 3-й маршевой роты, желая умереть за отчизну и проклиная Вильгельма, Гинденбурга и Макензена со всеми их подробностями, ставим категорический императив: в двадцать четыре часа установить таксу на галоши и табак, а также обязать куплетиста Грицко, базирующегося в театре «Кино-Слон», воздержаться от контрреволюционных выступлений, выражающихся в недостойных куплетах по адресу местного городского головы, фейерверкера запасной артиллерийской бригады Ивана Сомова. Если наше требование не будет удовлетворено, объявляем Почтовую улицу и прилегающий к ней городской сквер автономной областью. Требуем исполнения нашего постановления. Всем. Всем. Всем.

Председатель группы ударников — подпись
Секретарь — подпись

3. Учебный

Мы, революционные ученики 5-го класса параллельного отделения мужской имени купца Сизова гимназии, требуем немедленного устранения преподавателя математики Петровского, а также выдачи конфискованных им у нашего товарища Лумзика

серии парижских открыток. Если в течение двадцати четырех часов означенные открытки не будут переданы председателю нашего классного комитета, мы начнем действовать. Помните, что никакие каменные стены не могут устоять перед огнем двадцатидюймовых мортир. Страхитесь нашего гнева. Предупреждаем, что обращение к родителям нами заранее отвергнуто.

Исполнительный комитет гимназического союза
«Черная рука»

4. Дружеский

Основываясь на последнем обращении Совета Рабочих и Солдатских Депутатов «К народам всего мира», настоятельно требую возврата выданных вами серых брюк и пикейного жилета. В случае невыполнения моих требований подымаю красный боевой флаг и начну мордобитие.

Ваш бывший товарищ и бывший друг Петья

5. Каскадный

Пупочка! Гнусный царизм пал, и немедленно требую от вас уплаты тех пятидесяти рублей, которые были мне обещаны накануне вечером в «Гранд-Альказаре» (каб. Т 8), так как предоставленные вам услуги я никак не могу рассматривать как бесплатные. Кроме того, я имела большие неприятности. Соболаговолите приписать деньги за (две строчки зачеркнуты), иначе харю изувечу.

С совершенным почтением
Мария Меднякова (она же
Ла-Бель Франциска). Номера
«Цислейтания», комната 15,
ход через шляпочницу.

6. Экономический

Мы, рабочие завода «Новый Перун», идя в авангарде революционного пролетариата, считаем, что обещанные правлением завода прибавки должны быть исчислены с начала освободительного движения, т.е. с 14 июля 1789 года, когда наши товарищи взяли Бастилию и сделали брешь в черепе гнусного царизма. Причитающаяся за 128 лет сумму в количестве трех миллиардов требуем выдать завтра, не позже двенадцати часов дня нашему уполномоченному Сидору Пенькову. Вставай, проклятьем заклейменный и пр. Тачек у нас много.

Комитет

7. Уголовный

Мы, бывшие уголовные, признавая, что демократический республиканский строй гарантирует всем начала равенства и свободы, требуем от милиции Слободского района уважения к труду и человеческой личности. Если же комиссар еще раз залезет в чайную «Севастопольское лоно», то мы ему пустим юшку и дадим очко. Также пусть вернет отобранное пальто, потому это частная собственность.

Слободская группа криминалистов

8. Политический

Представители астраханской музыкальной команды настоятельно указывают Александру Федоровичу Керенскому на необходимость немедленного опубликования тайных договоров. В случае отказа не можем гарантировать спокойствие в команде. Да здравствует Третий Интернационал! Привет Церетели и Марку!

Председатель — Семен Мертваго

...Вышеприведенные образцы ультиматумов дают возможность каждому читателю применять их в потребностях практической жизни, что, конечно, в значительной степени облегчит заботы отдельного гражданина.

После прочтения распространяйте и расклеивайте!

Публикация Р.Соколовского

ГУСТАВ ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ

Художник Георгий Гурьянов в своей санкт-петербургской мастерской

Разумеется, честолюбие, тщеславие и элементарная жажда наживы в огромной степени заполняют существование современного художника. Однако наличие художественной цели чаще всего ставит этим страстям предел. Чего нельзя сказать о Георгии Гурьянове: в нем даже вооруженный глаз не обнаружит ни низменных страстей, ни всепоглощающего интереса к искусству. Гурьянов абсолютно холоден — так, как может быть холоден только аристократ, только великосветский денди. Между

тем еще Ивлин Во заметил об одном из своих героев, что тот был «слишком денди, чтобы быть хорошим художником». Гурьянов с успехом опровергает это мнение. Он настоящий денди, и он настоящий художник. Впрочем, он похож и на немецкого летчика из советского кинофильма, откуда, вероятно, и его прозвище — Густав.

В современной петербургской культуре, полной самых диких анахронизмов, Гурьянов отчетливо и вопиюще современен. Он не только художник — он еще и рокер (в прошлом ударник

группы «Кино»), еще и композитор, еще и натурщик (он позирует своему другу и создателю Тимуру Новикову), еще и восхитительная фотомоделль, еще и сам произведение искусства. Он похож не только на античную статую, он похож еще и на статую, сработанную ваятелем Третьего рейха. Вообще, в дендизме Густава есть ощутимый привкус «ретро». При этом Гурьянов абсолютно немифологичен, если мы будем полагать противоположностью мифа ностальгию по нему. В петербургском художнике, как и в его

родном городе, напластованы сразу несколько исторических стилей, что создает известное богатство и разнообразие, а также волнующую системность.

Существует мнение, согласно которому каждому из новейших отечественных художников соответствует его западный прототип. Гурьянов создавал свой артистический имидж в восьмидесятые годы, во время победительного шествия нью-йоркской «нюу вэйв», всплеска любви к рок-н-роллу и повсеместного тиражирования термина «постмодернизм». Густав

чутко воспринял эти иноземные влияния, и в его образе запечатлелись черты не только постсоветского панка, но и изысканная брутальность Роберта Меллорпа и Роберто Лонги. Вместе с тем, глядя на его работы, хочется вспомнить и Дейнеку.

Гурьянов — один из символов новейшей петербургской культуры с ее культом рафинированного героизма, стилизованной красоты и костюмированной молодости. И он действительно красив, все еще молод и, вероятно, подлинно героичен. Во всяком случае, подобно большинству исторических героев, Георгий Гурьянов почти недоступен. Даже самые близкие его друзья не посвящены в подробности его жизни, а остальная публика может лишь издали наслаждаться скульптурной фигурой этого художника и его арийским благородным профилем. Густав молчалив и скрытен, иногда надменен, иногда застенчив. В общем, он настоящий культурный герой, костюмами которого хочется восхищаться, прическам которого хочется подражать.

Гурьянов работает в Петербурге, этом городе великолепно-фальшивых фасадов. Он тоже отстраненно-великолепен, но не фальшив. За блистательной фасадностью его работ читается чисто советская бедность, почти нищета. Именно этот контраст между величавой, несколько топорной искусностью форм и глумливой нищетой содержания и составляет очарование гурьяновских картин — раскрашенных очагов профанации.

Темой Гурьянова, еще задолго до того, как это начали муссировать москвичи интеллектуалы, стала телесность. Густав сам спортсмен и дамский угод-

Трактористка

ник — он знает цену телу. Причем его прежде всего интересует тело, которое вступает в единоборство с тем, что именуется «духом». Ведь тело, если внимательно всмотреться, борется с навязанным ему спиритуализмом еще со времен Парфенона — борется, стремясь превзойти дух в проворстве и многообразии. Тело бесконечно ревниво к той свободе и той вездесущности, которые считаются неотъемлемой принадлежностью духа. В произведениях Гурьянова тело, которое есть то, что оно есть, начинает казаться чем-то иным — смутным, безбрежным, кокетливым. Оно рядится у него в разные одежды, отсылающие зрителя в разные исторические эпохи, к разным

идеологиям и модам. Но эти одежды в результате только подчеркивают телесность тела — его эротизм. При всей своей холодности картины Густава чрезвычайно эротичны. Это особая эротика похоронного глянца, музейного экспоната, фотодокумента и суперкоммерческого кича.

Важной особенностью работ Густава является то, что чаще всего они «срисованы» с фотографий, причем иногда очень известных. Это создает особый эффект, который я бы назвал «эффектом подмигивания». Картина подмигивает нам, как бы говоря: а помните, какой я была при своем первом рождении? Так подмигивает нам старая кокетка, заставляя задуматься о своей былой

красоте и о тех двусмысленных удовольствиях, которые она может предложить нам и сейчас. Впрочем, двусмысленность Гурьянова достаточно наивна по сравнению с концептуальной двусмысленностью современного московского искусства. Гурьянов все же очень открыт и прозрачен в своей изначальной художественной интенции — жесте «красоты и молодости», в какие бы кавычки ни ставили мы эти слова в силу нашего интеллектуального цинизма.

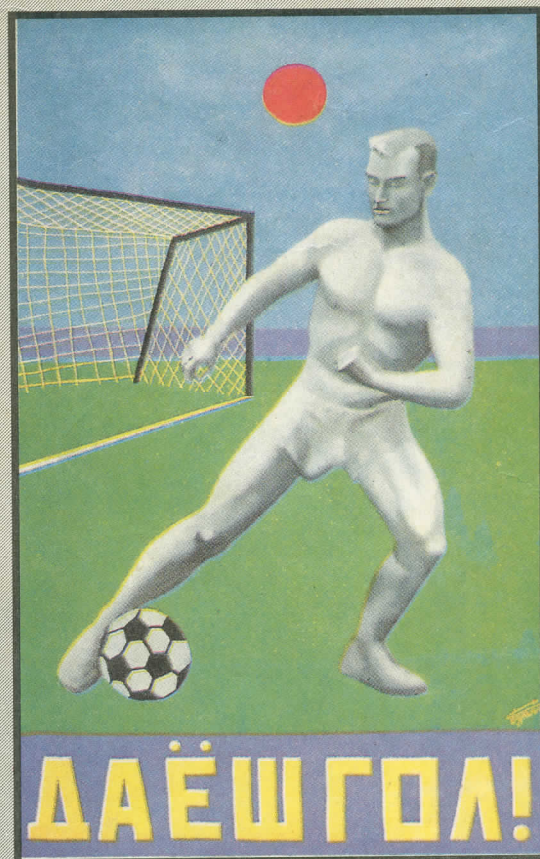
Замечательно и то, что Гурьянов почти не пишет обнаженную натуру. Ему всегда необходимо одеть своих персонажей — хотя бы в купальник, а то и в костюме военного пилота или форму футболиста. Это общее свойство всей петербургской художественной культуры, включая и Бэллу Матвееву, и Дениса Егельского, и даже некрореалистов, — они изображают неизменно окультуренную, стилизованную плоть, они всегда костюмируют, принаряжают или чуть-чуть драпируют чувственность, тогда как московские художники стремятся раздеть, заголить даже самую заидеологизированную плоть. Порнологическому анализу москвичей петербуржцы противопоставляют свою обычную куртуазную маскарадность.

В сущности, это маскарадность локализованных в призрачном европоцентристском Петрополе мировых поп-звезд местного масштаба — Африки, Монро, Гребенщикова... Густав относится к их числу — он тоже скромная и достойная звезда на сумеречном небосклоне города белых ночей. Можно даже рискнуть и попытаться вычислить его непосредственное местонахождение: где-то между Венерой и Меркурием...

Георгий ГУРЬЯНОВ

Рабочий
1988. Акрил на холсте

Футболист
1988. Акрил на холсте

STB CARD — оплата любых, в том числе валютных, товаров с рублёвых счетов.
STB CARD — абсолютная надёжность и безопасность, полная тайна вклада.
STB CARD — Ваша респектабельность.